

Министерство науки и высшего образования РФ
федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Воронежский государственный университет»

С.И.Рудаков

История проблемы диалектического противоречия
в советской философии

Монография

Воронеж 2023

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Воронежский государственный университет»

С.И.Рудаков

**История проблемы диалектического противоречия
в советской философии**

Монография

Под редакцией Ю.И.Борсякова

Издательство «Цифровая полиграфия»

Воронеж

2023

Научный редактор –
доктор философских наук, профессор
Воронежского государственного педагогического университета
Борсяков Ю.И.

История проблемы диалектического противоречия в советской философии: монография/ С.И. Рудаков / под ред. Ю.И.Борсякова.- Воронеж: Изд-во «Цифровая полиграфия», 2023.- 120 с.
Редакторы - Солодовникова Т.Г, Карасева Е.С.

В монографии рассматривается история проблемы диалектического противоречия в советской философской литературе. Этот уникальный исторический период подготовил открытия, которых не было в классическом марксизме.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Введение.....	6
ГЛАВА 1. ДИСКУССИИ 20-Х ГОДОВ.....	7
§1.1 Механисты и диалектика противоречия.....	7
§1.2 Деборинская школа.....	13
§1.3 Бухарин, Варьяш и другие... ..	20
ГЛАВА 2. ВОИНСТВУЮЩАЯ ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ (30-Е – СЕР. 60-Х ГГ.).....	28
§2.1 Поворот на философском фронте.....	28
§2.2 Эволюция направления. Взгляды М.М. Розенталя.....	37
§2.3 Диалектика антиномий. Гносеологический подход И.С. Нарского.	45
ГЛАВА 3. СОВЕТСКИЕ «ГЕГЕЛЬЯНЦЫ», ИЛИ РЕНЕССАНС ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 60-80-Х ГГ.. ..	49
§3.1 От антиномизма к положительной диалектике.....	49
§3.2 Формирование и развитие «гегельянской» школы.....	59
§3.3 Расцвет советского «гегельянства».....	73
§3.4 Разложение «гегельянской» школы. «Старо-» и «младогегельянцы» советской философии.	84
ГЛАВА 4. В ПОЛШАГЕ ОТ МАРКСА... ..	101
§4.1 Логика должна быть открытой.	101
§4.2 Позитивизм или марксизм. Марксистское будущее советской философии.....	113
Вместо заключения.....	122

Предисловие

Материал данной монографии составили исследования середины 80-х гг., легшие в основу кандидатской диссертации автора. Много воды утекло с тех пор. На дворе бушует буржуазная Реставрация. В отечественной философии царят идеализм и метафизика. На первый взгляд, кажется, что история советской марксистской диалектики оказалась бесплодным пустоцветом. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что отечественная философия находится как раз на том распутье, о котором автор говорил в 80-90-е гг. Либо оранжевый позитивизм и иррационализм в мышлении и, как следствие, тупики общественного развития. Либо адекватное прочтение и развитие материалистической диалектики, и выход к зрелой форме социалистического общества.

Главное, исследование показало, что советский марксизм раннего социалистического общества – это целостный и закономерный духовный продукт, который родился как научная попытка осмысления нового, неантагонистического общества и овладения методом материалистической диалектики, разработанным Марксом, Энгельсом и Лениным. Как само строительство социализма, так и развитие марксизма оказалось непростым делом. Более того, этот процесс принял болезненные формы в 90-е годы. Но, как известно, болезнь есть форма дальнейшего развития организма. Крушение раннего социализма на самом деле есть болезненный переход к его зрелой форме, адекватной идеологической основой которой будет такой советский марксизм, за который не было бы стыдно самим классикам марксизма.

Так что историческое исследование советской диалектики устремлено в будущее.

Введение

Древняя мудрость гласит: «Кто владеет настоящим – тот владеет прошлым, кто владеет прошлым – тот владеет будущим». Сегодня на новом изломе отечественной истории проблематику развития марксистской философской мысли: в нашей стране после 1917 г. никак не назовешь схоластическим теоретизированием. Так думать значило бы отвернуться от долголетнего и многотрудного процесса развития советской диалектики, подставленного такими именами, как В.Ф. Асмус и А.М. Деборин, М.М. Розенталь и Э.В. Ильенков, И.С.Нарский и В.А. Вазюлин, В.С. Библер и М.К. Мамардашвили. Если же мы встаем на путь признания пусть хотя бы отдельных достижений марксистской философской мысли за эти семь с половиной десятилетий, то перед нами сразу вырастает громадная проблема: можно ли говорить о феномене «советского марксизма» как целостного явления и что лежит в его основе? В чем истоки прозрений и тупиков советской диалектики?

Многие политологи, экономисты, историки ныне лихо перечеркивают смысл всех семидесятилетних социалистических поисков. Труднее историкам философии. Думать, будто отечественная философия советского периода представляет собой сплошную цепь заблуждений, настолько несерьезно, что никто из серьезных исследователей и не пытается этого делать. Ясно, например, что популярные сегодня идеи Мамардашвили не родились бы без метода Ильенкова, который в свою очередь не состоялся бы без Розенталя, а тот в свою очередь не обратился бы к подробному анализу «Капитала» без жестких дискуссий 20-30-х гг.

Великий Гегель завещал нам методологию единства исторического и логического в развитии философского знания. Следуя ей, В.И. Ленин в «Философских тетрадах» уже с материалистических позиций выразил глубокую идею «кругов» в истории философии: «Круги» в философии: (Обязательна ли хронология на счет лиц? Нет!) Античная: от Демокрита до Платона и диалектики Гераклита. Возрождение: Декарт *versus Gassendi (Spinoza?)* Новая: Гольбах – Гегель (через Беркли, Юма и Канта). Гегель – Фейербах – Магх.»¹ Не все точно в ленинских словах, однако, сама идея «кругов», выражающая факт «логического» развития истории философии, принципиальна.

Логика развития истории философии в каждый крупный исторический период времени представляла собой эволюцию от метафизического материализма через субъективный идеализм к объективному идеализму, который, в свою очередь, разлагаясь, вел назад к материализму,

¹ Ленин В.И. ПСС.Т.29. С 321.

приобретающему на новом уровне антропологическую окраску. Так было и в античности (Демокрит – Сократ – Платон, Аристотель – Эпикур), так было в XVII веке (Гоббс – Декарт – Лейбниц – Гассенди, Спиноза), так было и в зрелой классике Нового времени (Локк, французские материалисты – Беркли, Юм, Кант – Гегель – младогегельянцы, Фейербах, ранний Маркс).

Целостный подход к истории советской философии даже на материале одной из ее проблем, какой является проблема диалектического противоречия, обнаруживает на новом витке исторической спирали, в рамках новой философии проявление все той же логики. Более того, обнаруживается, что развитие советской марксистской философии странным образом воспроизводит отдельные характерные черты классической философии Нового времени, эволюционировавшей от механицизма до абстрактного логицизма и антропологизма. Весь анализируемый процесс есть как бы движение советских философов-марксистов к Марксу с домарксистских в значительной степени позиций.

Такова антиномия советского марксизма в период его становления. Именно эта антиномия является предметом настоящей книги. Не поняв исторических хитросплетений советской диалектики, нельзя понять открывающейся перспективы перед нашей философией и нашим обществом сегодня.

ГЛАВА 1. ДИСКУССИИ 20-Х ГОДОВ.

§1.1 Механисты и диалектика противоречия.

Период 20-х - начало 30-х годов предстает своего рода зародышем, особой исторической куколкой, из которой рождаются все позднейшие направления и школы советской философии. По отношению к развитию советской философской науки он играет во многом такую же роль, какую в свое время играл период XVI-XVII вв. для становления классической буржуазной философии. И там, и здесь в неразвитой, плюралистической форме нащупывается новая философская картина мира. Правда, есть и существенное различие между данными эпохами. Если нарождающаяся философия Нового времени в лице Бэкона, Гоббса, Декарта, Спинозы и других мыслителей только намечала основания позднейших развитых систем метафизического материализма и диалектического идеализма, то советская философская мысль двигалась одновременно как бы в двух направлениях: пытаясь в новых условиях развивать метод материалистической диалектики, она в то же время постоянно стремилась приблизиться к адекватному воспроизведению метода основоположников диалектического материализма.

Ключевой в таком приближении с самого начала стала проблема качественного своеобразия марксистской философии и ее преемственных связей с предыдущим развитием философии. Соединение материализма и диалектики трактовалось с заметным креном либо в одну, либо в другую сторону, что стало примечательной особенностью всего последующего философского процесса в стране. Отсюда проистекали и особенности различных интерпретаций основного закона диалектики. Первым историческим опытом приобщения советских философов к материалистической диалектике стал механицизм.

Школа механистов была представлена именами И.И. Степанова, В.Н. Сарабьянова, Л.И. Аксельрод и др. Для них марксистская философия при всем своем соединении материализма и диалектики есть, прежде всего, продолжение материалистической линии. В.Н. Сарабьянов писал: «Диалектический материализм не синтез материализма с диалектикой, по утверждению т. Деборина, а снятие предыдущего звена в лице фейербахизма, который в свою очередь был отрицанием абсолютного диалектического идеализма Гегеля, снявшего метафизический материализм французов XVIII века². Представлять себе возникновение диалектического материализма по-деборски, писал Сарабьянов, т.е. как смыкание субстанции французских материалистов с диалектикой Гегеля, значило бы эклектически разрывать материалистическое мировоззрение и диалектический метод. Понимая мировоззрение и метод как нечто единое, механисты при этом преувеличивали материалистическую проблематику.

Материализм механистов был чрезвычайно упрощенным, отчетливо обнаруживал рецидивы метафизического мышления, уходящего своими корнями во времена Гоббса. Неслучайно Сарабьянов подчеркивал: «Положение Гоббса, что все – движение, до сих пор остается научным»³. При этом движение сводилось лишь к физическому движению частиц: «Свести вещи или процесс к физическим процессам означает объяснить эту вещь во всех ее проявлениях движением последних известных нам самодвижущихся частиц, из которых она состоит.

Механисты XVII и XVIII вв. формулировали так же, но атомы или виды, с их точки зрения, не обладали самодвижением, и на этом механика того времени сорвалась»⁴.

²Сарабьянов Вл. В защиту философии марксизма. М.-Л., 1929. С. 3-4.

³Сарабьянов Вл. О некоторых спорных проблемах диалектики // Под знаменем марксизма. 1925, С. 109.

⁴Сарабьянов Вл. В защиту философии марксизма. С. 151.

Влияние Гоббса на наших механистов проявилось, как следствие, в уступках плюралистическому номинализму. Мир для них представал просто совокупностью вещей. Философия не может говорить о мире в целом, так как «мир как все, как бесконечное единство нельзя определить, ибо его не подвести подо что-то большее, его нельзя сравнить с чем-нибудь другим, т.е. с миром нельзя оперировать с помощью категории качества»⁵. В чем же в таком случае состоит материалистический монизм? В.Н. Сарабьянов отвечал на этот вопрос таким образом: «Научный монизм неустанно ищет в многообразии общее, сходное, подобное...»⁶

Механистическое восприятие материального мира как обособленных вещей обусловило, по сути, метафизическое толкование диалектики, и, прежде всего, диалектики противоречия. Для механистов тождество было вне различия. Оно суть не-различие. Тождество понималось как простая одинаковость, как сходство механически взаимодействующих вещей и явлений. Такое тождество всегда относительно. По Сарабьянову, «великий механист Менделеев», «в сущности говоря, развивает диалектическую теорию единства тождества и различия: атомы кислорода или водорода и т.д. подобны друг другу, они тождественны, но не абсолютно, а только относительно, т.к. любой атом данного типа представляет собой индивидуум, чем-то отличающийся от других собратьев»⁷. Столь упрощенное толкование тождества как механического совпадения, соседствующего со столь же механическим различием в бесконечном мире единичных предметов и процессов, было колоссальным шагом назад в культуре мышления, шагом назад от многих завоеваний диалектики, в частности от идеи конкретного тождества. Конкретное тождество – идея, получившая наибольшее развитие в домарксистской философии у Гегеля, – предполагает неразрывность тождества и различия, взаимополагание ими друг друга. Именно такое понимание тождества выражает суть диалектики, выражает суть диалектики противоречия, являющегося мотором всякого развития именно в силу того, что противоположности, как неразрывные стороны одной сущности, тождественны в этом друг другу.

Удивительно, как в двадцатые годы XX столетия философы, называющие себя марксистами, по сути, воспроизводили некоторые особенности механического метода XVII века. Так, Т. Гоббс в свое время тоже подчеркивал несовместимость тождества и различия: «Мы говорим, что два тела различны, когда об одном из них можно высказать нечто, чего

⁵Там же С.5.

⁶Там же С. 6.

⁷Там же. С. 136.

нельзя одновременно сказать о другом»⁸. И так же для Гоббса тождество при всей своей внешности различию не абсолютно противостоит ему. Для выражения их связи философ вводил понятие схождения и несхождения: «Те тела, которые различаются не только по величине, называются несходными. С другой стороны, те тела, которые различаются только по величине, называются обычно сходными»⁹. Конечно, механистически-количественный подход Гоббса далеко не то же самое, что советский механицизм 20-х гг., усвоивший многие новейшие открытия, свидетельствовавшие о качественном многообразии физического мира. Однако трудно не увидеть определенную параллель между философией Гоббса и школой механистов. Как ни старались они оплодотворить свой механицизм законами диалектики, мышление их отличалось крайней методологической ограниченностью.

Развитие противоречия характеризовалось механистами как простое количественное расхождение противоположных сил, внешних друг другу. Так Л.И. Аксерольд писала: «Диалектика проявляет себя различно – в одном и том же процессе на различных стадиях развития. Исходный пункт – единство, следующий – единство противоположностей, третья фаза – борьба противоречий, разрушающая единство, причем появляется новая форма, представляющая собой результат победы одной из борющихся противоположностей над другой»¹⁰. С тех же позиций В.Н. Сарабьянов интерпретировал Октябрьскую революцию: «На языке диалектика-материалиста она представляет собой разрешение определенного противоречия. Как оно смогло разрешиться? Только тогда, когда одна из противоречащих сил (в лице пролетариата) стала могущественнее другой (буржуазии)»¹¹. Такое «черно-белое» мышление в своей основе сводится к тому, о чем писали Ф. Энгельс и В.И. Ленин. Оно оперирует, «как и подобает истым метафизикам голыми непосредственными противоречиями: «да, да – нет, нет, а что сверху того, то от лукавого»¹². Правда, Энгельс писал, что практическая жизнь в критические моменты заставляет человека делать выбор именно по принципу «или-или»: «В истории движение путем противоположностей выступает особенно наглядно во все критические эпохи у ведущих народов. В подобные моменты у народа есть выбор только между двумя полюсами дилеммы: «или-или», и притом вопрос всегда ставится не так, как этого желало бы политиканствующее филистерство всех времен»¹³. Однако Энгельс, как и сам Маркс, был далек от того, чтобы такое

⁸Гоббс Т. Избр. произв.: В 2 т. М., 1964. М., Т. I, С. 161.

⁹Там же.

¹⁰Аксерольд Л. В защиту диалектического материализма М.- Л., 1928, С. 215.

¹¹Сарабьянов Вл. В защиту философии марксизма. С. 105.

¹²Ленин В.И. ПСС. Т.I С.214.

¹³Энгельс Ф., Маркс К. Соч. 2-е изд. Т. 20, С.527.

разрешение противоречия характеризовать как механическое количественное преобладание одной противоположности над другой. Достаточно, напомнить, что ранее название основного труда К. Маркса («Наемный труд и капитал») было изменено в зрелый период. Название «Капитал» указывает на пролетариат и буржуазию как противоположности тождественные друг другу в том смысле, что являются полюсами единой капиталистической сущности.

В полемике с деборинской школой механисты толковали понятие синтез противоположностей, которым деборинцы подчеркивали диалектическую неразрывность противоположностей, в духе своей общей позиции. В.Н. Сарабьянов писал: «Итак, синтез противоположностей означает не что иное, как следующее: 1. один и тот же процесс выступает одними своими сторонами в одних связях и другими сторонами в других связях; 2. в одних и тех же связях (отношениях) каждый процесс действует в различных направлениях. Хина есть синтез противоположностей: в связи с больным малярией человеком она лекарство, в связи со здоровым – она яд»¹⁴. Такой подход делает противоположности изолированными и равнодушными друг другу. Более того, в понимании механистов противоположности обособлены настолько, что речь не идет о развитии целостного и противоречивого в своей целостности объекта. В этом сказываются рецидивы плюралистического мышления. Противоположности предстают не столько разными полюсами одной сущности, сколько разными внешними друг другу сущностями. Хина и больной малярией – одна система, хина и здоровый человек – другая система. Они не только внешни друг другу в единой структуре, они даже не образуют по сути дела такой структуры. Тем самым, соединение материализма и диалектики, суть марксистской философии, мыслилось с заметными уступками механистическому домарксистскому мировоззрению.

В литературе 20-х гг. особое место занимало осмысление диалектики становления нового общества. Внимание к социальной диалектике особенно усилилось с переходом к новой экономической политике. НЭП, внося заметные противоречия в общество, заставлял и механистов пытаться объяснить диалектику экономических процессов. Делали они это, развивая свою позицию противоречивости в разных отношениях. НЭП характеризовался ими как неоднозначное явление: «Но было бы чистой метафизикой сказать, что НЭП в наше время – положительное явление, не несущее в себе ничего отрицательного. Напротив, мы должны брать жизнь, как она есть, т.е. диалектически, брать НЭП, как синтез противоположностей, и тогда наша экономическая политика окажется и развивающей социализм, и способствующей (пока) абсолютному (не относительному) росту

¹⁴Сарабьянов Вл. В защиту философии марксизма С. 122

капитализма»¹⁵. Для механической трактовки НЭПа было характерно понимание социалистических и капиталистических начал в экономике как противоположностей, которые, с одной стороны, вроде бы образуют содержание единого процесса, а с другой, совершенно внешне друг другу, обособлены друг от друга, а не находятся во взаимопорождении. Не объяснялся главный парадокс, а именно, что утверждение социалистических начал в экономике осуществлялось через усиление капиталистического предпринимательства. Для механистов это были хотя и противоположные, но внешне друг другу процессы в плюралистической картине переходной экономической системы. Уступки механистическому плюрализму и номинализму избавляли механистов от объяснений диалектических парадоксов НЭПа и вели к упрощенному его толкованию.

Вообще механистская школа, как первый этап в истории советской философии, на наш взгляд, своим социокультурным основанием имеет не времена НЭПа, а более ранний период, с которого начиналась советская история – период «военного коммунизма». «Военный коммунизм» как начальный этап социалистического обобществления экономики демонстрировал и наличие объективных предпосылок для такого обобществления, если рассматривать уровень концентрации производства в России, и незрелость их, распыленность мелких производителей, особенно в деревне. Именно это двойственное положение России, вступившей в полосу революционных преобразований, рождало механистическое восприятие марксизма. С одной стороны, идея соединения материализма и диалектики приобретает форму массового распространения и государственного признания, а с другой – такая массовость в условиях, когда социалистическая интеграция в экстремальном положении гражданской войны и экономической распыленности (технологической и социальной) производителей нуждалась во внешнеэкономическом административном скреплении этого хозяйственного океана, неизбежно вела к плюралистически-механистическому пониманию диалектики мира. Главное, что упрощенное толкование диалектики противоречия механистами, «черно-белое» противопоставление ими социалистического и несоциалистического в экономике двадцатых годов базировалась на том, что они как выразители социалистической точки зрения, сами находились одной ногой на почве несоциалистической раздробленности российской экономики. Так же, как капитализм в мануфактурный период лишь формально подчиняет труд капиталу, так и социалистическое обобществление вначале лишь формально. И чем более раннюю стадию этого обобществления мы берем, тем формальнее оно. Соответственно тем формальнее в общественном сознании

¹⁵Сарабьянов Вл. В защиту философии марксизма. С. 117.

складывается представление о единстве материализма и диалектики. На примере эволюции советской диалектики, и, в частности, школы механистов, история щедро демонстрирует, сколь неоднороден прогресс в методологии мышления. Первые шаги на пути овладения методом материалистической диалектики и развития его на новом историческом материале сопровождались существенными искажениями идей основоположников диалектического материализма.

Автор согласен с теми историками, которые полагают, что именно в особенностях «военного коммунизма» заложены все последующие особенности советской истории. Г. Бордюгов и В. Козлов в дискуссии 1990 г. писали: «Мы солидарны с теми историками и публицистами, которые на основе анализа фактического материала, либо руководствуясь политической интуицией, почувствовали, что разгадка ряда ключевых проблем нашей истории в спрессованном виде лежит в периоде «военного коммунизма»»¹⁶. То же самое нужно утверждать и о месте механистского направления в советской философии. Ниже делается попытка показать, как из него рождается деборинская школа, которая в свою очередь сменяется другими подходами к диалектике.

§1.2 Деборинская школа.

Закономерность преобладания материалистической проблематики в первые годы после Октября по-своему подчеркивал А. М. Деборин. Он отмечал: «Я уже указывал, что на данном этапе (имеется в виду начало 20-х годов – С.Р.) основной задачей была борьба не столько за диалектический материализм, сколько за диалектический материализм. Однако, при переходе к новому этапу революции, – в высшей степени интересно и важно историко-материалистическое объяснение различных уклонов, течений и т.д. – при переходе к новому этапу, примерно в 1925 г., когда наметился уже новый качественный сдвиг революции, разразился кризис в едином лагере воинствующих материалистов. Я имею в виду раскол между механистами и диалектиками, который отнял у нас, как всем известно, так много времени»¹⁷. При всей субъективной заинтересованности в толковании дискуссий 20-х гг. А.М. Деборин справедливо подчеркивал сам факт большей актуальности проблем философского материализма в первый период после революции.

Рождение новых общественных отношений, непримиримое столкновение нового со старым обуславливало необходимость

¹⁶См.: Коммунист. 1990. №12. С.30.

¹⁷Деборин А. Итоги и задачи на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1930. №6. С.4.

материалистического объяснения объективного развития общества, пусть даже и с уступками метафизическому «или-или». Однако последующее развитие советского общества в условиях, когда закончилась гражданская война, и началось мирное строительство, обнаружило, насколько неоднородно такое развитие. Жизнь перестала «подчиняться» революционной неумолимости принципа «или-или». Переход к новой экономической политике породил массу противоречий и в бытии, и в сознании. Движение к новому обществу делало хитрый зигзаг назад. Жизнь становилась антиномичной и подталкивала к отказу от механицизма в пользу диалектики. В результате на первые рубежи «философского фронта» выдвинулась деборинская школа. Как сама жизнь заставляла на практике соединять противоположности, ибо укрепление общественного сектора хозяйствования требовало определенной свободы частного предпринимательства, так и в философии вместо «или-или» выдвинула диалектический принцип «и-и». Антиномичность становилась нормой описания действительности.

А.М. Деборин и его сторонники (Н.А. Карев, Н. Э. Стэн, И.Я. Вайнштейн и др.) отстаивали идею об универсальности тождества противоположностей, представляющего собой контрадикторное противоречие. «Единство противоположностей дано нам во всех явлениях природы»¹⁸, писал Н.А. Карев. При этом противоречие понималось как наполненное тождество, «т.е. конкретное тождество, совмещающее в себе противоположные определения. Это – единство тождества и различия»¹⁹. А.М. Деборин и его соратники были в 20-е годы философами, предложившими разработку великой диалектической идеи о конкретном тождестве, история которой уходит вглубь веков. Их заслугой было то, что они первыми в советской философской литературе, основываясь на трудах основоположников материалистической диалектики, стали широко осмысливать идею конкретного тождества с материалистических позиций. Механистическое толкование диалектики противоречия огрубляло действительность, делало ее одномерной. Механисты не поняли, что само расхождение борющихся противоположностей следует из их взаимоотношения. Вот почему чрезвычайно ценной была мысль Деборина: «Различия составляют необходимые определения тождества. Сравнить можно ведь только то, что различно и в то же время тождественно»²⁰. Переплетенность различия и тождества означает, что стороны противоречия и полагают, и отрицают друг друга одновременно, а с другой стороны, полагают и отрицают самих себя. Такое отрицающее себя

¹⁸Карев Н. За материалистическую диалектику. М.-Л., 1929. С.263.

¹⁹Деборин А. Философия и марксизм. М.-Л., 1926. С. 261.

²⁰Там же. С.264.

взаимополагание и есть диалектическое противоречие. Для Деборина «тождество, различие и единство составляют три момента целого», а «различие в одном и том же отношении есть противоположность»²¹.

Позиция деборинской школы выявила уступки механистов метафизическому мышлению. Н.А. Карев справедливо подчеркивал общность толкования противоречия Е. Дюрингом (как движение сил в противоположном направлении, по характеристике Ф. Энгельса) и воззрений механистов. Деборинцы также верно подчеркнули связь между ревизионизмом в философии и политике и отказом от диалектического метода Гегеля и Маркса²².

Вместе с тем одностороннее обращение к Гегелю обусловило и многие трудности в понимании диалектического противоречия философами данной школы. Особенно это выявилося в вопросе о разрешении противоречия. А. М. Деборин исходил из мысли о том, что «противоположности суть противоположности между собой, но не в отношении единства, так как истинное и конкретное единство есть не что иное, как единство или синтез противоположностей»²³. Отсюда он по-гегелевски выводил и свою интерпретацию разрешения противоречия: «Каждая из самостоятельных противоположностей «снимает» себя и отрицает себя в другую и тем самым уничтожается в основании»²⁴. Такое абсолютизирование взаимоотношения противоположностями друг друга, их единства неизбежно ведет к примирению противоположностей. А.М. Деборин недооценивал в данном случае ленинского положения об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей.

В основе этой недооценки лежала более общая позиция принижения ленинского философского наследия, что было характерно по-своему и для механистов²⁵. Деборин в статье «Ленин – воинствующий материалист» писал: «Ленинизм – это марксистская политика и тактика... Ленин в философии, конечно, является учеником Плеханова. Плеханов, прежде всего, теоретик. Ленин же, прежде всего, практик, политик, вождь»²⁶. О том же писал и Н.А.

²¹ Там же. С.262, 265.

²² См., например: Вайнштейн И.Я. Гегель, Маркс, Ленин. М.-Л., 2-е изд., 1930. С.65; он же: к вопросу о методологии политэкономии у Маркса классиков // Под знаменем марксизма., 1929, №9. С.139.

²³ Деборин А. Философия и марксизм. С.286.

²⁴ Там же. С. 267.

²⁵ См. подробнее: Колосков В.Н. Очерк истории марксистско-ленинской философии в СССР (20-е годы). М., 1978. Гл. I

²⁶ Под знаменем марксизма. 1924 №1. С.15.

Карев: Ленин удивился бы, если бы ему сказали, что он открыл новую эру в марксизме»²⁷.

Упрощенно оценивался не только ленинизм, но и сам марксизм, в итоге. Марксизм трактовался как истина гегелевской философии. По мнению Деборина, в вопросе о методе изучения буржуазного общества «только гегелевская диалектика могла служить, по крайней мере, отправной исходной точкой»²⁸. Соединение гегелевской диалектики с фейербаховским материализмом, в которой были внесены некоторые поправки, и есть марксова философия, по Деборину.

Деборинцы, по сути, трактовали диалектический метод как неизменную, окостеневшую конструкцию, что позволило И.И. Степанову заметить: «...У наших противников диалектический метод превращается в философскую систему».²⁹ В самом деле, если гегелевский метод безупречен, то, как он мог уживаться с идеализмом?

Некритическое отношение деборинской школы к Гегелю усиливалось одним существенным обстоятельством, которое совершенно не осмыслено в нашей литературе. А.М. Деборин и его сторонники, действительно допускающие уступки домарксистской диалектике, воспроизводили некоторые слабости не столько Гегеля, сколько другого великого немецкого диалектика – Г. Лейбница³⁰. Несмотря на слова Н.А. Карева о том, что «Кеплер и Лейбниц мертвы для нашего времени, между тем как на актуальное значение Гегеля указывал в наши дни ни кто иной, как Ленин»³¹, параллель Лейбница с деборинской школой сильна, потому что диалектики 20-х годов в отличие от Гегеля и ильенковской школы 60-70-х годов допускали рецидивы плюралистического мышления. Еще в работе «Введение в философию диалектического материализма», предисловие к которой написано Г.В. Плехановым. Деборин отдавал дань плюралистическому мировоззрению: «Идея не противостоит реальности, подобно тому, как и реальность, в свою очередь, есть идея. Действительность есть совокупность «активных» идей-реальностей. Диалектика имеет своей целью не «систему вещей», а описание ряда действий, деятельности идей-реальностей»³². После революции в одной из своих статей, говоря о том, что источником знания

²⁷Карев Н.А. О действительном и недействительном: изучении Гегеля // Под знаменем марксизма, 1924, №4-5. С.241.

²⁸Деборин А. Философия и марксизм. С. 251.

²⁹Степанов И. Диалектический материализм и деборинская школа. М.- Л., 1928. С.8.

³⁰Сближение деборинской школы с гегелевской характерно и для зарубежной философии.

³¹Карев Н. Хождение по мукам философской критики // Под знаменем марксизма., 1925. №5, С. 253.

³²Деборин А. введение в философию диалектического материализма. М.-Л., 1930, изд-е 5-е. С. 244.

являются чувства, Деборин добавляет: «Но без мышлений нет науки»³³. Множественное число, в которое помещали зачастую деборинцы действительность, вовсе не есть нечто случайное. За этим лежит определенное понимание всеобщего, которое, с их точки зрения, фиксируется в философских категориях, являющихся не только логическими определениями, но и реальными формами вещей.

Общее мыслилось А.М. Дебориным как некая абстрактная одинаковость, которая множится в единичностях: «Общность распадается или определяется как бесконечный ряд частных или особенных. Этот бесконечный прогресс получает свое завершение в единичном, в индивиде»³⁴. Так, например, «четыреугольник вообще может быть одинаково как квадратом, так и ромбом. В этом и состоит связь частного и особенного с общим. Определенный действительный четырехугольник будет или квадратом, или ромбом»³⁵. Такая множимость общего ближе не к Идее-Закону Гегеля, а к множеству идей-монад Лейбница, в основе которых лежит высшая идея. Конечно, А.М. Деборин и его сторонники, как основоположники одной из первых школ советской философии были далеки от идеалистического плюрализма Лейбница. Можно лишь говорить о рецидивах такого плюрализма. Особенно они выступали у Н.А. Карева, который писал: «Отличие формально-логической от диалектической теории понятия заключается в том, что в то время как метафизическое мышление исходит из абстрактно-всеобщего, исключаящего единичное, диалектика требует конкретно-всеобщего, включающего в себя единичное, представляющего собой не что иное как отображение совокупности всех данных сходных единичных предметов, взятых в их взаимной связи и общем движении»³⁶. Общее тем самым низводилось до одинаковости обособленных в своей взаимосвязи предметов, а не понималось как сущностное тождество, закон единичных форм, развивающийся в своих проявлениях. Поэтому неслучайно диалектика общего и единичного у Карева, по сути, подменялась диалектикой целого и части. Так, говоря о понятии общественного класса, он писал: «...Если не желать распрощаться с азбукой ленинизма, также несомненно, что класс не есть только абстракция от отдельных рабочих, а понятие класса выражает их историческую связь и исторически данное их единство, возвышающееся над отдельным рабочим»³⁷.

³³Деборин А. Маркс и Гегель. IV // Под знаменем марксизма. 1924. №3. С.9.

³⁴Деборин А. Философия и марксизм. С.294.

³⁵Деборин А. Философия и марксизм. С.294.

³⁶Карев Н. за материалистическую диалектику. С. 300.

³⁷Там же. С. 302.

В такой интерпретации общее есть не столько особая объективная реальность, сколько сходство единичных форм³⁸. Последние изменяются, духовная же печать одинаковости, лежащая на каждой из них, остается все той же самой. Равно как Лейбниц в свое время полагал: «Что касается существа дела, то тождество одной и той же индивидуальной субстанции может осуществляться лишь благодаря сохранению той же самой души, так как тело находится в постоянном изменении, а душа не помещается ни в каких-то предназначенных для нее атомах, ни в какой-то неуничтожимой косточке вроде»³⁹. Как у Лейбница духовная сущность (монада), неизменная сама по себе, проявляется в постоянно изменчивой телесной оболочке, так в определенном смысле и у деборинцев различающиеся, меняющиеся единичности несут в себе неизменное начало, простую одинаковость друг другу.

Обоснованно М.З. Селектор подчеркивал: «Самодвижение принимает у них (меньшевистствующих идеалистов – С.Р.) мистический характер. Вещь превращается в нечто вроде лейбницеvской монады (! – С.Р.), которая как учил Лейбниц, обладает самодовлеющим бытием, развивающимся исключительно по внутренним побуждениям, не испытывая воздействие извне, т.к. монады не влияют друг на друга («монады не имеют окон»)⁴⁰.

Насколько диалектика Лейбница была наряду с метафизикой Гоббса лишь другой стороной механистического плюрализма XVII века, настолько же борьба механистов и деборинцев представляла собой внутренне противоречивую целостность самого раннего периода советской философии. Эта общая основа двух противоборствующих направлений отчетливо проявилась в вопросах социальной диалектики, и прежде всего в понимании противоречивой природы НЭПа. Если одни выделяли в НЭПе социалистическую и капиталистическую стороны, механически сосуществующие рядом друг с другом, то другие занимали противоположную позицию, которая, однако, недалеко отстояла от того, что защищали оппоненты. А.М. Деборин и его единомышленники полагали, что социализм – это то, заложенное в НЭПе, что должно еще развернуться. Деборин писал: «НЭП есть реальная возможность социализма. Социализм в НЭПе есть «внутренняя» сторона, еще не развивавшаяся, но в процессе

³⁸ Деборин писал: «Различие между индивидуальным и общим вообще относительно. Общего желудка, как и общей головы, не существует. Каждый имеет желудок свой, индивидуальный. Но этот индивидуальный желудок, как и голова составляют общее явление» / Философия и марксизм. С. 296.

³⁹ Лейбниц Г. Соч.: в 4-х т. Т.2. М., 1983. С. 233.

⁴⁰ Селектор М.З. Диалектический материализм и теория равновесия. М.– Л., 1984. С. 39-40.

дальнейшей эволюции, становящаяся внешним, т.е. осуществляющимся»⁴¹. Безусловным достоинством деборинского подхода к НЭПу было в противоположность механистам рассмотрение социализма как рождающегося нового социального качества, которое постепенно вылупляется из скорлупы старых отношений. Процесс становления нового общества предстает диалектическим процессом перехода одного качества в противоположность. Тем самым несравненно более глубоко раскрывается взаимоотношение противоположными сторонами, тенденциями НЭПа друг друга. Если механисты, видя, что развитие НЭПа рождает и усиливает как капитализм, так и социализм, по сути, не объясняли парадоксальности такой двойственности НЭПа, то заслуга деборинцев состояла как раз в акцентировании внимания на НЭП как на процесс, как на тождество противоположностей. Вместе с тем чрезмерное «овнутрение» нэповского социализма, хотя и заключенное в кавычки, заметно примиряло противоборствующие тенденции, а главное, делало последующий переход от внутреннего во внешнее загадочным, таинственным. Такой подход опять-таки не исходит последовательно из механизма взаимоотношения противоположностей. Они также остаются внешними друг к другу, и в этом – глубокое единство механистов, и деборинцев. Только в одном случае механически разрывались буржуазные отношения и социализм, так что абсолютизировалось новое, изолированно существующее рядом со старым, а в другом та же изолированность сторон приобрела форму «встроенности» их друг в друга, что вело уже к абсолютизации самой процессуальности и потому к определенному примирению сторон.

Диалектика деборинской школы – слепок с диалектики НЭПа. Усиление товарно-капиталистических отношений в процессе социалистического строительства объективно обуславливало перенос исследовательских акцентов с непримиримости внешних дуг другу социальных противоположностей на их взаимное опосредование. Однако диалектические идеи А.М. Деборина и других философов по-своему допускали уступки плюралистическому мировоззрению, что соответствовало все той же экономической раздробленности, многоукладности страны. Вместе с тем, как сам НЭП был шагом вперед в создании основ социалистического хозяйства, так и диалектика деборинцев была шагом вперед по пути овладения диалектико-материалистическим монизмом.

Противоположность механистов и деборинцев высветила реальную диалектику рождающегося нового общества. Первые, акцентируя внимание на борьбе противоположностей, объективно отражали факт качественного

⁴¹Деборин А. Энгельс и диалектика в биологии // Под знаменем марксизма. 1926. – №12. С.76.

скачка в развитии общества, непримиримости антагонистических классов. Вторые, толкуя противоречие как тождество противоположностей, по сути, фиксировали реальное переплетение нового и старого, взаимопроникновение их друг в друга. Момент истины содержался в позиции каждого из этих направлений, что уже само по себе заставляло искать пути синтеза. Поэтому конце 20-х годов неслучайно усиливается интерес к направлению, которое в определенной степени насколько родственно, настолько же и оппозиционно каждому из рассмотренных направлений. А.М. Деборин в 1930 году по-своему объясняет этот новый виток развития советской диалектической мысли: «Мне представляется, что мы имеем сейчас наметку некоего синтеза пройденного этапа, некую новую попытку примирения механистов и механистической концепции с элементами диалектического материализма. Не надо обманываться на этот счет, надо уметь видеть вещи в их зародыше. Конечно, перед такой опасностью мы стоим; если мы скажем, что главной опасностью является механистическая концепция, то мы вместе с тем, видим и примиренческое отношение к механистам. Для нас эта установка совершенно неприемлема...»⁴². В том же докладе Деборин отмечал: «Намечается некоторая новая группировка, которая так или иначе будет связана с механистами»⁴³. Он имел в виду А. Варьяша, Г. Дмитриева, В. Максимова и близких к ним философов. Но еще раньше такой возврат к механистам на новом уровне был осуществлен Н.И. Бухариным.

§1.3 Бухарин, Варьяш и другие...

Позиция Н. И Бухарина, безоговорочно относимая в дискуссиях 20-х и тем более 30-50-х годов его оппонентами к направлению механистов, на самом деле заметно отличалась от метафизической концепции борьбы противоположностей у механистов. Н.И. Бухарин впитал в себя влияния как механистов, так и деборинцев. У одних он усвоил понимание противоречия как расхождения противоположностей, у других – принцип единства, сосуществования, взаимодополнения противоположностей в развивающейся системе. В результате родилась концепция, ядром которой была довольно эклектическая попытка соединения противоречия с единством, устойчивости с изменчивостью.

Центральным у Бухарина являлся «постулат равновесия», согласно которому нормальным состоянием системы является ее устойчивое, равновесное существование. Постулат равновесия, по Бухарину, составляет важный методологический прием, входящий в марксов метод.

⁴²Деборин А. Итоги и задачи на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1930.- №6.- С. 17.

⁴³Там же. С. 20.

Применительно к буржуазному обществу, которое изучал К. Маркс, он означает следующее: «В обществе с общественным разделением труда – а товарно-капиталистическое общество предполагает это последнее – это означает, что должно быть определенное равновесие всей системы. В нужных количествах производится уголь, железо, машины, ситцы, полотна, хлеб, сахар, сапоги и т.д. и т.п. В нужных количествах на производство всего этого соответственно затрачивается живой человеческий труд, пользующийся нужными количествами средств производства»⁴⁴. И хотя равновесие такое динамично, в целом оно сохраняется: «тут могут быть всякие отклонения, колебания, вся система расширяется, усложняется, развивается, находится в постоянном движении и колебании, но, в общем и целом, находится в состоянии равновесия»⁴⁵.

Идея равновесия у Бухарина по-своему отражает процессуальность, длительность материальных тел и явлений, их взаимопосредствованность друг другом в той или иной системе. Противоположные факторы не просто расходятся друг с другом, они в определенном смысле подогнаны друг под друга. Однако если у Деборина система, взятая со стороны единства ее составляющих сторон, есть тождество взаимопорождающих и взаимоотталкивающих друг друга противоположностей, есть процесс вызревания противоречия, то у Бухарина - взаимодействием, а монизм противоречия превращается во взаимодействие многих разнонаправленных составляющих системы. Следствием такого понимания развития было преувеличение роли внешних противоречий. По Бухарину, именно воздействия внешней среды на систему ведут к нарушению ее равновесия и становлению нового качества.

В философии XVII в., с которой определенным образом коррелируют идеи советской философии 20-х гг., также можно встретить подобные плюралистически-механистические мотивы в толковании тождества и различия, общего и особенного. Так, П. Гассенди, объясняя вещь как определенную форму или качество, образованное из материальных и субстанциональных первоначал, писал: «Именно эта форма или качество есть то, благодаря чему вновь образованная вещь принадлежит к определенному роду вещей, например металлов или камней, растений или животных, и чем она отличается от всех других видов или индивидуумов того же рода. Эта форма, говорю я, не есть нечто единое и постое, а скорее некое скопление и сочетание многих (форм), которое не встречается ни в какой другой форме»⁴⁶. Гассенди, тесно увязывая тождество и различие, родовую

⁴⁴Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. М., 1989, С.153.

⁴⁵Там же.

⁴⁶Гассенди П. Соч. Т.1. М., 1966, С. 186.

общность и индивидуальную особенность, созвучен диалектическим идеям Лейбница. Но он же воспроизводит и черты механистического миропонимания Гоббса, ибо для него форма оказывается лишь «скоплением и сочетанием» разных элементов. Тождество-различие родо-индивидуальной формы уживается с плюрализмом различающихся (и только) форм. Мир не предстает в такой картине внутренней саморазвивающейся целостностью. Различные предметы, качества равнодушно соседствуют друг с другом. И это не случайно, потому что каждое отдельное качество равнодушно внутри себя, так как в нем соседствуют и уживаются различные индивидуальные составляющие.

Марксист Бухарин, в отличие от эпикурейца ранней философии Нового времени Гассенди, признавал целостность и саморазвитие мира. Однако по своему допускал уступки механистическому плюрализму. Отчетливо данная особенность проявилась в его схеме развития: равновесие – нарушение равновесия – восстановление равновесия. Пытаясь непосредственно соединить принципиально противоположные моменты развития: устойчивость, неразрывность сторон системы и преходящий характер такой системы, Н.И. Бухарин в результате существенно огрублял и саму борьбу противоположностей, и тождественность их взаимопорождения, так что одно не следовало из другого. Тем самым, складывались особенности по сути псевдодиалектического способа мышления, который Ленин назвал эклектикой. Особенно это проявилось в дискуссии о профсоюзах.

Пытаясь примирить позиции Троцкого и Ленина, Бухарин выдвинул тезис о том, что профсоюзы должны быть и аппаратом государственного управления, и школой управления, которую проходят широкие слои трудящихся. Ленин аргументированно показал искусственность бухаринской конструкции, в которой противоположности не диалектически проникали друг друга, а чисто механически соседствовали друг с другом.

«Теоретическая сущность этой ошибки, которую здесь делает т. Бухарин, – писал В.И. Ленин, – состоит в том, что он диалектическое соотношение между политикой и экономикой (которому учит нас марксизм) подменяет эклектицизмом. «И то, и другое», с одной стороны, с другой стороны – вот теоретическая позиция Бухарина. Это и есть эклектицизм»⁴⁷.

Подчеркивая, что истина в диалектической логике конкретна, В.И. Ленин резюмирует: «Не с одной стороны школа, с другой – нечто иное, а со

⁴⁷ Ленин В.И. ПСС Т.42, С. 286.

всех сторон, при данном случае, при данной постановке вопроса Троцким, профсоюзы суть школа... школа управления»⁴⁸.

Особенности философско-методологической позиции Бухарина своей основой имели, в конечном счете, особый подход к диалектике социалистического строительства. Абсолютизация равновесия была связана в трактовке практических вопросов рождающегося общества с недооценкой борьбы, непримиримостью противоположностей. Отсюда происходила его теория мирного вращивания кулака в социализм. Правда, сам Н.И. Бухарин резко отмежевался от данного словосочетания⁴⁹, но несомненно, что он преувеличивал эволюционность развития многоукладной российской экономики.

Конечно же, Н.И. Бухарин и его сторонники не составляли никакого правого уклана в партии. Их деятельность соответствовала определенному отрезку времени со всеми его достоинствами и недостатками. В философии позиция Н.И. Бухарина, по сути, означала разложение деборинской школы. Попытка вывести философию из туманного логического анализа в мир реальных отношений, показать наличие разных объективных систем, усиливая при этом тезис об устойчивости, тождественности самой себе каждой из этих систем, дали обратный крен в сторону механистов. И равно как деборинская школа выросла на почве НЭПа, так Бухарин стремился занять наиболее решительную позицию в отстаивании товарно-денежных экономических связей⁵⁰. Но доведенная до своей завершенной формы защита НЭПа рождала иллюзию постепенности, эволюционности, непротиворечивости социалистического строительства. Впрочем, момент эклектики проявлялся у Бухарина и здесь. Утверждая о все более противоречивом характере социалистического строительства, Бухарин вместе с тем писал о возможности нарастания противоречий: «Из этого, что после рабочей диктатуры будет идти дело таким образом, что, в общем и целом, это будет эволюционный ряд, из этого отнюдь не следует, что мы не будем иметь, особенно в первую фазу рабочей диктатуры, чрезвычайно больших противоречий, которые в некоторые периоды развития могут даже нарастать. Если я говорю об общей линии возможного отмирания этих противоречий вплоть до коммунизма, то я беру масштаб очень длинного пути, весь этот путь в общем»⁵¹. У Бухарина один момент (обострение

⁴⁸Там же. С.292.

⁴⁹См.: Бухарин Н.И. Проблемы теории и практики социализма. С.269.

⁵⁰Он писал: «Я бы даже больше сказал: форма рыночной связи долгие годы будет решающей формой экономической связи. Решающей!... Значит, основная линия нашей смычки в нашем хозяйстве – рыночная и наша ведущая экономическая роль должна идти через рыночные отношения...» (Проблемы теории и практики социализма. С.281.)

⁵¹Бухарин Н.И. Избр. Произв. М., 1938. С 82-83.

противоречий) не выводился из другого (эволюционности, непротиворечивости). А это рождало эклектическое соединение элементов, усвоенных и из деборинской школы, и из механистов. «Диалектика требует, – говоря словами Ленина, – всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, а не выдергивании кусочка одного, кусочка другого»⁵².

Современная популярность личности Н.И. Бухарина питается товарническими настроениями общественного мнения. Однако, как и сам Бухарин, его сегодняшние сторонники недооценивают противоречивости рынка. Между тем представляется, что развитие НЭПа на определенном этапе неизбежно должно было смениться административными формами хозяйствования, так как рынок, расширившись, неумолимо подвел к той черте, особенно в сельском хозяйстве, за которой должно было напечататься либо сплошная капитализация общества, либо новая ступень обобществления. Первое в условиях огромной крестьянской страны было практически исключено, так как привело бы к колоссальному обострению социальных противоречий.

Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов обоснованно подчеркивают: «Сколько-нибудь ясной концепции внутриформационных скачков и переходов в процессе строительства социализма в обществоведении не было. В середине 20-х гг. представители большинства в ЦК не предвидели того кризиса, с которым столкнулась нэповская система в конце 1927-начале 1928 г. В результате последовал ряд поспешных прагматических решений. Ведущий теоретик партии Бухарин продолжал искать выход из противоречий на базе «традиционного» НЭПа в тот момент, когда сохранить НЭП в неизменном виде можно было только ценой отказа от форсированной индустриализации и серьезных уступок мелкобуржуазной стихии»⁵³.

Осталось второе. Чем отчетливее выступала потребность в нем, тем причудливее переплетались в головах носителей его реальная борьба за новые формы отношений в новых условиях с вымышленными уклонами, врагами, предателями...

Таким образом, место Н.И. Бухарина в философии 20-х гг. далеко не так однозначно, как это было принято считать в 30-70-е гг. Зачисление его в стан механистов не отражает всей многогранности его исследовательской работы, глубоких связей с идеями деборинской школы. На самом деле его позиция намечала в определенной мере выход из абстрактного логицизма деборинцев. Однако оставаясь сам на почве абстрактного плюралистического мышления,

⁵² Ленин В.И. ПСС Т.42. С. 286

⁵³ Бордюгов Г.А., Козлов В.А., Поворот 1929 года и альтернатива Бухарина // Вопр. истории КПСС, 1988.- №8, С.31.

Н.И. Бухарин допустил эклектическое смешение метафизики механистов с диалектикой деборинцев.

Более зрелой попыткой синтезировать мысли двух основных направлений советской философии 20-х гг., стали работы таких философов, как Варьяш, Дмитриев, Селектор, Топорков и др. Некоторые из них, особенно А.И. Варьяш, серьезно упрекались в уступках механистам⁵⁴. Но неслучайно Деборин говорил об этой группе философов отдельно от других. На самом деле они пытались преодолеть крайности упрощенного механицизма и абстрактного логицизма. Отправной точкой для них также была философия Гегеля. Но, в отличие от деборинцев, А.А. Варьяш и его сторонники подчеркивали, что хотя «писать что-либо о диалектике без тщательного использования всего ценного, что имеется в логике Гегеля невозможно»⁵⁵, «...диалектика у Гегеля обладает весьма существенным дефектом: она, во-первых, идеалистична, а во-вторых, замкнута, и априорна по своему плану построения»⁵⁶. Критикуя абсолютизм Гегеля, Варьяш высказывал чрезвычайно плодотворную мысль о том, что «не только природные явления происходят диалектично, но и законы природы видоизменяются»⁵⁷. Отсюда следовало, что нельзя построить универсальную вневременную логику, как пытался сделать Гегель, и что проявилось в определенной степени у деборинской школы.

Применительно к основному закону диалектики это означало требование анализа реальных противоположностей, чего не знал, по словам М.З. Селектора, Гегель⁵⁸. Ту же мысль несколько по-другому выражал и Варьяш. Реальное противоречие, по его мнению, не является контрадикторным – $A^* \text{ не-} A$, оно выражается формулой A^*B , в которой A и B обозначают неразрывные, но все-таки разные противоположности. Такие противоположности образуют нерасторжимое единство, которое, тем не менее, развивается, ведя к разрешению противоречия. Если механисты односторонне сводили противоречие к борьбе, которая рано или поздно заканчивается победой одной противоположности, а деборинцы считали, что единство противоположностей разрешается возникновением третьего, то философы рассматриваемой группы попытались соединить оба этих

⁵⁴Вот как писал, например, о Варьяше В.Ф. Асмус: «Результаты нашего анализа, думается, совершенно ясны и убедительны. Перед нами – типичный механист, антидиалектический позитивист, защитник формально-логического понимания противоречия» (Асмус В. Формальная логика и диалектика (Под знаменем марксизма. 1929. - №4. - С.81)

⁵⁵Варьяш А. Логика и диалектика. М.-Л., 1928. С.3.

⁵⁶Там же. С.400.

⁵⁷Варьяш А. О том, как не надо писать критику // Под знаменем марксизма. 1925.- №5. - С. 235.

⁵⁸Селектор М.З. Диалектический материализм и теория равновесия. – С.30.

момента. Так, М.З. Селектор писал: «Скачок означает победу одной из противоположных тенденций в предмете и гибель другой, а вместе с тем и уничтожение старого предмета в целом, и образование нового качества. С другой стороны, утверждение одной из противоположностей и гибель другой отнюдь нельзя представлять на манер того, что новое уже полностью складывается и вызревает в старом. Скачок чреват тем, что элементы нового, бывшие в старом, в связи со скачком также преобразуются: элементы нового становятся теперь в полном виде новыми»⁵⁹. Тем самым, побеждает ведущая противоположность, которая снова меняется, что позволяет говорить в некотором смысле о возникновении чего-то третьего по сравнению с существующими противоположностями. Так намечалась интересная перспектива преодоления односторонних трактовок противоречия либо как расхождения противоположностей, либо как неразрывного тождества, – перспектива, которая, однако, не была развернута. Не ясно было, как оба момента связаны друг с другом, т.е. как из неразрывности противоположностей следует победа одной из них и наоборот. Половинчатость позиции М.З. Селектора вела как следствие к уступкам тем двум крайностям, которые следовало преодолеть. Такая же двойственность заметно выступала и у А. Варьяша в трактовке вопроса о соотношении диалектической логики и формальной.

Для Варьяша формальная логика «есть момент, частный случай диалектики»⁶⁰. При этом, формальная логика одновременно является, по Варьяшу, и логикой покоя, как предельного случая движения, и логикой правильного мышления, на что В.Ф. Асмус резонно замечал, что Варьяш эклектически оставляет нераскрытым вопрос о связи онтологического, предметного и гносеологического, формального аспектов содержания формальной логики⁶¹. У Варьяша, когда формальный закон противоречия берется как предельный случай диалектического противоречия, противоположности столь взаимопроникают, что лишь момент разрыва их связи, делающий побеждающей, истинной одну из них, разрушает диалектическое тождество. В другом же случае, когда диалектическое противоречие с взаимоисключающими полюсами, тем не менее, описываются и с помощью формального закона противоречия (а, следовательно, формальная противоречивость не есть предельный случай диалектической противоречивости), выходило, что если формальная противоречивость как предельный случай диалектической противоречивости

⁵⁹Селектор М.З. О раздвоении единого и борьбе противоположностей как сути диалектики // Под знаменем марксизма, 1935. - №3.- С.44

⁶⁰Варьяш А. Логика и диалектика. С. 363.

⁶¹Асмус Ф. Формальная логика и диалектика // Под знаменем марксизма. 1929.- №4. - С.45.

в то же время действует при описании диалектической противоречивости, то сами диалектические противоположности внешни друг другу. Отсюда, отрицание Варьяшем контрадикторной формы противоречия. Такая двойственность обуславливалась тем, что философ понимал покой как «пределный случай движения, но такой случай, который с точностью никогда не реализуется в действительности»⁶². Следовательно, субъективно процесс познания вносит определенные огрубления, и диалектическая противоречивость вынужденно переплетается с формальной противоречивостью. Если у Асмуса, концепция которого была переходной от механистов к деборинцам, процесс познания ведет к появлению в мышлении антиномий, то по Варьяшу, скорее наоборот: мышление вынужденно огрубляет диалектику противоречия.

Такое причудливое переплетение противоречия и непротиворечивости, движения и покоя роднит Варьяша со Спинозой, позиция которого отличалась похожей двойственностью, с той лишь разницей, что Спиноза делал акцент на неизменности субстанции в целом. По Спинозе, субстанция всегда равна себе, неизменна, изменяется лишь модусы и атрибуты ее. Возникавшее же здесь затруднение он толковал также гносеологически: «Это будет достаточно ясно всем, кто научился делать различие между воображением... и разумом...; в особенности, если обратить также внимание на то, что материя повсюду одна и та же и если части могут различаться в ней лишь, поскольку мы представляем ее в различных состояниях. Следовательно, части ее различаются только модально, а не реально. Так, например, мы представляем, что вода, поскольку она есть вода, делится и ее части отделяются друг от друга. Но это невозможно для нее, поскольку она есть телесная субстанция, ибо как таковая она не способна ни к делению, ни к разделению. Далее вода как вода возникает и исчезает, а как субстанция она не возникает и не исчезает»⁶³. Для Варьяша абсолютна изменчивость, покой же в определенной степени есть лишь кажимость; для Спинозы, напротив, субстанция неизменна, переменчивость же ее проявлений лишь внешняя.

Эта параллель Варьяша со Спинозой имеет и другой аспект. Спинозовский субстанциональный подход, по сути, намечал преодоление того плюрализма, который был характерен для мышления XVII в. Равно как и Варьяш, подчеркивал всеобщую изменчивость объективного мира, намечал задачу проследить развитие мира как целостности, а не как множества изолированных, хотя и самодвижущихся вещей, систем и т.д. В этом плюрализме видел главный недостаток диалектики Деборина и М.З.

⁶²Варьяш А. Логика и диалектика. С. 382.

⁶³Спиноза б. Избр. Произв. Т.1. М., 1957. С.376.

Селектор, что проявилось, по мнению последнего, в толковании диалектики НЭПа. Селектор писал: «Разве не из этого истока получает свое происхождение известное рассуждение Деборина о том, что «НЭП есть реальная возможность социализма. Социализм в НЭПе есть «внутренняя» сторона, еще не развившаяся, но в процессе дальнейшей эволюции становящаяся внешним, т.е. осуществляющимся». По Деборину, НЭП автоматически рождает социализм. Самодвижение НЭПа неизбежным образом, само по себе ведет к социализму. Со своим представлением о самодвижении он не способен разглядеть, что НЭП не дает социализм в готовом виде, что возможность социализма, содержащаяся в НЭПе; еще не есть действительность, что для превращения этой возможности в действительность нужен целый ряд условий, а именно: укрепление пролетарской диктатуры, быстрейшая индустриализация страны, подведение под все народное хозяйство новой технической базы, социалистическая переделка деревни и пр. и пр.»⁶⁴.

Так, углубившейся монизм, как методология познания общественных явлений, позволял глубже вскрыть единство, закономерность, поступательность и противоречивость общественного развития, и в частности, НЭПа как особого исторического этапа в становлении социалистического общества.

ГЛАВА 2. ВОИНСТВУЮЩАЯ ДИАЛЕКТИКА И МЕТАФИЗИКА БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ (30-Е – СЕР. 60-Х ГГ.).

§2.1 Поворот на философском фронте...

Социально-экономический и политический перелом в стране в конце 20-х гг. сопровождался существенными переменами и в философской науке. Не рассматривая специально вопроса о закономерности экономических и политических изменений, подчеркнем, что как бы там ни было, эволюция советской философской мысли носила поступательный и закономерный характер. Плюралистическое восприятие марксизма философами 20-х гг. неизбежно подвело к своему отрицанию. У механистов противоположности были не просто внешни друг другу, но и обособленны, так что их расхождение усиливает эту обособленность. Развитие самой социальной диалектики родило деборинскую школу, которая данную обособленность стала рассматривать как взаимоотношение сосуществующих рядом друг с другом противоположностей. У Варьяша и его сподвижников

⁶⁴Селектор М.З. Диалектический материализм и теория равновесия. С.39-40.

антиномия обособленности, отдельности и взаимоопосредствования достигает завешенной формы. Противоположности и изолированы, контрарны, и в то же время тесно взаимодействуют друг с другом, так что разрешение противоречия ведет и к победе ведущей противоположности, и к возникновению третьего. Так, эволюция философской мысли 20-х гг. подвела к концепции противоречия как внутреннего единства противоположностей, составляющих, хотя и внешние, равнодушные, расходящиеся стороны, но именно стороны одной сущности.

Неслучайно поэтому сторонники новой концепции резко критически отнеслись и к механистам, и к деборинцам, как двум основным противоположным направлениям в философии 20-х гг.

Новое направление в советской диалектике было связано с именами М.Б. Митина, П.Ф. Юдина, М.Д. Каммари, К.С. Бакрадзе, Ф.В. Константинова и др. Их работы были, по сути, развернутым обоснованием идей, изложенных И.В. Сталиным в брошюре «О диалектическом и историческом материализме» (1938г.), ставшей составной частью «Краткого курса ВКП (б)». Своеобразным водоразделом между философией 20-х гг. и философией 30-50-х гг. явилось Постановление ЦК ВКП (б) о журнале «Под знаменем марксизма» от 25 января 1931 г.⁶⁵ В нем, в частности, говорилось: «В области философии журнал должен вести неуклонную борьбу на два фронта: с механистической ревизией марксизма, как главной опасностью современного периода, так и с идеалистическим извращением марксизма группой гг. Деборина, Стэна и др.»⁶⁶.

Заслугой выдвинувшейся группы философов стал шаг вперед в осмыслении качественного своеобразия марксистской философии. Они обоснованно критиковали А.М. Деборина за упрощенное понимание диалектического материализма как синтеза гегелевской диалектики с материалистическим пониманием природы и истории. Так, М.Б. Митин, подчеркивая различие между марксизмом и гегелевской философией и в методе, справедливо отмечал: «Он (речь шла о статье Деборина «Диалектика у Канта»⁶⁷—С.Р.) ничего здесь не говорит о том, что метод Гегеля, будучи диалектическим, является вместе с тем и идеалистическим. Диалектика и идеализм у Гегеля не разорваны и не лежат в разных ящиках, они органически сплетены, связаны»⁶⁸.

⁶⁵Собственно историографические аспекты данной темы см. подробнее: История философии в СССР. Т.5. Кн. I. Гл. УП-УШ. М., 1985, Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е гг.) // Вопр. Философии. 1991 №10. С.72-138.

⁶⁶Под знаменем марксизма. 1936 №I. С.19.

⁶⁷Архив Маркса и Энгельса, Т.I С.14

⁶⁸Митин М.Б. Боевые вопросы материалистической диалектики. М. 1936. С.64.

Критика А. М. Деборина по спирали возвращала философскую науку к проблематике материалистической онтологии, которая стала вновь преобладать, как и во времена механистов. Однако, если последние сводили философию к нахождению подобного, сходного в многообразии единичных вещей, отрицая способность философии говорить о мире в целом, то материалисты 30-50-х гг. понимали философию как науку о материальной субстанции, науку о наиболее общих законах природы, общества, мышления.

Был сделан существенный шаг в направлении монистического толкования диалектического материализма. Однако трактовка единства диалектики, логики и теории познания, а также соотношения диалектической и формальной логик в литературе того периода свидетельствовала о непоследовательности такого монизма. Характерной была позиция К.С. Бакрадзе, крупного грузинского исследователя, оставившего заметный след в советской философской науке. Выделяя две стороны мышления – правильность и истинность, – он сводил логику фактически к формальной логике как науке, изучающей правильность рассуждений. Философ утверждал, что рассуждение может быть логически правильным, но по содержанию ложным. Из этого им делается вывод, что «отождествление логики и диалектики в корне ошибочно»⁶⁹. Диалектика рассматривалась в качестве науки, изучающей общие законы бытия и сознания. В последнем случае она выступает как теория познания. Логика же изучает лишь одну сторону мышления – его правильность, и потому она является составной частью теории познания, что обуславливает ее философский характер. Следует, по Бакрадзе, говорить не о двух логиках, а о формальной логике и диалектическом материализме, в той его части, в которой он выступает как диалектика познания, как теория познания. «Поэтому вопрос о соотношении логики и диалектики фактически сводится к вопросу о соотношении логики и диалектики как теории познания»⁷⁰, писал К.С. Бакрадзе. Диалектическая логика оказывалась не наукой о правильном мышлении, а гносеологией. В результате философ утверждал, что формальная логика не запрещает объективные противоречия, но требует их непротиворечивого отражения в мышлении. И хотя он указывал, что правильная связь мыслей отражает явления действительности, возникла проблема согласования законов бытия и мышления. Вставал вопрос, как может быть противоречивым бытие и непротиворечивым мышление.

Эта дилемма свидетельствовала как раз о незрелости материалистического монизма. Сознание незаметно для самих исследователей фактически противопоставлялось природе. Не замечать

⁶⁹Бакрадзе К.С. Логика. Тбилиси, 1951. С.44.

⁷⁰Там же.

данное противоречие возможно было, лишь ставя знак равенства между объективной диалектикой и формально-логической непротиворечивостью, что и наблюдалось в тот период. Последнее же возникало в силу того, что сама объективная диалектика толковалась упрощенно: как диалектика единого мира, целостность которого составляет взаимодействующие элементы, внешние друг к другу. В свое время Г. Маркузе во многом справедливо писал, что в сталинский период диалектика «была трансформирована из способа критической мысли в универсальный «взгляд на мир» и универсальный метод с жестко фиксированными отношениями, и такая трансформация разрушает диалектику скорее, чем любая ревизия»⁷¹.

Антиномия противоречивого мира и непротиворечивого мышления не замечалась, потому что отстаивалось положение о противоречии в разных отношениях: если в одном отношении противоположности тождественны, то различны они могут быть лишь в другом. Отношение противоположностей характеризовалось как уменьшающееся тождество и увеличивающееся различие противоположностей. Противоречие представало внешним существованием противоположных сторон целого.

Шаг вперед, сделанный философией 30-х гг. по сравнению с уступками диалектическому плюрализму деборинской школы, был внутренне противоречив. Он вел, с одной стороны, к отходу от диалектики как учения о тождестве противоположностей, а с другой, открывал перспективы более глубокой монистической мировоззренческой основы, а, следовательно, и более глубокого метода. И как философия 20-х гг. воспроизводила некоторые особенности плюралистического мировоззрения XVII в., так и боевой материализм 30-50-х гг. нес на себе печать влияния классического материализма конца XVII-XVIII века. Основоположником классического материализма был Дж. Локк, который, еще находясь в атмосфере XVII в., сформулировал идеи, ставшие широко распространенными лишь с появлением французского материализма.

По Локку, различие внешне тождеству предмета самому себе. Оно лишь количественно: «Дуб, выросший из саженца в большое дерево, а затем подрезанный, все время остается тем же самым дубом; жеребенок, ставший лошастью, которая бывает то откормленной, то тощей, все время остается той же лошастью, хотя в обоих случаях может быть явное изменение частей»⁷². Такое понимание было шагом вперед в диалектике тождества и по сравнению с Гоббсом, и по сравнению с Лейбницем. Для Гоббса было свойственно еще более механистическое противопоставление тождества и

⁷¹Marcuse H. Soviet Marxism. A critical analysis. – N.Y., 1958, P. 137.

⁷²Локк Дж. Соч.: В 2-х тт. М., 1986. Т.I. С. 382.

различия, которые находятся вне друг друга. Лишь в сходстве, понимаемом также количественно, Гоббс нащупывал взаимосвязь тождества и различия, но сами они остались для него несовместимыми. У Локка же различие фактически начинает проникать в само тождество, так что последнее, оставаясь всегда самим собой, в то же время постоянно изменяется, хотя и количественно, внешне. Локк приводит пример с человеком, как особо устроенным организмом: «Кто будет усматривать тождество человека, сходное с тождеством других животных, в чем-нибудь другом, а не в надлежащем образом устроенном организме, который с определённого момента сохраняется как единая жизненная организация, причем частицы материи, соединенные в нем, сменяются беспрестанно, тому будет трудно признавать одним и тем же человеком зародыш и взрослого, сумасшедшего и здравомыслящего на основании любого предположения, которое вместе с тем не допускало бы возможности того, чтобы одним и тем же человеком был Сиф, Измаил, Сократ, Пилат, св. Августин и Цезаре Борджиа»⁷³.

Сложнее сравнение Локка с Лейбницем, предвосхитившим в XVII в. зрелую диалектику Гегеля. Локк делает шаг назад по сравнению с Лейбницем в понимании диалектики тождества. И, тем не менее, его подход, несмотря на свою метафизичность, в некотором отношении был более зрелым, чем у Лейбница, и представлял собой новую логическую ступень в истории познания. У Лейбница постоянно изменяется фактически неизменная в себе духовная монада. Различие, хотя и переплетается с тождеством, по сути, как и у Гоббса, лежит вне тождества. Напротив, Локк пусть и отстаивает неизменность каждой вещи самой себе, признает количественную, постепенную изменяемость самой этой тождественной вещи. Количественная постепенность же меняет тождества как такового, но это уже постепенность того же тождества, а не вне его. Локк делает шаг в направлении последовательного материалистического монизма, ибо во взгляде, что тождество материального предмета, постепенно изменяясь, переходит в другое тождество, нащупывается уже зрелое конкретное тождество материальной субстанции.

В еще большей степени монистические зачатки диалектики мышления были присущи французским философам XVIII в. Как показало исследование Т.Б. Длугач, французским материалистам была свойственна яркая антиномичность и парадоксальность мышления, сближающая их с Кантом. Нацеленность просветителей, – пишет Т.Б. Длугач, – на однозначные и непротиворечивые выводы философского знания была метафизической, тогда, когда сами рассуждения характеризовались содержательными

⁷³Там же. С. 384.

противоречиями, то есть были диалектическими»⁷⁴. Такая антиномичность появлялась в рассуждениях великих французов о необходимости и случайности, природном и социальном в человеке, качестве и количестве и других вопросах.

Монизм домарксистского материализма оставался незрелым. У французских философов XVIII в. материя характеризовалась не как объективная субстанция, противоположная своему идеальному свойству сознания, а как качественная тождественность всех материальных предметов – природы, которая в себе различена лишь количественно; некий бесконечный живой организм. Отсюда вытекали и гилозоизм Дидро, и метафизический метод Кондильяка.

О том, что советская философия сталинского периода имела черты, роднившие ее с классическим домарксистским материализмом, говорит и то обстоятельство, что гегелевская философия в этот период рассматривалась как аристократическая реакция на французскую буржуазную революцию. Конечно, философы, защищающие ленинский этап марксизма, и материалисты XVIII в. – это разные исторические полюса. Но нельзя отрицать их отдаленного родства. И советские материалисты 30-х гг. упрощали понятие материи, сближая его с природой, недооценивая его противоположности с сознанием, не понимая качественной многослойности, диалектичности объективного мира. Сбиваясь так же на понимание тождества как качественной одинаковости, но признавая марксистский закон борьбы противоположностей в объективном мире, они не могли заметить в своей концепции противоречия между положением об объективной диалектике и положением о непротиворечивости мышления.

Метод классического материализма стал мировоззренческой основой якобинства. Диалектический материализм метафизических оттенков в 30-е годы идейно питал сталинизм, рассматриваемый во всем богатстве его проявлений (а не только негативных). Тезис об обострении классовой борьбы, обосновываемый вредительством, опасностью интервенции⁷⁵, впитал в себя все политические и теоретические особенности этого времени. Как нельзя, по словам К. Маркса, об исторических эпохах судить по тому, что говорят о себе их герои, так и этот лозунг об обострении борьбы нельзя воспринимать буквально, необходимо выявление его скрытого содержания. Однако, другая крайность, ныне широко распространённая и состоящая в утверждении, что мол, то была лишь идеологическая уловка сталинского тоталитарного режима, рвущегося к власти, не менее легковесна, чем

⁷⁴Длугач Т.Б. Философия Дидро

⁷⁵См.: Митин М. Некоторые итоги и задачи работы на философском фронте // Под знаменем марксизма. 1936. №1. С.23-24.

апологетика 30-х годов. На самом же деле, думается, в положении об обострении классовой борьбы перемешаны и истина и ложь, и глубокое и наносное, и забота о строительстве социализма и советское якобинство, и патриотизм и эгоистический карьеризм. Причем одно другое подхлестывало, чем тверже было убеждение, что жизнь отдавалась светлому будущему, тем неумолимее такие борцы были к врагам и «врагам»; острее чувство борьбы за социальную справедливость, тем естественнее воспринималась эволюция личной карьеры.

Бесспорно одно: если последовательно исходить из объективного характера социалистической революции в октябре 1917 года, то становится понятной закономерность введения политики «военного коммунизма» в экстремальных условиях гражданской войны. Понятно, что и замена «военного коммунизма» НЭПом была обусловлена изменившейся социальной ситуацией. Но также объективным был последующий переход от НЭПа к периоду административного строительства социализма. Ка бы мы ни относились сегодня к Сталину как к виновнику колоссальной трагедии того периода, связанной с необоснованными репрессиями безвинных граждан, нельзя не констатировать, что по сравнению с теоретиками 20-х годов, он глубже во многих отношениях воспринимал противоречивость НЭПа. И. В. Сталин говорил на конференции аграрников-марксистов в 1929 году: «Можно ли в продолжении более или менее долгого периода времени базировать Советскую власть и социалистическое строительство на двух разных основах – на основе самой крупной объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства? Нет, нельзя. Это когда-нибудь должно кончиться развалом всего народного хозяйства»⁷⁶. Не оправдывая методов первоначальной социализации крестьянства, тем не менее, скажем, что Сталин в свое время глубже чувствовал объективную противоречивость многоукладности советской экономики. Эволюция товарных отношений в условиях НЭПа неизбежно рождала на каждом шагу перерастание товара в капитал и подводила к обострению отношений рабочего класса с крестьянством и другими социальными силами, что и произошло к концу 20-х годов. Критикуя теорию равновесия и подразумевая Бухарина, И.В. Сталина там же говорил: «По этой теории предполагается, что мы имеем прежде всего сектор социалистический, – это своего рода ящик, – и мы кроме того имеем сектор несоциалистический, если хотите капиталистический, – это другой ящик. Оба эти ящика лежат на разных рельсах и мирно катятся вперед, не задевая друг друга. По геометрии известно, что параллельные линии не сходятся. Однако авторы этой замечательной теории думают, что

⁷⁶Сталин И. В. К вопросам аграрной политики в СССР. М., 1951. С.7.

когда-нибудь эти параллели сойдутся и, когда они сойдутся, у нас получится социализм. При этом теория эта упускает из виду, что за так называемыми «ящиками» стоят классы, а движение этих ящиков происходит в порядке ожесточенной классовой борьбы, борьбы не на жизнь, а на смерть, борьбы по принципу «кто-кого»⁷⁷. При всем упрощенчестве Сталина, абсолютизировании им принципа «кто-кого» (а в диалектике метафизического принципа «или-или») он выражал потребность времени, когда историческая спираль советской истории вновь вынуждена была принять административно-командную форму.

Более глубокое понимание И.В. Сталиным НЭПа как борьбы противоположных тенденций⁷⁸, существующих не наряду друг с другом, а в одной переходной целостности, по сравнению и с деборинцами, и с Бухариным, не говоря уже о механистах, обнаруживало отчётливее и несовместимость этих тенденций в исторической перспективе.

Он обоснованно подчеркивал: «Надо вскрыть ошибку тех, кто НЭП понимает, как отступление, и только как отступление. На самом деле Ленин еще до введения новой экономической политики говорил, что НЭП не исчерпывается отступлением... Надо вскрыть ошибку тех, кто думает, что НЭП нужна лишь для связи между городом и деревней. Нам нужна такая связь, которая обеспечивает победу социализма. И если мы придерживаемся НЭПа, то потому, что она служит делу социализма. А когда она перестает служить делу социализма, мы ее отбросим к черту. Ленин говорил, что НЭП введена всерьез и надолго. Но он никогда не говорил, что НЭП введена навсегда»⁷⁹.

И.В. Сталин сильно упрощал процесс строительства социализма, полагал, что отрицание НЭПа и переход к административно-плановой экономике навсегда положил конец частному предпринимательству в стране, вышедшей на прямой путь движения коммунизма, где уже не действует закон отрицания отрицания. Однако было бы упрощением не видеть и объективную обусловленность перелома в конце 20-х годов, вызванную обострением противоречий в стране. Те, кто отрицает необходимость административного этапа в строительстве социализма в 30-50-е гг., в свою очередь по-сталински начинают спрямлять историческую спираль.

⁷⁷Там же. С. 5.

⁷⁸Гибкое политическое маневрирование Сталина в острой внутрипартийной борьбе в 20-е гг., объясняемое ныне его интриганством, имеет более глубокое основание, а именно более острое восприятие противоположных сил в условиях многоукладной экономики переходного периода.

⁷⁹Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР. С.26.

Тезис об обострении классовой борьбы в смутно осознаваемый форме отражал факт нарастания социалистических начал в общественной жизни и вытеснения ими буржуазных проявлений. Исторические противоположности расходились. Нынешняя практика показала, что рано еще говорить о том, будто социализм построен. Вместе с тем нельзя отрицать, что новое общество, выстояв во второй мировой войне, вступило в своем становлении в новый период. Какая-никакая, а новая социальная реальность отчетливо обозначила свои контуры.

В то же время выступившая целостность новой социальной системы была еще настолько невыразительна, что ее внутренние источники развития были не видны. Обратной стороной тезиса об обострении классовой борьбы как источника движения к социализму было утверждение о полном соответствии производительных сил и производственных отношений при социализме. Так, в ответ на статью Н. Власова в 1940 г., в которой автор доказывал возможность противоречий при социализме между производительными силами и производственными отношениями, сразу же последовала резкая критика, не терпящая возражений. Ф. Горохов, отчитывая Н. Власова за путаницу и защищая формулу о полном соответствии, выступал при этом с позиций всеобщности закона борьбы противоположных сил. Последнее означало, что, во-первых, «Социализм рождается в жесткой классовой борьбе пролетариата против старого мира, гнета и эксплуатации, против всей системы капиталистического устройства»⁸⁰. Во-вторых, при социализме, по мнению автора, сохраняется противоречие между обществом и природой. Однако недопустимо говорить о противоречии производительных сил и производственных отношений, ибо «социалистическое общество, общество, где нет эксплуататорских классов и эксплуатации, состоит из дружественных классов рабочих; крестьян и советской социалистической интеллигенции, объединенных в социалистическое государство во главе с коммунистической партией»⁸¹.

То была апологетика по-советски. Правомерно поэтому западные исследователи констатировали и констатируют догматический характер советского марксизма.

Чем сильнее была апологетика социального единства в обществе раннего социализма, тем жестче положение об обострении классовой борьбы. То были две стороны одного и того же. По сути, отрицались внутренние противоречия социализма и, как следствие, преувеличивались противоречия внешние. Но так как внешние противоречия в то же время были внутри

⁸⁰Горохов Ф.О. О полном соответствии производственных отношений производительным силам в эпоху социализма //Под знаменем марксизма. –1940.– №3-4.– С. 141.

⁸¹Там же. С. 134.

системы, то это обуславливало политическую и идейную непримиримость. Без этой непримиримости борьбы с врагами социализма последний лишился своей диалектической подпорки, служащей стимулом развития. Объективно отражая факт постепенного оформления нового социального качества, все больше отдаляющегося от старой социальной основы, субъективно тезис об обострении классовой борьбы был связан с колоссальными издержками в общественной жизни. Нагнеталась атмосфера одномыслия, понимаемого как одинакового, одноплоскостного, одномерного сознания, а не как такого единомыслия, которое предполагает творческое существование разных идей, гипотез, теорий.

§2.2 Эволюция направления. Взгляды М.М. Розенталя.

В середине 50-х гг. «оттепель» захватила и философскую науку. На первый план выдвинулся подход, который по праву должен быть связан с именем М.М. Розенталя, чья деятельность наложила яркий отпечаток на советскую философию. Родственные М.М. Розенталю идеи развивали М.А. Леонов, М.С. Строгович, В.С. Молодцов, В.Н. Свидерский, В.Е. Козловский, Б.С. Украинцев, Г.М. Штракс и другие.

Еще в 40-е годы оформились идеи М.М. Розенталя и названных авторов. В целом они также понимали противоречие как борьбу противоположностей, которая ведет к ослаблению связи между сторонами. Однако понимая противоречие как расхождение сторон, философы обратили внимание на процессуальность, постепенность такого расхождения. Противоположности не сразу являются абсолютно взаимоисключающими. Между ними существуют черты сходства. Они взаимодействуют в процессе своего расхождения. Противоположностям поэтому свойственна не только борьба, но и единство. М.М. Розенталь подчеркивал: «Единство противоположностей, следовательно, означает, что противоречивые стороны, тенденции, имеющиеся в каждом предмете, как мы уже это видели на примере движения, взаимно обуславливают, полагают друг друга, и существование одной противоположности ведет за собой существование другой. Вне одной противоположности не может существовать другая. Нет понятия белого без противоположного ему понятия черного, правого – без левого, красивого – без некрасивого и т.д.»⁸². Подобным образом В.И. Свидерский в интерпретации ленинской формулы об относительности и абсолютности борьбы предлагал различать два аспекта: противоречие как тождество (единство), выражающееся в характере соотношения противоположностей, и противоречие как единство (тождество,

⁸²Розенталь М.М. Марксистский диалектический метод. М., 1947. С.255.

равнодействие), которое временно, относительно, преходяще⁸³. В первом аспекте идет речь о той или иной форме соотношения противоположностей, но не об абсолютности борьбы. Вопрос об абсолютности борьбы ставится в центр, когда рассматривается единство как временное равнодействие.

Сторонники данного подхода подчеркнули необходимость обращения к диалектике Гегеля, привлекли внимание к высказываниям о гегелевском методе классиков марксизма. На этой основе усилилось внимание к диалектике «Капитала».

Насколько критически воспринимались в 30- нач. 50-х гг. такие идеи, можно судить по обсуждению книг М.М. Розенталя и М.А. Леонова, посвященных диалектическому методу. В дискуссии А.Н. Грекова упрекала М.М. Розенталя: «О том, что тов. Розенталь не преодолел влияния гегелевской философии, свидетельствует то обстоятельство, что он слишком часто обращается к Гегелю для выражения марксистского понимания целого ряда вопросов»⁸⁴. Сам М.М. Розенталь вынужден был отчасти согласиться с критикой. Более того, подчеркивая роль единства противоположностей, он писал: «Следует отметить, что ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин в своих трудах, предназначенных ими к печати, не пользовались понятиями «единства» и «тождества» противоположностей»⁸⁵. Эти понятия в этой же статье он называл гегелевскими: «...формируя четвертую черту диалектики – о развитии путем противоположностей, – И.В. Сталин не употребляет гегелевские понятия «единства противоположностей». К сожалению, в своей пропагандистской практике мы не учли смысла отказа от этих понятий»⁸⁶.

В целом до середины 50х годов полностью преобладало направление, авторы которого рассматривали противоречие однозначно как борьбу противоположностей. Достаточно отметить, что в дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии» участвовали за небольшим исключением только сторонники этого направления⁸⁷. Середина 50-х гг. стала рубежом, с которого начинает неуклонно расти интерес ученых к диалектике и к учению о единстве и борьбе противоположностей. Розенталевцы выявили ряд существенных недостатков в концепции К.С. Бакрадзе и других. В редакционных статьях журналов

⁸³Свидеский В.И. О книгах М. Леонова и М. Розенталя //Вопр. Философии. 1947. №2. С. 304- 310.

⁸⁴См.: Обсуждение книг М.Леонова и М. Розенталя о марксистском диалектическом методе // Вопросы философии. 1948. №1. С.302.

⁸⁵Розенталь М.М. Материалистическая диалектика как творчески развивающаяся наука //Вопр. Философии. 1953. №4. С.23.

⁸⁶Там же.

⁸⁷См.: Дискуссия по книге Г.Ф. Александрова «История западно-европейской философии», 16-25 июня 1947. //Вопросы философии. 1947. №1.

«Коммунист» и «Вопросы философии» за 1955 г. позиция К.С. Бакрадзе (а также Н.И. Кондакова) по вопросам логики была подвергнута справедливой критике за непонимание диалектики как логики мышления. В частности, отмечалось: «Теперь мало найдется людей, которые с порога отбрасывали бы формальную логику, объявляя ее чепухой», как бывало в недавнем прошлом. Но имеются попытки ограничить науку логики одной формальной логикой. Так, К. Бакрадзе в своей книге «Логика», по существу не признает диалектической логики. Он говорит о «логике вообще», подразумевая формальную логику»⁸⁸. К.С. Бакрадзе и Н.И. Кондаков критиковались за разрыв законов бытия (применительно к бытию ими отстаивался закон единства и борьбы противоположностей) и мышления, которому присущи законы тождества и непротиворечия. Согласно Бакрадзе и Кондакову, разрыва между законами бытия и мышления не существует, т.к. реальный предмет обладает одним свойством в одном отношении, а противоположным в другом. Авторы редакционной статьи в журнале «Вопросы философии», споря с такой точкой зрения, писали: «Можно ли сказать, что в одном отношении оно находится в одной точке, а в другом отношении – в иной точке? В том-то и дело, что движение есть единство противоречий, и движущееся тело во всех отношениях находится и в данной точке и не в данной точке»⁸⁹.

В то же время в полемике со своими оппонентами К.С. Бакрадзе в свою очередь обратил внимание на слабость в позиции М.М. Розенталя. Последний признавал диалектическую логику как науку о мышлении и также полностью признавал формальную логику, отстаивая вопрос об их соотношении недостаточно выясненным. Связь простейших и сложных отношений, лежащая у М.М. Розенталя в основе разграничения формальной и диалектической логики, не была раскрыта. Точнее, не была раскрыта проблемность самой этой связи. Поэтому понятным было удивление К.С. Бакрадзе по поводу того, что признается без оговорок формальная логика как наука о правильном непротиворечивом мышлении и в то же время утверждается, что мышление противоречиво, диалектично»⁹⁰.

Заметную роль в процессе исследования диалектического противоречия, в выяснении различных точек зрения и подходов сыграла дискуссия по противоречиям социалистического общества в конце 50-х – начале 60-х годов. Дискуссия была шагом вперед в осмыслении советскими философами

⁸⁸Насущные вопросы философской науки // «Коммунист». 1955. №5. С.14.

См. также: Против путаницы и вульгаризации в вопросах логики // Вопр. Философии.1955. №3. С.158-171.

⁸⁹Вопросы философии. 1955. №3. С.168.

⁹⁰См.: Бакрадзе К.С. Против ненаучной и недоброжелательной критики // Вопр. Философии.1956.№2. С.216-224.

всеобщности закона единства и борьбы противоположностей. Проблема всеобщности законов диалектики закономерно встала перед исследователями. Оздоровление социально-политической атмосферы в стране, возросшее единство всех социальных групп требовали дальнейшего конкретного изучения действия основного закона диалектики в неантагонистических условиях.

В ходе дискуссии стала очевидной неправомерность сведения противоречия только к борьбе противоположностей. Одностороннее толкование борьбы противоположностей обернулось в новых условиях попыткой ряда философов (Ц.А. Степанян, В.П. Рожин, В.П. Тугаринов и др.) пересмотреть действие закона единства и борьбы противоположностей применительно к социализму. Эти философы трактовали противоречие преимущественно как борьбу сторон, понимая развитие противоречия как расхождение, при котором регрессивная сторона все больше и больше тормозит развитие. Ц.А. Степанян писал: «Противоречие есть борьба между прогрессивной стороной, ведущее вперед, и консервативной стороной, препятствующей развитию»⁹¹. Отношения противоположностей понимались им так, что если противоречие усиливается, то единство уменьшается и наоборот. Поэтому, по мнению философа, классы и социальные группы советского общества не являются противоположностями, так как характеризуются социальным единством, общими целями, и развитие общества ведет к их сближению, а не расхождению. Между ними нет, поэтому, отношения противоречия. Ц.А. Степанян приходил к выводу, что в таких условиях единство и борьба противоположностей выступает как закон единства и борьбы существенных различий.

В.П. Тугаринов и В.П. Рожин, не пытаясь переформулировать закон, пришли, тем не менее, к выводу о том, что противоречия не являются движущей силой развития социалистического общества, в котором господствует морально-политическое единство народа и база возникновения новых противоречий значительно сужена. Философы, исходя из того, что в социалистическом обществе в разрешении противоречий заинтересованы все его члены, полагали, что хотя противоречия и выступают при социализме в качестве источника развития, сами по себе не являются двигателем развития: «Объективные противоречия нашего общества постоянно и необходимо побуждают партию и народ к новым и новым действиям, и в этом смысле они являются источниками развития. Но не сами по себе противоречия двигают наше общество вперед, а советские люди, руководимые партией. Исходя из учета объективных противоречий, они борются за победу нового

⁹¹Степанян Ц.А. Противоречия в развитии социалистического общества и пути их преодоления //Вопр. философии. 1955. №2. С.72.

над старым и тем самым двигают общество вперед»⁹². В основе разграничения источника и движущих сил развития применительно к социализму лежал пересмотр роли единства в структуре противоречия. В.П. Тугаринов и В.П. Рожин писали: «...Правильно понятый закон единства и борьбы противоположностей включает в себя момент единства противоположностей, их соответствие, а не только их борьбу и взаимоисключение. Это сторона данного закона, по нашему мнению, приобретает особое значение в развитии социалистического общества»⁹³. Однако такое понимание единства противоположностей, когда оно означает простое сходство и одинаковость, приводило к попыткам либо переформулировать основной закон диалектики, либо отрицать его движущую роль при социализме. Неслучайно поэтому В.П. Тугаринов и В.П. Рожин считали закон единства и борьбы противоположностей, прежде всего, теоретическим аналогом капиталистического общества. Характерным было и название статьи Е.Т. Лукиной: «Не противоречия, а преодоление их движет вперед»⁹⁴.

Попытки пересмотреть действие основного закона диалектики в своей основе имели стремление подчеркнуть специфику неантагонистического общества, в котором усиливается социальное единство, сглаживаются имеющиеся противоположности. Они сохраняют свою определенную актуальность для дальнейшей разработки этой простой проблемы и в настоящее время. Однако такой подход таил в себе и опасность представления неантагонистического общества как все более непротиворечивого с точки зрения диалектики. Поэтому уже в те годы большинство исследователей критически отнеслись к переформулировке закона единства и борьбы противоположностей и лишению его движущей функции применительно к социализму.

Для доказательства всеобщности законов диалектики философы обращались к наследию классиков марксизма, в частности к «Капиталу». Важную роль сыграла монография М.М. Розенталя «Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса», стимулировавшая интерес советских исследователей к систематическому изучению логики главного труда К. Маркса. Анализируя значение единства как стороны противоречия, М.М. Розенталь обращался к марксовскому анализу противоречий товара. Философ приходил к выводу: «Поэтому момент взаимосвязи противоположных сторон целого вовсе не имеет значение фактора, снимающего противоречие, борьбу между ними.

⁹²Тугаринов В.П., Рожин В.П. О противоречиях и движущих силах // Вопр. Философии. 1957. №3. С.138.

⁹³Там же С.136.

⁹⁴См.:Вопр. философии. 1957. №3. С. 132-136.

Взаимосвязь и взаимозависимость противоположностей играет роль фактора, усиливающего борьбу между ними как внутренними противоположностями»⁹⁵. На этой основе М.М. Розенталь справедливо возражал против пересмотра закона единства и борьбы противоположностей применительно к социалистическому обществу. Он отмечал, что не только при социализме, но и в коммунистическом обществе будут свои противоречия.

Однако противоречивость социалистического общества трактовалась М.М. Розенталем и его коллегами, особенно В.Н. Чертковым, как борьба нового и старого, так что в советском обществе все социальные группы являются носителями нового. Результатом такого подхода стало разграничение социологической и философской категорий единства. Философская категория единства означает, что усиливающаяся однородность советского общества есть процесс борьбы противоположностей: новое, то есть более развитые формы социального единства, преодолевает старые формы.

Тем самым если в сталинские времена в качестве диалектического ядра социализма выделилось противоречие «своих» и «врагов» (последние оказывались как бы за скобками советского общества), то с середины 50-годов стало преобладать представление, согласно которому противоречивость пронизывала и «своих». Социальное единство нарастало, но дисгармония нового и старого сохранялась. Более того, считалось, что социальное единство скоро примет коммунистические очертания, хотя дилемма нового и старого будет существовать. Получалось, что с одной стороны, советское общество уже столь зрело, что до коммунизма один шаг, а с другой стороны и сам коммунизм нес бы иные формы борьбы нового и старого. И по времени, и по духу эта концепция была философским воспроизведением особенностей хрущевского периода в истории нашего общества. Насколько выявилась собственная незрелость социального единства народа, что определяло перспективу процесса совершенствования общества и перевода его на качественно иную ступень, настолько же внутренняя противоречивость системы оказалась по сути внешней, ибо старое было не-новым. Взаимосвязь нового и старого была обратной: чем сильнее развивалось новое, тем слабее становилось старое. В единстве нового и старого как противоположностей хотя и выделялся аспект взаимного полагания противоположностями друг другу как обязательная основа их взаимодействия, в качестве доминирующего бралось соответствие,

⁹⁵Розенталь М.М. Вопросы диалектики в «Капитале» Маркса. С.155.

сходство противоположностей друг другу⁹⁶. Такое сходство нового и старого как противоположностей менялось в сторону ослабления.

Диалектика нового и старого была слепком с политического волюнтаризма. Если старое неантагонистично противостоит новому по неглавным свойствам и тенденциям, то нет собственно, серьезных сил, которые бы тормозили энергичный процесс внедрения нового в жизнь. Монизм нового столь подавляющ, что дальше он действует как бы автоматически, с той лишь разницей, что автоматом является сообщество наделенных волей людей, которые именно поэтому в силах ускорить свое автоматическое действие.

Особенности и слабости разграничения социологического и философского понятий единства были замечены в последующих дискуссиях философами, пытавшимися переформулировать основной закон диалектики применительно к социализму. Так, Ц.А. Степанян на Всесоюзном совещании по диалектике в 1965 г. утверждал: «В действительности социологическое понятие единства является конкретным видом философского понятия единства. Искусственное противопоставление философского и социологического понимания единства неизбежно ведет, и на самом деле привело во многих произведениях советских философов к полному снятию вопросов о внутренних противоречиях в рамках социального единства нового общества. Отсюда отрицание существенных противоречий в главных сферах общества, и прежде всего основного противоречия социалистического общества, и сведения дела лишь к частным и временным противоречиям»⁹⁷. Ц.А. Степанян продолжал настаивать на преобладающей роли единства, а не борьбы в неантагонистическом обществе. Ц.А. Степанян правильно подчеркивал, что если признавать всеобщий характер борьбы противоположностей, то надо доводить ее до социального единства, что, по его мнению, абсурдно, ибо нарастание единства связано с развитием бесконфликтности. Розенталевская школа, отстаивая положение о всеобщности закона единства и борьбы противоположностей, на самом деле была недалеко от критикуемых ею же идей. Противоположности нового и старого, хотя и универсальны, по сути, внешни друг другу, ибо все дальше расходятся друг от друга. Хрущевская оттепель была тем периодом, когда «враги народа» отошли на второй план (вчерашние апологеты обострения классовой борьбы заговорили о приоритете единства в советском обществе), и когда «свои» в едином порыве бросились догонять и перегонять... Нельзя

⁹⁶См.: Украинцев Б.С. и др. Диалектика перерастания социализма в коммунизм. М., 1963. С.41.

⁹⁷Степанян Ц.А. Раскрытие и преодоление противоречий – общая закономерность становления и развития коммунистической формации // Диалектика современного общественного развития. М., 1966. С.124.

было сказать о гармонии и единстве как главном, если пока еще не догнали акул мирового капитализма, если во многом нуждались. Но путь этот виделся на удивление прямым, скорым и ясным. В конечном счете, данная концепция сбивалась на негативное отношение к противоречиям как к чему-то такому, что тормозит развитие.⁹⁸

Общезначимой основой анализа противоречий социализма как борьба нового и старого и нарастающего соответствия была концепция диалектической логики, развиваемая М.М. Розенталем. Он выступал против рассмотрения диалектической логики как науки о самой действительности, а формальной логики как науки только о мышлении. С его точки зрения, формальная логика изучает мышление о простых, устойчивых явлениях. Диалектическая же логика является наукой о мышлении, отражающей изменчивый, развивающийся мир. Внешне такое объяснение похоже на известные определения диалектической и формальной логики Ф. Энгельса. Но изменчивость М.М. Розенталь понимал как простое расхождение противоположностей, соответственно покой связывался им с моментами равновесия, совпадения противоположностей. «...Моменты единства, взаимной связи противоположностей в рамках данного качества совпадают с тем периодом в развитии явлений, когда они находятся в состоянии известного покоя, равновесия»,⁹⁹ – писал он. Момент развития, изменения (и соответственно, диалектическая логика) связывался, тем самым, с расхождением противоположностей друг от друга. Устойчивость, неизменность же (и формальная логика) сводились к тождеству каждой из противоположностей самой себе и одинаковым чертам, присущим обоим противоположностям. Формальная логика и диалектическая как бы дополняют друг друга. Формальная логика сохраняет свое действие и при отражении процесса изменения, так как расходятся, отдаляются друг от друга именно данные противоположности. При этом философ считал, что проблемы диалектики, логики и теории познания и диалектической и формальной логики носят надуманный характер. Они имеют актуальность лишь в методологическом плане, но не в теоретическом. Диалектическая логика в такой трактовке предстает в некоторой расположенности с формальной логикой, так же соотносятся друг с другом покой и движение, простое и сложное. Сама диалектическая логика оказывается как бы усложненным вариантом формальной логики, ибо изменение понимается как

⁹⁸См.: Чертков В.П. Неантагонистические противоречия при социализме. М., 1957. С. 171; См. также: Украинцев и др. Диалектика перерастания социализма в коммунизм. С.101;

Штракс Г.М. Социальное единство и противоречия социалистического общества. М., 1966. С.22.

⁹⁹Розенталь М.М. Ленин и диалектика. М., 1963. С.120.

расхождение тождественных себе (абстрактно тождественных) противоположностей. Изменение есть, прежде всего, борьба, расхождение противоположностей. Единство же, как совпадение, одинаковость противоположностей – необходимая, но временная и поэтому относительная характеристика противоречия. Усиливающееся единство советского общества не означает, согласно такому подходу, непротиворечивость развития, ибо единство социальное и единство противоположностей как нового и старого в социалистическом обществе суть разные категории. Однако, очевидно, что трактовка противоречия как нового (одна противоположность) и старого (другая противоположность) в свою очередь не избегает опасности рассматривать неантагонистическое общество как все менее диалектически противоречивый процесс.

Таким образом, направление в советской диалектике, отождествлявшее в 30-50 гг. противоречие с борьбой противоположностей, эволюционируя, приняло свою «либеральную форму». Противоречие все также интерпретировалось как расхождение противоположностей. Однако теперь подчеркивалось, что, несмотря на это, противоположности сосуществуют, взаимодействуют друг с другом. Проводилась мысль, что последующие утверждения, что усиление различий между противоположностями ослабляет единство, серьезно упрощали диалектику тождества и различия. Тем не менее, был сделан шаг вперед в монистическом осмыслении диалектического противоречия.

§2.3 Диалектика антиномий. Гносеологический подход И.С. Нарского.

Эволюция в сторону монизма привела, однако, на своем следующем этапе к дуалистическому антиномизму – варианту отрицательной диалектики, разработанному И.С. Нарским¹⁰⁰ в 60-е годы. Все нарастающее подчеркивание неразрывности непримиримых противоположностей подвело к парадоксальной остроте вопроса: как может быть диалектически противоречива действительность и непротиворечиво отражающее ее мышление, и какова природа возникающих в познании противоречий – антиномий?

И.С Нарский отождествлял диалектическую логику с гносеологией. В процессе познания формально-логически непротиворечивое мышление имеет в то же время диалектический характер, ибо все полнее отражая мир, оно движется от одного типа непротиворечивости к другому. По мнению И.С.

¹⁰⁰Справедливости ради отметим, что впервые в литературе похожие идеи были высказаны (но не развиты) И.И. Осьмаковым. См. его: О логике мышления и о науке логики //Вопр. философии. 1956.№3. С.318-327.

Нарского, непротиворечивость мышления имеет своим источником то, что мышление неизбежно упрощает действительность. Мышление – это процесс постоянного углубления в предмет. Поэтому «подлинные диалектические зависимости в виде формально-логических соотношений (а значит в символике формально-логического противоречия) адекватно и нацело невыразимы»¹⁰¹. Философ выделял в процессе познания особые противоречия – антиномии, которыми должна заниматься диалектическая логика. Антиномии занимают как бы промежуточное положение между диалектическими и обычными формально-логическими противоречиями, что не означает существования некой единой формально-диалектической логики. Диалектические противоречия реальности, преломляясь сквозь формальную логику познания, обуславливают бесконечно приближающийся к ним самим характер познания. Разрешение антиномий И.С. Нарский предлагал искать в содержательном (а не вербальном) уточнении понятий, входящих в них. Такое уточнение призвано вскрыть взаимосвязанные, но формально логически разные отношения, существующие между противоположностями.

В своей статье 1964 г. автор утверждал, что с этих позиций уже на нынешнем этапе познания разрешимы апории Зенона. Сами по себе они иллюзорны, так как исходят из отождествления реального движения с нашим гносеологическим образом его, основывающимся на понятии материальной точки. Апории указывают на противоречие движения. Правда, в монографии 1969 г. И.С. Нарский под влиянием идей Э.В. Ильенкова и его сторонников уже несколько иначе интерпретировал формулу Ф. Энгельса о противоречивости движения, нежели в 1964 г. Он писал: «Однако это замечание было сделано Энгельсом попутно и теперь трудно дать ему безусловное истолкование. Мы полагаем, что Энгельс имел здесь в виду различие между актуальным и потенциальным нахождением, имеющее смысл, разумеется, отнюдь не только с точки зрения томизма»¹⁰². Автор, как видим, отходит здесь от гносеологической трактовки антиномии, намечая понимание движения как нахождения и ненахождения в данной точке.

Исследования И.С. Нарского, составившие этап в истории советской диалектики, выявили сложный характер соотношения объективной и субъективной диалектики. Однако объяснение известных марксистских примеров антиномического отражения действительности особенностями познавательной деятельности, огрубляющей предмет отражения, многими философами воспринималось критически, особенно теми, кто развивал идеи о противоречии в одном отношении.

¹⁰¹Нарский И.С. К вопросу о субъективных и объективных противоречиях движения // Философские науки. 1964. №1. С.118-119.

¹⁰²Нарский И.С. Проблема противоречия и диалектической логики. М. 1969. С.94.

Результаты, полученные И.С. Нарским, сделали очевидной следующую особенность исследования противоречия преимущественно как борьбы противоположностей. Односторонняя трактовка противоречия как борьбы сталкивается с трудностью объяснить сам механизм расхождения противоположностей. В самом деле, если единство, взаимосвязь противоположностей уменьшается, то почему нарастает различие, борьба? Казалось бы, уменьшение единства между противоположностями должно означать уменьшение всяких взаимоотношений сторон, в том числе и отношений борьбы. Обратной стороной такого понимания является трудность доказательства всеобщности основного закона диалектики в неантагонистических условиях. И.С. Нарский доводит понимание противоречия как борьбы сторон до завершённой формы, намечая одновременно и выход из нее: противоположности образуют разные, но взаимосвязанные отношения. Последнее означает, что противоположности суть несовместимые, расходящиеся полюса, но в то же время неразрывно связанные друг с другом. Философ останавливается на этом пункте, не раскрывая самого перехода взаимосвязанности сторон в их расхождение, неразрывности в преобладание одной из них. Уйти от развития проблемы ему позволяет ссылка на гносеологическую специфику диалектических отношений.

Если все направление, односторонне сводившее в 30-50-е гг. диалектическое противоречие к борьбе противоположностей, воспроизводит, как подчеркивалось выше, некоторые особенности классического домарксистского метафизического материализма, то интерпретация диалектики И.С. Нарского, безусловно, содержит уступки отрицательной диалектике классического субъективного идеализма. Д.Юм, и И.Кант зорко нащупали антиномически запутанную связь тождества и различия. Так, Юм писал: «Отношение противоположности на первый взгляд может показаться исключением из того правила, что ни одно отношение какого-либо рода не может существовать без некоторой степени сходства. Но примем во внимание, что никакие две идеи не являются сами по себе противоположными, за исключением идей существования и несуществования, но последние явно сходны, т.к. обе заключают в себе некоторую идею объекта, хотя второе исключает объект из всех времен и мест, в которых, как полагают, он не существует»¹⁰³. Если Гоббс выносил сходство за рамки отношения тождество-различие, то Юм увязывал сходство не просто с различием, а с отношением противоположности. Он считал, что тождественный себе в каждый данный момент времени и места объект, в следующий момент времени настолько меняется, что возникает парадокс:

¹⁰³Юм.Д. Соч.: В 2тт. Т.1. М., 1965. С.104.

один и тот же объект есть разный объект. В еще более заостренной форме подобная противоречивость была открыта И.Кантом в его космологических антиномиях. Тезис (например, «Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве») прямо исключался антитезисом («Мир не имеет начала во времени и границу в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве»)¹⁰⁴. Никто в истории философии до Юма и Канта в такой тесной переплетенности не рассматривал тождество и различие, прерывное и непрерывное и т.д.

Но если одной ногой Юм и Кант стояли на диалектической почве, то другой - прочно упирались на метафизическую основу. Диалектические затруднения объяснялись ими не объективным совпадением тождества и различия в предмете, а особенностями человеческого названия. Для Канта антиномия – это область идей, в которых и тезис, и антитезис одинаково ложны, ибо «...Мир вовсе не дан как вещь в себе и, стало быть, не дан ни как конечный, ни как бесконечный по своей величине»¹⁰⁵. Аналогично Юм антиномичные затруднения выводит из процесса познания: «Переход мысли от объекта, уже претерпевшему изменение, совершается так беспрепятственно и легко, что мы едва замечаем его и бываем склонны воображать, будто продолжаем непрерывно рассматривать один и тот же объект»¹⁰⁶. Тем самым диалектика оказываются лишь «логикой видимости», по словам Канта.

Таким образом, диалектика субъективным идеализмом была схвачена и одновременно объявлена иллюзией. То самое «с одной стороны – с другой стороны», высмеивавшееся в свое время Э.В. Ильенковым. В движении советских философов к подлинному диалектико-материалистическому методу И.С. Нарский, отчетливо зафиксирован неразрывное единство реальных противоположностей, в итоге списал эту антиномичность на особенности познания. Философ, материалистически толкующий закон единства и борьбы противоположностей, допуская, тем не менее, некоторую уступку методу Д. Юма и И. Канта. Главное, однако, было в другом: концепция И.С. Нарского открывала новые перспективы диалектических исследований, служа своеобразным перевалочным пунктом между воинственным материализмом 30-50-х годов с его налетом метафизического догматизма и диалектикой 70-80-х годов с ее проделками хитрой логики, пытающейся примирить непримиримое.

¹⁰⁴Кант И. Соч.: В 6 тт. Т.3. М., 1964. С.404-405.

¹⁰⁵Кант И. Соч.: В 6 тт. т.3. С. 459.

¹⁰⁶Юм. Д. Соч.: В 2 тт. Т.1. С. 370-371.

ГЛАВА 3. СОВЕТСКИЕ «ГЕГЕЛЬЯНЦЫ», ИЛИ РЕНЕССАНС ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ 60-80-ХГГ..

§3.1 От антиномизма к положительной диалектике.

К все тому же «перевалочному» рубежу между направлением исследований противоречия преимущественно как борьбы противоположностей, относится и подход, разрабатывавшийся такими философами, как С.П. Дудель, М.А. Маньковский, Ф.Ф. Вяккерев, З.М. Оруджев и др. Однако если антиномизм И.С Нарского примыкал к философии 30-50х годов, то взгляды названных авторов с логической стороны означают возрождение противоположной концепции. Одно направление обосновало центральный тезис о противоречии и разных отношениях, другое утверждало, что противоположности образуют одно отношение. Идеи Ф.Ф. Вяккерера, З.М. Оруджева и др., выводя на вторую концепцию, сохраняли несколько свойств, сближающих их с логикой 30-50х годов. Важную роль в усилении исследовательского внимания к единству как стороне противоречия сыграла конференция, проведенная Институтом философии АН СССР в 1958 году.

Наиболее близкими концепции противоречия как борьбы противоположностей были взгляды С.П. Дуделя, Н.В. Карабанова, А.Е. Фурмана, и др.¹⁰⁷

Несмотря на то, что в самом единстве этими авторами был, подчеркнут момент абсолютного и тем самым диалектическая антиномичность начала приобретать положительный вид, данные идеи в значительной степени оставались на уровне понимания единства как простого сходства, одинаковости. Последнее выразилось в том, что, в конечном счете, реальное развитие противоречия названные философы представляли как активное движущееся действие положительной противоположности, олицетворяющей новое, и тормозящее действие отживающей, отрицательной противоположности. По С.П. Дуделю, обе противоположности могут быть названы и положительной и отрицательной. «Но когда речь идет о характеристике той особой роли, которую каждая из сторон противоречия играет по отношению к процессу развития, то значение понятий

¹⁰⁷Дудель С.П. Законы материалистической диалектики. М., 1958. С.22.

положительного и отрицательного определяется также и тем, что утверждается или отрицается в предметах явлениях»¹⁰⁸.

Тем самым, изменчивость явлений опять-таки связывалась с борьбой противоположностей, понимаемой как все большее преобладание положительной противоположности над отрицательной. Поэтому вопрос о соотношении диалектической логики и формальной упрощался С.П. Дуделем. Интерпретируя трактовку апорий Зенона Ф. Энгельсом, С.П. Дудель писал, что формула Ф. Энгельса о нахождении движущегося тела в данной точке верно отражает объективное противоречие механического движения и поэтому является суждением диалектической логики, которое в то же время формально-логически непротиворечиво: «Объект определения, т.е. движущееся тело, в процессе определения не подменяется другим объектом. В этом смысле закон тождества формальной логики полностью сохраняет свою силу»¹⁰⁹. На самом деле антиномичность неизмеримо глубже. Предмет меняется. Соответственно отражение такого предмета в мышлении выступает как противоречие. Вот здесь-то и встает задача показать действие закона тождества. Понимая изменчивость, в конечном счете, как усиление преобладания одной противоположности и ослабления другой и связывая развивающуюся систему, прежде всего с одной из них С.П. Дудель отстаивал формально-логический закон тождества и в целом формальную логику как науку, фиксирующую готовые результаты становления системы, когда одна из противоположностей окончательно победила и процесс развития завершился. С точки зрения процесса развития истинна диалектическая логика, с точки зрения результата - формальная. Как результат противоречие сводится к одной, т.е.к победившей стороне. Как процесс противоречие к одному полюсу сведено быть не может.

Еще более отчетливо выявилась двойственность результатной и процессуальной сторон развития в позиции другого видного советского философа Л.А. Маньковского. Отличие диалектической логики и формальной он характеризовал следующим образом:«Диалектическая логика есть наука о том ходе мыслей, который применяется при познании предметов и явлений, находящихся в процессе, в движении, в развитии. В отличие от этого, формальная логика есть наука о том ходе мыслей, который применяется при познании вещей в статике, т.е. в определенной точке пространства и в определенную единицу времени»¹¹⁰. Формальная логика, писал философ, рассматривает предмет только в одном отношении и только в

¹⁰⁸Там же.

¹⁰⁹Дудель С.П. о противоречии как источнике развития: Закон единства и борьбы противоположностей: Дис...д-ра филос.наук. М., 1956. С.95.

¹¹⁰Маньковский Л.А. В.И. Ленин о диалектике, логике к теории познания. М., 1959. С.23.

данную единицу времени. Диалектическая логика, напротив, анализирует явление всесторонне. Но в основе многих сторон предмета лежит одно фундаментальное отношение. Например, применительно к профсоюзам, выполняющим разные функции, таким единым отношением является то, что они «школа коммунизма». «При этом, что очень важно, это конкретное, фундаментальное отношение имеет ту особенность, что оно является отношением развития: школа означает учение, процесс, развитие, переход на более высокую ступень»¹¹¹. Поэтому, писал Л.А. Маньковский, «два противоречащих друг другу явления (или соответственно – два противоречащих друг другу суждения) могут составлять единство даже в одном и том же отношении»¹¹².

В такой трактовке наличествует два момента. С одной стороны, «одно отношение» понимается как один единичный предмет. Он изменяется, но остается самим собой: именно он изменяется. В нем наличествуют, борются противоречивые силы и тенденции. Развитие идет в направлении преобладающей стороны, с которой, прежде всего, совпадает данный предмет. Именно поэтому предмет остается самим собой и как таковой отражается с использованием законов формальной логики. Но с другой стороны, предмет как «одно отношение» является неразрывной связью противоположностей. Он есть взаимодействие составляющих его сторон, элементов. Ликвидация одной или некоторых сторон ведет к ликвидации самого предмета. Поэтому с этой стороны уже нельзя сказать, что предмет остается самим собой. Изменение соотношения его противоположных сторон означает, что данный предмет изменяется. И разрешение противоречия ведет, в конечном счете, к ликвидации самого предмета. Так, развитие профсоюзов как «школы коммунизма» связано с развитием всех их функций, что ведет, в конечном счете, к отмиранию самих профсоюзов в будущем. Предмет как изменчивое «одно отношение» противоположностей уже не может отражаться формально-логически непротиворечиво. Он не тождественен себе полностью.

В концепции Л.А. Маньковского оба момента сосуществуют слитно. Поэтому он одновременно отстаивал необходимость и формальной логики, и диалектической. Но тем самым возникала определенная рядоположенность результатов движения и самого процесса движения, что характерно в целом для данного подхода. В то же время материалистический монизм начал все больше приобретать диалектические черты. Действительность представляла уже не как сосуществование расходящихся друг от друга сил, а как связанность объектов в одно отношение. Если у онтологов 30-50-х гг.

¹¹¹Маньковский Л.А. В.И. Ленин о диалектике, логике к теории познания. С.28.

¹¹²Там же.

противоречие выступало внешней борьбой расходящихся противоположностей, то на рубеже 50-60-х гг. активно разрабатывалась идея самопротиворечивости каждой противоположности. Противоречие все больше рассматривалось сквозь призму антиномичности его полюсов.

Характерной была позиция Ф.Ф.Вяккерера¹¹³. В структуре диалектического противоречия он выделил два уровня: внешний и внутренний. Рассматривая противоречие товара, он связывал внешний уровень с противоположностью относительной и эквивалентной форм стоимости. Внутренний же уровень – противоречие потребительской стоимости и стоимости отдельного товара. Внутреннее противоречие выступает в чистом, неискаженном, непосредственном виде. Внешний уровень, по Вяккереву, характеризуется не столько противоречием, сколько отношением противоположности. Внутреннее противоречие, в котором противоположности несут в себе друг друга, выступает процессом самодвижения.

Рассматривая проблему противоречия в одном и в разных отношениях, автор предлагал избегать крайностей. По его мнению, необходимо идти от онтологической модели к теоретической. Антиномичность не присуща самой действительности. Оно – свойство гносеологического образа, отражающего действительность. Хотя объективные корни антиномичности лежат в самой действительности, реальное противоречие постоянно разрешается, приводя к возникновению нового предмета, и не застревая в этой антиномичности.

Противоречию предстает и одним отношением, и разными. На внутреннем уровне – одно отношение, на внешнем – разные. Одной стороны нет без другой в объективном противоречии, оба противоположных полюса истины в рамках отношения. В то же время ликвидация самопротиворечивого предмета ведет к другому предмету, внешним образом соотносящемуся с первым.

Анализ противоречия как бы сквозь призму отдельной противоположности отчетливо выступил у Л.А. Маньковского в его более поздней работе, где он подчеркивал: «В диалектическом смысле тождество противоположностей соответствует понятию «раздвоение единого»: каждая из двух противоположностей есть данное целое, тот же самый предмет, но имеющий в себе две противоположные тенденции или две противоположные формы, противоречащие друг другу»¹¹⁴. Как видим, предмет рассматривается

¹¹³См.:Вяккерев Ф.Ф. Диалектическое противоречие и марксистская политэкономика. М.1963.

¹¹⁴Маньковский Л.А. Вещь как единство противоположностей // Ленин об элементах диалектики. М., 1965. С. 213.

как неразрывное единство противоречивых тенденций (коренное отношение, связывающее систему в целое, автор называл основанием), но с другой стороны, речь идет о противоречии именно отдельного предмета, отдельного противоречивого полюса отношения. Предмет как одно отношение по-разному проявляется: он имеет сходство с другой противоположностью, но имеет и различие. Предмет многолик, антиномичен, но за этой антиномичностью лежит одно начало – сам предмет. Такая трактовка неслучайно связана с идеей противоречия в одном и в разных отношениях. В той степени, в какой данный предмет есть противоречие схождения и различия, он, очевидно, может в качестве такого (раздвоенного) существовать до тех пор, пока существует другая противоположность целого. Но так как речь идет о противоречии в одном отношении применительно к отдельному предмету, а не к целостному единству противоположностей, и усиление различия между противоположностями ведет лишь к большему обособлению данного предмета, то оказывается, что в нем сходство и различие неравноправны, как неравноправны обе противоположности в противоречии. Последнее оказывается единством разных отношений и разрешается победой одной стороны, одного из двух предметов, образующих противоречие. Неслучайно поэтому Л.А. Маньковский выделил два типа разрешения противоречий. Противоречия, подобные противоречиям антагонистического общественного строя, разрешаются победой одной из противоположностей и устранением системы в целом. Второй тип разрешения противоречий состоит в «приведении» к основанию, когда единство противоположностей не исчезает, но приобретает более сложный характер, развивается. То есть либо все то же «или-или», либо постоянное антиномирование внутри себя. Оставалось неясным, почему тождество внешне различию в антагонистическом противоречии, и как неантагонистическое противоречие, развиваясь, способно привести к новым качественным формам, если в нем тождество равновелико различию, и они лишь углубляются в основание.

Своего пика анализируемая концепция противоречия «и в одном, и в разных отношениях» достигла в работах З.М. Оруджева. Философ пытался обосновать и антиномичность самой реальности и специфику мышления. По его мнению, «...диалектическая логика есть как бы единство формальной логики и диалектики, нечто «третье», их синтез»¹¹⁵. Он рассматривал логику как составную часть теории познания, точка зрения которой более широкая. С позиции теории познания им обосновывался вывод, что существует тождество между содержанием мышления и объективной действительностью и различие между формами мышления и действительностью. Теоретическое

¹¹⁵Оруджев З.М. Диалектика как система. М., 1973. С.283.

мышление, отражающее изменение в его непрерывности, не довольствуется абстрактным тождеством $A=A$. «Вместе с тем закон тождества сохраняется в положениях диалектической логики как сторона, момент, ибо в любом изменении и развитии предмет не только не тождественен, но вместе с тем и тождественен самому себе»¹¹⁶. Эмпирическое мышление, руководствующееся формальной логикой, отражая объект как абстрактное тождество, способно даже зафиксировать его противоположные стороны. Но оно не способно выявить опосредствующие звенья, через которые противоположности взаимно переходят друг в друга, образуя противоречия в одном отношении.

Идея опосредствующих звеньев играет важную роль в концепции З.М. Оруджева. Она позволяет ему трактовать противоречие в одном отношении так, что противоположное положение о противоречии в разных отношениях получает право на существование. Противоположности, с одной стороны, образует одно неразрывное отношение, они два полюса одной сущности. Но с другой стороны, опосредствующие звенья, сочетающие в себе различающиеся свойства той и другой противоположности, обнаруживают их несовместимость, разное отношение между ними. З.М. Оруджев писал: «Формуле» в одном и том же отношении подчиняются крайние члены диалектического противоречия. Формуле «в разных отношениях» – промежуточные члены. Промежуточные члены (и в этом их особенность, специфика) сочетают в себе отдельные свойства противоположностей (но не сами противоположности), не являясь противоположностями»¹¹⁷. По мнению З.М. Оруджева, такая трактовка не означает сведения противоречия к разным отношениям на уровне опосредствующих звеньев. «Как известно из формальной логики противоположные свойства «в разных отношениях» не находятся друг к другу в отношении противоречия. На уровне промежуточных звеньев противоречие исчезает. Диалектическое противоречие есть целостное единство крайних и промежуточных членов отношения, связи»¹¹⁸. Итак, нет отдельно противоречия в одном и противоречия в разных отношениях, но и то и другое суть два неразрывных момента «синтетической» логики, предлагаемой философом.

В данной концепции антиномичность становится положительным признаком диалектического развития, но она трактуется, тем не менее, с позиций тривиального расхождения противоположностей. В результате

¹¹⁶Там же. С.242.

¹¹⁷Оруджев З.М. Формально-логические и диалектические противоречия. Различия структур / Диалектическое противоречие. М., 1972. С.92.

¹¹⁸Там же. С.94.

акцент в диалектическом противоречии делается либо на внутренней самораздвоенности расходящихся противоположностей, либо на внешних опосредствующих звеньях, когда формальная логика «делает» собой логику диалектическую.

Концепция положительно-отрицательной диалектики была таким же шагом вперед по сравнению с онтологизмом 30-50х гг. и с гносеологизмом И.С. Нарского¹¹⁹, каким по сравнению с метафизическим материализмом XVIII века и отрицательной диалектикой Канта была диалектика Фихте. В своем «Наукоучении», как известно, Фихте сводил структуру бытия к трем абсолютным основоположениям: Я полагает само себя как нечто делимое, Я противопоставляет себе Не-я и затем то и другое полагаются в чистом неделимом Я. Углубляя субъективный идеализм в сторону объективного идеализма и оставаясь на полпути к последнему, Фихте по-своему выражал идею позитивно-негативной антиномичности. Немецкий философ, с одной стороны, фиксировал внешнюю противоположность, несовместимость Я и не-я: «...Я не полагается в Я, поскольку в нем полагается Не-Я»¹²⁰. Эта мысль еще далека от гегелевского тождества противоположностей, она – в духе метафизической логики XVIII века. Но с другой стороны: «...Не-Я может быть полагаемо лишь постольку, поскольку в Я (в тождественном сознании) полагается некоторое Я, которому оно может быть противопоставлено. Итак, Не-я должно быть полагаемо в тождественном сознании.

Следовательно, в нем необходимо полагается также Я, поскольку должно быть положено Не-Я»¹²¹. Такова положительная и вместе с тем дуалистическая антиномия: противоположности различны друг другу, вплоть до несовместимости, но неразрывны друг от друга. Или, говоря современным языком, налицо противоречие и в разных отношениях, и в одном. И. Фихте, осознавая всю затруднительность такого положения, ищет опосредствующее звено: «...Должен быть найден некоторый X, через посредство которого все эти выводы могли бы оказаться правильными, без нарушения тождества сознания»¹²². Через X и форму действия У, рождающего такой X, «противоположности Я и не-я должны быть...соединены, уравнены друг с

¹¹⁹Оруджев З.М. писал: «С нашей точки зрения, онтологизм, которого следует избегать, заключается не в допущении, а в игнорировании роли субъективного в отображении объективных законов, в игнорировании специфики логического и гносеологического, подобно тому как гносеологизм есть отрицание онтологической значимости методологических приемов, гносеологии, т.е. раздувание специфики познания» / Диалектика как система. С.132.

¹²⁰Фихте И.-Г. Избр.соч. М., 1916. Т.I. С.83.

¹²¹Там же.

¹²²Там же. С.84.

другом, не уничтожая при этом друг друга»¹²³. Действием У утверждалась операция ограничения, а X, ее продукт, – граница двух противоположных полюсов. Граница своим существованием показывает некоторое совпадение у совершенно несовпадающих противоположностей. Здесь действует «принцип основания: А отчасти = не-А и наоборот. Каждая противоположность равна своей противоположности в некотором одном признаке = X; и все одинаковое противопоставляется тому, что с ним одинаково в некотором признаке X. Такой признак = X называется основанием, в первом случае основанием отношения, во втором случае – основанием различия»¹²⁴. Тождество у Фихте неотрывно от различия, но оно не есть различие, как у Гегеля. Он подчеркивал: «...Если бы они (противоположности – С.Р.) противопоставлялись во многих частях, т.е., если бы в самих противоположностях были противоположные признаки, то одинаковость обоих относилась бы к тому, в чем равны подвергаемые сравнению моменты, и они не были бы, следовательно, противоположны, и наоборот»¹²⁵. Другими словами, если в чем-то противоположности сходны, то в этом они не различны, поэтому сходство заключается лишь в единственном пункте – общей их границе, соединяющей их.

Шаг, сделанный Фихте в направлении положительного антиномизма, не преодолел всех недостатков дуалистической диалектики Канта. Основой этому были те же субъективно-идеалистические корни. Противоположности (Я и не-я) хотя и существуют, но в то же время обе поглощены одной из них – чистым абсолютным Я. Точка зрения субъективной идеалистической обособленности и обусловила рецидивы отрицательного антиномизма.

Советские материалисты, развивавшие концепцию положительно-отрицательной диалектики, конечно, далеко ушли от Наукоучения Фихте. Однако уступки, с одной стороны, упрощенному онтологизму, сводившему противоречие хотя и к целостному, но внешнему сосуществованию противоположностей, а с другой – гносеологизму, воспроизвели отдельные слабости метода немецкого философа. И прежде всего его раздвоенное отношение к антиномичности: она и признается, и в то же время снимается посредствующими членами, в которых выясняется, что в том-то противоположности одинаковы, а в том-то различны. Тем самым, антиномичность как предельная заостренная форма противоположных утверждений об одном и том же в одно и то же время в определенной степени списывается на специфику субъекта, недостаточно проникшего в реальную диалектику объекта.

¹²³Там же.

¹²⁴Там же. С.88.

¹²⁵Фихте И.-Г. Избр.соч. М., 1916. Т.I. С.88.

Любопытным применением этой методологии к исследованию диалектики социалистического общества можно найти в монографии Иссинской И.П. Ее работа была посвящена действию закона единства и борьбы противоположностей в условиях развитого социалистического общества. В духе двойственности анализируемого подхода И.П. Иссинская также трактовала противоречие и как неразрывность, постоянное равнодействие, и как уменьшение единства противоположностей одновременно¹²⁶, выступая против идеи разграничения источников движущих сил развития. Исследовательница подчеркивала, что прогрессивные явления социалистического общества (например, роль КПСС, дружба народов и т.д.) выступают в роли движущих сил не в отрыве от противоречий, а как одна их сторон. Отчасти соглашаясь с В.С. Украинцевым и признавая возможность совпадения основных тенденций противоположных сторон, автор, однако, не соглашается с выводом, будто стороны развиваются в одном направлении. Одни тенденции могут совпадать, по ее мнению, другие нет, что и порождает противоречие.

Противоречие, развиваясь, приводит к смене одного единства противоположностей другим. И.П. Иссинская подчеркивает, что стороны каждого нового единства не более соответствуют друг, чем соответствовали стороны старого единства в момент его возникновения. Развитие противоположностей есть переход их друг в друга через посредство промежуточных звеньев. Например, перерастание социалистической законности в коммунистическое самоуправление связано с расширением прав Советов, привлечением к управлению широких слоев трудящихся и т.д. Когда же обе стороны явлений представляют собой новое, возможно установление гармонических отношений. Но гармонические противоположности также в чем-то не соответствуют друг другу, и это несоответствие преодолевается.

Подобная позиция, очевидно, близка одной своей стороной к исследованиям противоречия преимущественно как борьбы противоположностей. Пропорционально понимаю противоречия как уменьшающегося единства противоположностей из нее также напрашивается вывод об ослаблении противоречивости общественных явлений по мере движения к коммунизму. Но есть и другая сторона в той степени, в какой противоречие представляется как постоянное равнодействие не соответствующих друг другу сторон. Причем несоответствие всякой новой пары противоположностей настолько же велико, как и несоответствие

¹²⁶См.:Иссинская И.П. Общее и особенное в действии закона единства и борьбы противоположностей в условиях развитого социалистического общества. Смоленск., 1971. С.21,40.

предыдущих противоположностей, развитие общественных явлений всегда принимает форму антиномичного противостояния противоположностей. Потому нельзя утверждать об ослаблении действия закона единства и борьбы противоположностей в социалистическом обществе.

Таким образом, подход, связанный с пониманием противоречия как постоянного равнодействия противоположностей (противоречие в одном отношении) и как уменьшающегося единства (противоречие в разных отношениях) применительно к диалектике социалистического общества означает и отстаивание всеобщности основного закона диалектики и одновременно его специфики. Развитие общества характеризуется и как бесконечный процесс разрешения противоречий, и как нарастание соответствия и ослабления противоречивости. Двойственность этого подхода состоит в том, что в его рамках, с одной стороны, движение сводится к своим простым результатам, что свойственно и первому направлению исследований в 30-50-е гг., а с другой стороны, анализируется процесс движения. Стороны противоречия остаются внешними друг другу. Противоположности опосредствуют друг друга, но не настолько, чтобы из этого опосредствования вытекало самоуничтожение этого опосредствования. Противоположности столь внешни друг другу, что акцент делается на промежуточных звеньях, соединяющих их, а не на их конкретном тождестве. Опосредствование противоположностей дополняется поэтому их внешним расхождением.

Представляется, что такая логика является слепком с реалий советского периода середины 60-х – начала 80-х гг. Переход от административных методов к рыночной реформе, начавшийся в 1965 г., проводился непоследовательно, половинчато. Осознание необходимости решительного движения к рынку проходило чрезвычайно трудно, изнутри командного механизма. Последний, боясь выпустить рыночного джина из бутылки, пытался стимулировать товар, постоянно удушая его в своих административно-контролирующих объятьях. Практика волюнтаризма не могла быть изжита быстро. Так возник застой, явившийся следствием не столько безнравственности коррумпированных субъектов, сколько того, что новая противоположная практика рождалась постепенно в тенетах старого, которое сдавало позиции и удерживало их одновременно. Причудливое переплетение командного стиля и элементов товарных отношений с преобладанием первого закономерно рождало такой нарост как коррупция, в которой болезненно давали о себе знать реальные потребности. Замысловатое соединение теоретиками диалектического мышления идей противоречия «в одном отношении» и «в разных отношениях» на самом деле своей основой имело одно отношение складывающегося товарного экономического комплекса, (в этой связи апологетика развитого социализма

не была чистым вымыслом, отражая новый уровень целостности общества) и разные отношения в процессе вытеснения инородных становящемуся обществу секторов.

Логика концепции «противоречие в одной и в разных отношениях одновременно» есть логика социального субъекта, находящегося как бы в двух противоположных измерениях одновременно. Социальная раздвоенность общества, уходящего от одного состояния, но не пришедшего к другому, рождала индивидуальную раздвоенность и на уровне практического поведения (например, смешивалась грань дозволенного и запрещенного), и на уровне теоретического мышления. Последнее проявлялось в преувеличении факта противоречивости не столько как отношения двух противоположностей, сколько как внутренней самораздвоенности каждой из них.

§3.2 Формирование и развитие «гегельянской» школы.

Всякий период в истории советской философии представлял собой широкое разнообразие подходов к проблеме противоречия. Одни отживали свой век, другие, соответствуя духу времени, были общепринятыми, третьи только зарождались, смутно осознавая, что за ними будущее. В 50-е гг. в отечественной диалектике продолжало доминировать направление исследований противоречия как борьбы противоположностей, о чем шла речь в главе II. Но в это же время, особенно со второй половины 50-х гг., закладываются основы противоположного направления, которое будет определять стиль философского мышления в последующие три десятилетия. Речь идет о подходах, предложивших изучение противоречия с позиций тождества диалектики, логики и теории познания и тем самым завершивших преодоление гносеологизации данной проблемы.

Уже тогда в толковании противоречия как тождества противоположностей обозначались 2 ветви, которые впоследствии все отчетливее различались. Одна из них была связана с именами С.Б. Церетели и П.В. Копнина, а другая В.И. Черкесова, А.М. Минасяна и особенно Э.Б. Ильенкова. Различие между ними состояло в степени противопоставления диалектической логики и формальной.

С.Б.Церетели, П.В. Копнин и др., не отрицая необходимости формальной логики, считали ее лишь «снятым», но самостоятельным моментом логики диалектической. Противоречие при этом раскрывалось не как одностороннее расхождение противоположностей, а как эволюция целостного единства двух сторон. Характерной была позиция П.В. Копнина. Видный украинский философ, рассматривая противоречивость предиката

суждения, считал, что в нем отражается объективная противоречивость целостного явления. Неверно было бы утверждать противоречивый предикат и одновременно его запрещать. Поэтому формальная логика, отражая момент устойчивости и качественной определенности явлений, сохраняет свое значение. Но противоречие, заключенное в самом предикате противоположно формально-логическим требованиям, здесь формальная логика теряет свою силу. В качестве примера диалектически и формально-логически верного суждения философ приводил пример с утверждением «свет есть одновременно и частица и волна». Суждение же «свет есть одновременно и частица и волна» и «свет не есть одновременно частица и волна» оба истинными быть не могут.¹²⁷

Трактовка формальной логики как совершенно подчиненного и преодоленного диалектической логикой момента акцентировала больше внимания не на сам факт внешнего расхождения противоположностей, что характерно для исследований противоречия как борьбы сторон, а на внутренний механизм этого расхождения. Расхождение увеличивается потому, что развивается целостная система и растет взаимообусловленность ее противоположных сторон. Взаимообусловленность сторон означает, что систему нельзя связать ни только с одной, ни только с другой стороной, ликвидация каждой из них ведет к ликвидации системы в целом. Кроме того, преодолевался гносеологизм в изучении противоречия, при котором антиномичность списывалась на особенности познающего субъекта.

В то же время признание положительного значения формальной логики как момента, снятого диалектикой, усугубляло некоторые трудности, свойственные позиции Л.А. Маньковского, З.М. Оруджева и др. В самом деле, если целостная система, двумя сторонами которой являются противоположности, образующие противоречие в одном отношении, развиваются и изменяются, то утверждение о формально-логической непротиворечивости предиката суждения, отражающего эту объективную противоречивость, фактически означает, что система не изменяется, она суть одно и то же явление. Тем самым, как бы происходит закрепление этой двойственности системы и ее неразрешимости. Но одновременно все-таки утверждается, что система развивается и превращается в другую, из чего следует, что авторы в определенной степени исходят из понимания противоречия как расхождения противоположностей. В такой трактовке одна сторона анализа направлена на показ неразрывного, не расходящегося существования противоположностей (так что уничтожение одной ведет к уничтожению другой), а другая (подчиненная, момент первой) связана с

¹²⁷См.:Копнин П.В. Диалектика и противоречия в мышлении //Вопр. философии. 1958. №7. С.91.

расхождением противоположностей, их неодинаковостью. Тем самым антиномизм, приобретя положительную форму, оказался не столько преодоленным, сколько углубленным. Он стал как бы антиномизмом в квадрате, а потому и сама реальность характеризовалась теперь как полагание и исключение противоположностями друг друга в одном отношении и в одно время.

«Компромиссное» снятие формальной логики как позитивного момента логикой диалектической критически оценивалась философами, убежденными в несовместимости двух логик применительно к отражению объективных противоречий (Э.В. Ильенков; А.М. Минасян; В.И. Черкасов). Исходя из полного отождествления диалектики, логики и теории познания как одной науки, эти исследователи считали, что объективное противоречие отражается в мышлении только противоречивым образом. Так, В.И. Черкасов критиковал К.С. Бакрадзе, согласно которому формальная логика изучает формы мышления, а диалектическая логика – содержание мышления. Если мышление является отражением материальной действительности, подчеркивал В.И. Черкасов, то оно и по форме и по содержанию так же диалектично, как сама материя. Диалектическая логика, раскрывая закономерности развития мышления, раскрывает, тем самым, и диалектику бытия. Исходя же из этого единства, она является теорией познания. Тем самым, диалектика, логика и теория познания суть одна наука, изучающая универсальные закономерности мышления и самого бытия. На этой основе Черкасов делал вывод о том, что современной логикой является не формальная логика, а диалектическая: «Отождествление диалектической логики с марксистской диалектикой существенно важно в том отношении, – писал он, – что обязывает нас понимать марксистскую диалектику как диалектическую логику, всеобщую и высшую логику, соответствующую современному уровню развития научного знания»¹²⁸. Формальная логика, по Черкасову, также отражает действительность, но ее предметом являются только некоторые – постоянные и неизменные – отношения материального мира, когда противоположности сосуществуют; но не превращаются друг в друга. В рамках неизменных отношений движущееся кажется только движущимся, а покоящееся только покоящимся. Изменяющиеся же реальные явления отражаются логически противоречивым образом.

Для обоснования диалектики как высшей логики познания, названные философы, переосмысливали преемственность гегелевской и марксистской диалектики, активно обращались к «Капиталу» К. Маркса, в котором диалектический метод познания применен в наиболее развернутом виде.

¹²⁸Черкасов В.И. О предмете марксистской диалектической логики //Проблемы диалектической логики. М., 1959. С.44.

Большая исследовательская работа по изучению «Капитала» проводилась самым крупным нашим «гегельянцем» Э.В. Ильенковым. Анализируя метод К. Маркса, приведший к созданию научной политэкономии капитализма, Э.В. Ильенков подчеркивал, что диалектика позволила Марксу раскрыть все формальные противоположности, в которых запуталась буржуазная наука. Классическая политэкономия, в частности Д. Рикардо, непосредственно подводила закон средней нормы прибыли под закон стоимости, что рождало нелепые противоречия. Маркс же выявил диалектическую противоречивость закона стоимости и эмпирической формы его обнаружения – закона средней нормы прибыли. Между двумя законами лежит длинная цепочка опосредствования. Развитие противоречия понятия стоимости и эмпирической формы обнаружения (диалектическое противоречие всеобщего и особенного) и образует, по Ильенкову, логическое движение мысли К. Маркса. Философ считал, что слова Маркса о невозможности товара находиться одновременно в эквивалентной и относительной формах стоимости относятся к эмпирической форме существования товара. Но с точки зрения понятия стоимости, отражающего целостность товарного мира, каждый товар есть именно единство эквивалентной и относительной форм, иначе обмен не произошел бы. «В итоге, – писал философ, – стоимость предстает как внутреннее отношение товара к самому себе, внешним образом обнаруживающееся через отношение к другому товару. Другой товар играет роль лишь зеркала, в котором отражается внутренне противоречивая природа товара, выражающего свою стоимость. Говоря философским языком, внешне противоречивое предстает лишь как явление, а отношение к другому товару – как опосредованное через отношение к другому товару отношение товара к самому себе. Это внутреннее отношение, отношение к самому себе, и есть стоимость, как абсолютное экономическое содержание каждого из взаимно соотносящихся товаров»¹²⁹.

Э.В. Ильенков в 60-70-е гг. развивал и уточнял свою концепцию, но и в конце 50-х гг. она была значительна тем, что в ней в наиболее предельной форме отстаивалось положение о противоречии как единстве двух неразрывных сторон одного целого. Философ утверждал невозможность существования одной противоположности без другой и в то же время их непримиримость. Предмет у Ильенкова и является самим собой и не является. Если П.В. Копнин фактически утверждал, что данная противоречивая система изменяется («данная» и «изменяется» здесь отчасти внешне друг другу), то Э.В. Ильенков подчеркивал, что данная противоречивая система и изменяется (ибо она противоречива), и не

¹²⁹Ильенков Э.В. К вопросу о противоречии в мышлении //Вопр. философии. 1957. №4. С.69.

изменяется (т.к. она данная система). Моменты данности и изменчивости как противоположности переходят друг в друга. Тем самым, можно констатировать углубление понимания противоречия как единства противоположностей в концепции Э.В. Ильенкова.

Формирование «гегельянской» школы в советской диалектике стало заметным явлением во всей европейской и мировой философии. Американский исследователь Р.де Жоржи справедливо подчеркивал эволюцию советской философии после 1956 г. в сторону гегелевской диалектики и писал, что «вообще советские работы стоят во главе всей восточной Европы», имея ввиду именно исследования по диалектике. Мы могли бы добавить, что они были (и остаются) лучшими не только в Европе, но и в мире.

Между тем первая половина 60-х гг. стала периодом интенсивных исследований диалектики тождества противоположностей. В рамках этого направления, не являющегося тогда еще господствующим, были созданы фундаментальные, прочно заложившие основы нового видения диалектического противоречия, которое с конца 60-х– начала 70-х гг. стало постепенно превращаться в общепринятое в философии. Подход, разрабатывавшийся В.А. Босенко, Г.С. Батищевым, Г.Г. Габриэльяном, П.В. Копниным и др., состоял в утверждении единства логики, теории познания и диалектики с моментом различия их как трех аспектов единой философской науки. Философия, согласно такому подходу, изучает мышление с целью обнаружения в нем объективных законов, присущих и самой действительности. Из совпадения объективной диалектики и логики следовал вывод о диалектической логике как высшей ступени логической науки, ибо только диалектическая логика обосновывает противоречивость мышления как отражение противоречивого бытия.

Чрезвычайно важным результатом, полученным при анализе противоречия как единства противоположностей, явилось установление того факта, что в процессе развития противоречия единство противоположностей как их взаимосвязь возрастает. Так, В.А. Босенко отмечал: «В сущности же то, что называется тождеством противоположностей, в диалектическом понимании есть истинная борьба противоположностей. И в том смысле, можно сказать тождество тем больше, чем интенсивнее борьба. Недаром высшее тождество достигается в момент наивысшего уровня борьбы – в момент разрешения противоречия»¹³⁰. Положительной стороной такого понимания противоречия является то, что оно раскрывает различие через тождество и наоборот. Различие и тождество предметов оказываются не чем-

¹³⁰Босенко В.А. Диалектика как теория развития. Киев, 1966. С.25.

то равнодушным друг другу, а только и могут существовать друг через друга. В данном случае исследователями вырабатывалось понимание конкретного тождества – не как простой одинаковости, а как общей основы, сущности, проявляющейся различно в двух противоположностях. Различие целого характеризовалось как развитие данного различия в тождестве. Само расхождение сторон становится понятным, если учесть, что они – проявление одной сущности, каковой выступает данная система.

В то же время исследования противоречия как единства противоположностей не свободны от понимания единства как простого сходства. Всячески подчеркивая неправильность интерпретаций единства как одинаковости, авторы, развивающие данное направление, делают уступку таким интерпретациям. Это обстоятельство наглядно проявляется в толковании разрешения противоречия и относительности единства противоположностей. Например, В.А. Босенко, объясняя относительность единства, писал: «Рассудочному мышлению постоянная смена форм борьбы может показаться достаточным основанием, чтобы придти к выводу, что борьба тоже относительна. Но относительна борьба, точнее борьба со стороны ее относительности, отдельности, формы (как момент борьбы) – это ведь и есть то, что называется единством. Поэтому подмеченная относительность, преходящая принадлежит опять-таки единству»¹³¹. Единство противоположностей в таком толковании является относительным потому, что ему на смену приходит другое единство. Борьба же как абсолютное складывается из относительных единств. И одновременно единство понимается как конкретное тождество противоположностей.

Однако, на наш взгляд, конкретное тождество реальных противоположностей, в котором обе стороны в равной мере являлись бы моментами этого конкретного тождества, не сможет смениться конкретным тождеством других реальных противоположностей. Конкретное тождество в этом смысле абсолютно. В самом деле, тождество различного и различие тождественного означает, что два разных полюса суть одно и то же. Развитие каждого из них означает развитие другого и в целом их единства. Конкретное тождество предполагает, поэтому бесконечную «заинтересованность» сторон друг в друге.

Но антагонистический тип противоречий не является отношением, в котором реальные противоположности (классы), в равной степени выступали бы полюсами конкретного тождества. Конкретное тождество в антагонизме разворачивается как внутреннее содержание внешних, расходящихся противоположностей, образующих абстрактную незрелую социальную связь.

¹³¹ Там же. С.48.

В диалектических противоречиях собственно неантагонистического общества полюсами конкретного тождества будут являться обе противоположности в равной мере. Хотя такому противоречию и будет присущ момент единства как простой одинаковости и различия как расхождения, стороны в одинаковой степени будут заинтересованы в ликвидации таких различий и несоответствий.

Следовательно, обоснование относительности единства тем, что одно единство противоположностей сменяется другим, не учитывает наличия момента абстрактного тождества в противоречии, ведущем к расхождению сторон, и неисторически рассматривает диалектическое противоречие только как конкретное тождество. Недооценка момента единства как одинаковости вытекает из специфики анализа противоречия как единства противоположностей. При таком подходе система рассматривается как единство тождества и различия двух противоположностей и каждая из них в свою очередь выступает таким единством и существует лишь до тех пор, пока существует система. Тождество дано как бы двумя различными полюсами: оно проявляется и в одной противоположности, и в другой. Соответственно различие двух противоположностей есть результат одной тождественной для обеих сторон. И тождество, и различие, тем самым, оказываются вроде бы конкретными. Но так как анализ ведется безотносительно к специфике реальных противоположностей, в русле логических соотношений тождества и различия вообще, происходит неправомерное игнорирование момента абстрактного тождества в противоречии. Рассмотрение тождества и различия не как конкретной связи определенных противоположностей, а как универсальной логической закономерности позволяет «не заметить» сторону простого совпадения, сходства противоположностей в противоречии. При этом тождество и различие, отражаемые категориями «тождество» и «различие», соседствует с реальными противоположностями, в которых они проявляются. С одной стороны, тождество конкретно, но с другой – оно внешне, рядоположенно сосуществует со своими проявлениями. Если оставить в стороне анализ тождества и различия и взять связь самих противоположностей в терминах конкретной науки, то противоположности опять-таки предстанут расходящимися полюсами.

Таким образом, в противоположность трактовкам противоречия преимущественно как борьбы сторон, в которых подчеркивалось расхождение, антагонизм их и разрешение противоречия «победой» одной из них, сторонники понимания противоречия как единства обращали главное внимание на сам процесс такого расхождения, на взаимопроникновение полюсами друг друга. Но, по сути, они также сводят борьбу

противоположностей к расхождению и несовместимости. Следовательно, идея конкретного тождества нащупывается прямо пропорционально отвлечению от вопроса о разрешении противоречия.

Если авторы 30-50-х гг. упрощенно представляли себе разрешение противоречия как «победу» ведущей противоположности, то философы, исходившие из тождества диалектики, логики и теории познания настолько уравнивают оба полюса отношения, что определяющая роль одной из противоположностей не проявляется при разрешении противоречия. Вот как объяснял определяющую роль одной из противоположностей В.А. Босенко: в сущности «есть в известном смысле фактически одна сторона», которая в себе содержит другое себя. Поэтому мы, например, можем рассматривать покой как движение, суть единства – в борьбе, но никак не можем сказать, что движение это покой, что борьба – это единство и т.д.»¹³². Автор, тем самым, раскрывает преобладающую роль не одной реальной противоположности в ее отношении с другой реальной противоположностью, а преобладающую роль одной категории, отражающей один аспект движения (изменчивость) в ее отношении с другой категорией. В реальных же противоположностях такого преобладания не оказывается.

Подход, развивавшийся П.В. Копниным, В.А. Босенко, получил крайнее выражение в концепции Г.С. Батищева. Методологически неправильный подход к противоречию, по Батищеву, ведет к двум крайностям – дистинктивизму и антиномизму. Дистинктивизм если и признает противоречия, то только в разных отношениях. Антиномии, возникающие в языке, он объясняет техническими погрешностями, заблуждениями. Реакцией на дистинктивизм выступает антиномизм, являющийся «самокритикой» рассудка, скованной еще зависимостью от недиалектического мышления. Антиномизм – отрицательная диалектика. Философ писал: «Диалектическое противоречие представляет собой форму эвристического движения мышления от содержательной антиномии (между тезисом и антитезисом) к ее разрешению в синтезе третьего, нового понятия»¹³³. Причем тезис и антитезис одинаково истинны в синтезе. Диалектического противоречия есть душа творческого процесса. Противоречие есть как бы длительность, прорыв которой суть она сама.

Логикой творческого процесса является, писал автор, диалектическая логика. Формальная же, будучи специальной наукой, изучает материю мысли – язык. Законы речевой деятельности носят технически специальный

¹³²Босенко В.А. Диалектика как теория развития. С.53.

¹³³Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. - М., 1963. С.100.

характер. В материи языка затухает пульсация творческой деятельности субъекта. Фетишизация языковых форм и преувеличение формальной логики возникает, считал Г.С. Батищев, в результате развития духовного производства по типу материального производства, в котором господствуют отношения вещиности, утилитарного использования, отчуждения, а не творческого созидания. Знание оказывается использованием готового знания, информацией, а не познавательным процессом.

Противоположность диалектической логики и формальной, в которой последняя суть подчиненный момент первой, Батищев довел до антиномии невозможности адекватно выразить в логике диалектическое противоречие в одном отношении и в то же время необходимости выражения в языке. Обнаруживается, что формальная логика есть не просто подчиненный, снятый диалектической логикой момент. Она – негативная сторона диалектической логики. Если П.В. Копнин отстаивал идею непротиворечивого отражения объективного противоречия в одном отношении, то Г.С. Батищев доводит эту идею до антиномии. Формально-логический момент становится тенью диалектики: от нее и хочется избавиться, и невозможно это сделать, с другой стороны, она желательна ибо отражает уникального носителя этой тени.

Концепция Г.С. Батищева при всей ее внешней негативной оценке формальной логики не была самой резкой в отстаивании несовместимости двух логик. Гораздо более сильным в этом отношении было другое ответвление в рассматриваемом направлении исследований, развивающееся А.М. Минасяном, В.И. Черкесовым, но особенно Э.В. Ильенковым, и связанное с полным отрицанием формальной логики и полным отождествлением диалектики, логики и теории познания.

В рамках данного подхода еще последовательнее противоречие рассматривалось с опорой на категории «тождество», «различие» и др. А.М. Минасян прямо определял противоречие как «...отношение между тождеством и различием противоположностей»¹³⁴. Механизм изменения характеризовался при этом как взаимосвязь тождества и различия диалектических сторон. Нащупывание конкретного тождества в диалектическом отношении вело к плодотворной идее равнодействия противоположностей в противоречии. Так, В.А. Горлянский писал: «Итак, противоположности взаимопроникают, обуславливают и порождают друг друга и в этом смысле они тождественны. Тем самым с другой, количественной стороны, уже определяется то, что противоположности одинаково действуют друг на друга, равнодействуют, – ведь при тождестве

¹³⁴Минасян А.М. Категории содержания и формы. Ростов-н.Д, 1962. С.183.

невозможно, чтобы одна противоположность проникала, обуславливала, рождала другую «больше» чем та, другая. Во взаимопроникновении, взаимообуславливании противоположности могут только равнодействовать»¹³⁵. Единство противоположностей относительно, по Горлянскому, в смысле конкретности, единичности той или иной формы борьбы противоположностей.

Сведение противоречия к единству противоположностей основывается на понимании противоречия как взаимоисключения только в одном отношении, а единства только как конкретного тождества. Между тем, как отмечено выше, противоречию присущ момент единства как простого сходства, совпадения. Соответственно противоречие одной своей стороной выступает разными отношениями. Развитие ведет к нарастанию конкретного тождества и конкретного различия, а также к нарастанию абстрактного различия (неодинаковости) и уменьшению абстрактного тождества (сходства, одинаковости). Борьба абсолютна, ибо возрастает и абстрактное различие и конкретное, единство относительно, т.к. хотя конкретное тождество и возрастает (момент абсолютного в единстве), единство как простое сходство, совпадение противоположностей уменьшается, ослабляется. Если же единство противоположностей толковать только как противоречие в одном отношении, оно грозит превратиться в бесконечное, неразрешимое разворачивание от одной пары категорий, к другой паре, к третьей и т.д. Обоснование перехода от данного предмета к другому предмету представляется в таком случае затруднительным. Ведь в конкретном тождестве единство противоположностей нарастает, причем развитие конкретного тождества есть друга сторона развития конкретного различия.

Характерной в этом отношении стала концепция Э.В. Ильенкова. В своем исследовании, посвященном логике «Капитала», он глубоко показал, что противоречие является живой душой движения мысли К. Маркса. Однако исходя из убеждения, что противоречие в одном отношении существует в логике «Капитала» на протяжении всего хода мысли Маркса, философ столкнулся, по нашему убеждению, с трудностями.

Э.В. Ильенков считал исходным понятием в логике «Капитала» понятие стоимости, представляющее собой противоречие в одном отношении. Оно отражает внутреннее противоречие товарной формы: товар как таковой, товар вообще (стоимость) находится в двух взаимоисключающих формах – относительной и эквивалентной. С точки зрения товарной формы и один конкретный товар и другой одновременно являются носителями и

¹³⁵Горлянский В.А. проблема единства противоположностей в марксистско-ленинском учении о противоречии: Дисс... канд. филос. н. Горький, 1965. С.87.

эквивалентной и относительной форм стоимости. Реальный обмен происходит, и такое отождествление двух товаров как носителей обеих форм стоимости осуществляется. Но с точки зрения эмпирического обнаружения товарной формы обмен может и не произойти, и тут-то выясняется, что один товар находится в относительной форме стоимости, а другой – в эквивалентной. Такое обнаружение делает противоположности внешними друг другу. Товарная форма оказывается антиномией: противоположности одновременно и выступают и не выступают носителями относительной и эквивалентной форм стоимости. Антиномии разрешаются выталкиванием из мира товаров всеобщего товара – денег. Противоречие вроде бы предстает разрешенным в разных отношениях, так что один товар находится в относительной форме (он только потребительная стоимость), а другой, всеобщий – в эквивалентной (он только стоимость). На самом же деле, писал Ильенков, антиномия сохраняется, т.к. товар не только потребительная стоимость, но и стоимость, а деньги не только стоимость, но и потребительная стоимость. Все развитие логики «Капитала» представляется как углубление исходной антиномии потребительной стоимости и стоимости. Деньги, затем рабочая сила выступают опосредствующими звеньями в отношении потребительной стоимости и стоимости.¹³⁶

Философ, тем самым, глубоко вскрывал диалектику единства противоположностей. Два товара неразрывно взаимосвязаны. Каждый из них является товаром лишь постольку, поскольку существует другой товар. Однако Э.В. Ильенков неправомерно относил диалектическое противоречие к товарной форме, отражаемой понятием стоимости. Противоречива не товарная форма как таковая, противоречиво отношение реальных товаров. Если исходить из противоречивости товарной формы, то диалектика «Капитала» предстает все тем же противостояние тождества и различия, стоимости и потребительной стоимости. Отношение стоимости и потребительной стоимости, хотя и углубляется, но лишь количественно, как бы прямолинейно. Между тем диалектика «Капитала» является разноуровневой.¹³⁷ Переход к более глубокому уровню диалектики происходит при рассмотрении К. Марксом собственно капитала. Ильенков писал, что гегельянец пытался бы перейти к капиталу от имманентных противоречий исходного понятия, противоречий товарной формы. «Маркс делает как раз обратное: показывает, что товарно-денежное обращение – сколько бы оно внутри себя ни вращалось – не может создать своим движением условий, при которых деньги, брошенные в обращение,

¹³⁶См.:Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитала» К. Маркса. М.,1960. С.268-269.

¹³⁷Подробнее см.: Рудаков С.И. Диалектическое противоречие в методологии теории стоимости. Воронеж, 1992.

приносили бы с необходимостью новые деньги. В этом решающем пункте анализа мысль вновь обращается к эмпирии товарно-денежного рынка¹³⁸. Тем самым, философ отказывал в логичности переходу К. Маркса к рассмотрению капитала, логика как бы прерывается. Между тем, только последовательная логика заставляет исследователя искать на рынке товар, свойством которого было бы создание прибавочной стоимости. Дело в том, что переход к капиталу в логике Маркса означает одновременно и переход к противоречию в одном отношении.

Противоречие между двумя товарами (а Маркс рассматривает именно отношение двух реальных товаров, а не диалектику понятия стоимости) не является противоречием в одном отношении. Такое противоречие лишь зарождается. В сфере простого товарного обращения, как оно существует в современном Марксе обществе, товар есть реально потребительная стоимость, а деньги – стоимость. Товар и деньги не выступают в одинаковой мере полюсами социальной связи, товар должен доказать свою социальность. В тоже время в логике рассмотрения товара и денег, исторически соответствующей зарождению капиталистических отношений, намечается противоречие в одном отношении. Товар идеально есть стоимость, и потому намечается единое отношение социальности между двумя товарами, но только намечается. При переходе к капиталу происходит скачок в мысли Маркса. Акцент переносится с противоречия потребительной стоимости и стоимости на противоречие в самой стоимости. Противоречие в одном отношении – это самовозрастающая стоимость, капитал, выступающий конкретным тождеством двух своих сторон – постоянной и переменной. Чтобы обратиться к эмпирии, необходимо и логически осознать проблему самовозрастания стоимости. Стоимость должна предстать не просто одинаковыми, сходными товарами (и товаровладельцами), которые вступают в простое отношение обмена. Она должна выступить конкретным тождеством, единством постоянного и переменного капитала.

Но диалектическое противоречие и при рассмотрении капитала не сводится к противоречию в одном отношении. В нем присутствует и момент разных отношений. Капиталистическое отношение своими полюсами имеет пролетариат и буржуазию. Как постоянный и переменный капитал они образуют одно отношение, проявляющееся, прежде всего со стороны пролетариата. Как товаровладельцы, они составляют разные отношения: единство их уменьшается, различие возрастает, так как действительным товаровладельцем является капиталист. Момент разных отношений лежит поэтому на стороне капиталиста. Развитие классового капиталистического

¹³⁸Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного... С.217.

противостояние есть развитие конкретного тождества и ослабление абстрактного тождества.

Неявно момент противоречия в разных отношениях признавался и самим Э.В. Ильенковым, когда он фиксировал внешнюю противоположность относительной и эквивалентной форм стоимости и говорил, что капиталистическая форма обмена не может протекать гладко, без трений. Однако философ рассматривал не столько диалектику самих вещей, сколько вещи, как они отражаются в логике категорий. Он анализировал, поэтому не само отношение реальных товаров, а понятие стоимости, в котором отражается противоречие товарной формы, товара вообще. С точки зрения понятия стоимости соответствие и несоответствие, обмен и необмен реальных товаров – необходимые моменты товара как такового. Товар выступает антиномией тождества и различия.

Особенности ильенковской позиции проистекали из переоценки гегелевской диалектики. При этом различие между двумя основными ответвлениями рассматриваемого направления (П.В. Копнин, С.Б. Церетели, Г.С. Батищев, с одной стороны, и А.М. Минасян, Э.В. Ильенков, с другой) восходит некоторыми своими сторонами к различию в немецкой классической диалектике между Шеллингом и Гегелем. Оба великих мыслителя в отличие от Канта и в значительной степени от Фихте придали диалектике антиномий положительный характер. Тождество различного для них было истинным выражением сути бытия. Так, Шеллинг писал в «Системе трансцендентального идеализма»: «Изначальное противоречие в сущности самого Я нельзя снять, не сняв этим само Я; но оно не может и сохраняться само по себе. Сохранено оно может быть только посредством необходимости продолжаться, т.е. посредством возникающего из него стремления сохранить его и тем самым привнести в него тождество»¹³⁹. Однако при общем положительном подходе обоих классиков объективного идеализма к антиномичности противоречия между ними существовали и заметные методологические различия. Эти различия особенно выступают в толковании философами тождества духа и материи в своих системах.

Шеллинг ближе Гегеля был к дуализму Канта и Фихте. Духовное и природное у него, будучи тождественными в божественном абсолюте, всегда и различны. Богом изначально предопределяется их различие как материального и нематериального. Поэтому всякая конкретная форма проявления Абсолюта, содержа в себе особую телесную оболочку, единична и тождественна себе в этой единичности. Противоречивость такой тождественности, состоящая в том, что данная форма есть единство

¹³⁹Шеллинг Ф.В.Й. Соч.в двух тт. Т.1. М., 1987. С.277.

противоположностей, не устраняет самого факта ее тождественности, определенности. Соответственно и Бог Шеллинга, неся изначально в себе различие духа и материи, не есть абстрактная безличностная Идея. Он субъект, содержащий в себе свою реальную определенность. Формально-непротиворечиво данный, он одновременно по сути своей есть тождество противоположностей. Шеллинг ставил в прямую зависимость формальное и материальное: «Представим себе в качестве наивысшего какое-либо формальное положение, например $A=A$. Логический характер в нем носит лишь форма тождественности между A и A ; но откуда у меня само A ? Если A есть, то оно равно самому себе; но откуда оно? Ответ на этот вопрос может быть, без сомнения, дан исходя не из этого положения, а из чего-то более высокого. Анализ $A=A$ предполагает синтез A . следовательно, очевидно, что невозможно мыслить формальный принцип, не предполагая ему материальный, а также материальный, не предполагая ему формальный»¹⁴⁰. Формально тождественный себе предмет одновременно диалектически противоречив.

Гегель, углубив идеализм, придал антиномичности завершенную положительную форму. Полное тождество бытия и мышления – фундамент его философии. Материальный принцип поглощается формальным. Последний же в результате сам превращается в логический принцип противоречия, устраняющий формально-логическое $A=A$. В противоположность Шеллингу Гегель начинает не с натурфилософии, а с логики, в которой бытие как противоположность духа дано в качестве понятия бытия. Противоположность духа и природы в Абсолюте у Шеллинга сменяется противоположностью понятия бытия и чистого понятия у Гегеля. Формальная тождественность, связанная с материальной определенностью, была отброшена. Логика разума – это логика диалектическая, логика тождества различного. «Тождество есть прежде всего то же самое, что мы рассматривали раньше как бытие, но это – бытие как ставшее через снятие непосредственной определенности и, следовательно, бытие как идеальность»¹⁴¹, – констатирует Гегель. Бытие как идеальная тождественность есть одновременно различие, ибо хотя и в снятом виде присутствует момент бытия как материальности. Как проявления Идеи предметы тождественны и одновременно различны: в них содержится момент Идеи вообще и момент конкретного идеального содержания, проявляющегося в данном бытии. Шеллинг, оспаривая гегелевскую попытку поставить логику над натурфилософией, писал: «Эта осуществленная в конце «Логики» идея определена совершенно так же, как было определено

¹⁴⁰Шеллинг Ф.В.Й. Соч.в двух тт. Т.1. М., 1987. С.250.

¹⁴¹Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1974. С.271.

абсолютное в конце философии тождества, как субъект-объект, как единство мышления и бытия, идеального и реального и т.д. Однако в качестве осуществленной таким образом она уже находится на границе только логического. Следовательно, она либо вообще не может дальше продвигаться, либо может продвигаться лишь вне этой границы, совершенно оставив тем самым положение, которое она занимала еще в логической науке в качестве ее результата, и перейти в нелогический, более того, противоположный логическому мир. Это противоположный логическому мир есть природа; однако эта природа уже не априорная, ибо она должна была бы быть в логике. Между тем, по Гегелю, логика еще имеет природу полностью вне себя. Природа у него начинается там, где кончается логическое. Поэтому природа в его системе вообще только агония понятия»¹⁴². Шеллинг чутко зафиксировал непоследовательность логики Гегеля. Сведение диалектики противоречия к чистой идеальности тождества и различия обостряло проблему перехода от одного логического отношения к другому, от логики к природе. Известно замечание Энгельса о том, что многие переходы у Гегеля носят надуманный характер.¹⁴³

Как в немецкой классике, так и в советской философии, чем больше философия сводилась к логике, тем резче подчеркивалась несовместимость диалектики и формальной логики. Соответственно глубже разрабатывалась идея конкретного тождества, а заодно обострялась проблема разрешения противоречия. Как у Шеллинга присутствовала в Абсолюте реальная предметность, так и у П.В. Копнина и др. авторов анализ логики категорий велся таким образом, что хотя и в «снятом» виде, постоянно присутствовал момент самождественности реального предмета. Суть бытия предмета – в постоянном изменении, но именно данного предмета, так что нельзя сказать, утверждал П.В. Копнин, что предмет и противоречив и непротиворечив. У Э.В. Ильенкова же анализ становится еще более абстрактным. Исходным в «Капитале» он считал понятие стоимости. Реальность вещей окончательно поглощается логикой, которая как логика противоречия устраняет совсем формальную логику. Еще рельефнее это отличие выступило в 70-е гг.

§3.3 Расцвет советского «гегельянства».

О зрелости исследований противоречия как тождества противоположностей, заметно проявившейся в 70-е и начале 80-х гг., свидетельствовали попытки целостного пересмотра всей структуры философского знания с целью обоснования концепции противоречия в одном

¹⁴²Шеллинг Ф.В.Й. Соч.в двух тт. Т.II. М., 1989. С.512.

¹⁴³См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., Т.38. С. 176-177.

отношении. Данное направление достигло такого пика, за которым могли следовать лишь существенные трансформации в исследовательской программе. Наиболее крупными работами такого рода стали труды С.Б. Церетели, А.М. Минасяна, Э.В. Ильенкова.

Строя систему логики, С.Б. Церетели строил систему философии в целом. В своем фундаментальном труде он проводил мысль о существовании единой логической науки – диалектической логики. Формальная логика как низшая ступень логики является логикой конечного. Диалектическая логика отражает бесконечное. Поэтому формально-логическое рассматривается философом как односторонность диалектико-логического.

С.Б. Церетели разграничивал логические категории и категории логического. Если отрицание логической категории дает другую категорию, то при отрицании логического применяется оно же. Так, отрицание понятия есть понятие, отрицание тождества тождественно себе. Причем категории логического отражают не только сферу мысли, но и действительности, например категория тождества.

Диалектико-логическое предстает как синтез «снятых» формально-логических законов и законов отрицательной диалектики. Высшим законом логики является закон единства противоречия (или самополагания). Он «снимает», во-первых, закон невозможности противоречия: «По-нашему мнению, смысл положения о невозможности противоречия состоит в том, что стороны противоречия исключают друг друга, одна не может быть второй. Поэтому оно опирается на противоречие и не упраздняет его. Этот закон невозможен без использования категории противоречия»¹⁴⁴. Во-вторых, «снимается» закон необходимости противоречия. «Это не закон единства противоречащих (или противоположностей), являющийся законом положительной диалектики, а закон отрицательной диалектики, которая составляет момент положительной. Он выражает только то, что противоречащие стороны необходимы друг для друга (ничего другого в этом законе не подразумевается)»¹⁴⁵. Разъясняя основной закон логики, С.Б. Церетели писал: «Невозможность противоречия подчиняется противоречию, оно возможно как основание противоречия, а само противоречие возможно на основании единства, оно существует на его основании. Единство противоречия подчиняет себе противоречие и невозможность противоречия, как взаимоисключающие, а не наоборот, как это кажется некоторым (большинству логиков)»¹⁴⁶. Для сферы логического характерна абсолютность противоречия, поскольку невозможно его

¹⁴⁴Церетели С.Б. Диалектическая логика. Тбилиси. 1971. С. 21-22.

¹⁴⁵Там же. С.109.

¹⁴⁶Церетели С.Б. Диалектическая логика. Тбилиси. 1971. С. 127.

отрицание. Отрицание противоречия само полагает его. Абсолютность противоречия, по Церетели, означает абсолютность борьбы противоположностей.

Если противоречия и «невозможность противоречия» характерны для сферы конечного, то единство противоречия является бесконечным. Существование в предмете внутреннего противоречия, писал философ, есть существование бесконечного в конечном. Он отстаивал при этом идею противоречивости в одном отношении: «...Противоречие есть противоречие по отношению к себе – противоречие в одном и том же отношении (иначе оно и не может существовать). Если бы противоречие существовало только в разных отношениях, то не может же оно существовать вновь в разных отношениях (обратим внимание: речь идет о противоречии вообще, об абстракции «противоречие» – С.Р.). Противоречие в одном и том же отношении – противоречие самому себе (противоречие есть категория сущности, а сущность есть отношения бытия к самому себе) – является основанием противоречия в разных отношениях»¹⁴⁷.

Таким образом, в трактовке С.Б. Церетели всеобщий закон единства противоречия заключает в себе два противоположных момента: невозможность противоречия (формально-логический «снятый» момент) и наличие противоречия (момент отрицательной диалектики). Единство обоих моментов отражает движение противоречия в направлении его преодоления. Отрицание противоречия дает снова противоречие. Оно является своего рода вечным двигателем. Причем в той степени, в какой отношению противоположностей присущ момент невозможности противоречия, они, противоположности, образуют разные отношения. Но то лишь момент, полностью «снятый», подчиненный единству противоречащих сторон. Тем самым, С.Б. Церетели фактически признает, что момент разрешимости противоречия не связан с противоречием в одном отношении. Следовательно, сведение противоречия к одному отношению при таком подходе возможно потому, что, во-первых, противоречие рассматривается вообще, абстрактно, универсально, а не как связь вполне конкретных противоположностей. Во-вторых, такой анализ неизбежно отодвигает на второй план вопрос о разрешимости противоречия, акцентируя внимание не на результате, а на процессе движения. Соответственно «загоняется в угол» диалектическим снятием формальная логика. В то же время, поскольку логика противоречия у Церетели как логика бесконечного содержит в себе и саму конечность, в которой она разворачивается, формальная логика не игнорируется полностью. Она та же тень диалектики, каковой выступала у других советских «шеллингианцев».

¹⁴⁷Там же. С. 128.

Курсы диалектической логики, написанные С.Б. Церетели и другими философами в 70-е гг., подчеркивали различие «шеллингианско-гегельянской» школы и «лейбницеанства» деборинской школы в 20-е гг. У деборинцев диалектика толковалась на отдельных примерах. В этом проявлялись рецидивы плюралистического мышления. У С.Б. Церетели мы видим системное изложение диалектики. Идея конкретного тождества получила глубоко разработанную форму, что было следствием перехода к последовательному диалектико-логическому монизму.

Трехтомное изложение курса диалектического материализма с позиций совпадения диалектики, логики и теории познания осуществил другой патриарх советской диалектики А.М. Минасян. Он исходит из убеждения, что «предметом марксистской философии являются всеобщие законы развития природы, общества, мышления, или просто всеобщее в его логическом освоении, осмыслении как всеобщее в мышлении, в познании»¹⁴⁸. Автор потому исследует логику всеобщих категорий. Естествознание рассматривается им как эмпирическая стадия познания, на которой делаются частные обобщения.

Такой подход противоположен онтологическому направлению 30-50-х гг., сторонники которого считают, что философия как наука о всеобщих законах изучает непосредственно и саму объективную действительность и мышление. В то же время и то и другое толкования строятся на одной основе. А именно: сфера всеобщего, отражаемая философией, отрывается от сферы единичного, отражаемого частным знанием. Между тем, на наш взгляд, следует само естествознание рассматривать как систему, в которой отражаются всеобщие законы действительности, ибо всеобщее не существует вне своих конкретных единичных форм. Такое всеобщее схватывается целостной системой конкретного знания. На долю ж философии действительно остается только мышление, но она является не наукой о всеобщем как таковом, а о том, что цепь человеческих знаний образует целостность. Такое понимание, как представляется, принадлежит будущему, когда сотрутся существенные различия в труде.

Как бы там не было, трактовка философии как науки о мышлении и о всеобщем как таковом в свою очередь ведет к универсальной (в конечном счете неизменной, одинаковой, завершенной) модели диалектического противоречия. Противоречие сводится, говоря гегелевским языком, к бесконечному в-себе-и-для-себя единству противоположностей: отождествлению различного и различению тождественного.

¹⁴⁸Минасян А.М. Диалектический материализм. Ростов-н-Д, 1972. С.40.

По мнению А.М. Минасяна, диалектическая логика в отличие от формальной имеет дело с конкретным тождеством. Конкретное же тождество всегда выступает противоположными сторонами, оно неразрывно связано с различием. Чтобы не создавалось представление о единстве как абстрактном тождестве, подчеркивал Минасян, правильнее называть основной закон диалектики единством противоположностей. Единство противоположностей есть противоречивое отношение тождества и различия. А.М. Минасян подчеркивает: «Тождество противоположностей, как видим, включает в себе отношение противоположностей. Оно есть отношение тождества к своему различию в себе, различия к своему тождеству так же в себе. Это отношение есть противоречие»¹⁴⁹.

Усиливая акцент на процессуальности развития, А.М. Минасян подчеркивал изменяющийся характер самого изменения единства противоположностей. Эволюция противоречия связана с постепенным преобладанием различия над тождеством. На первом этапе господствует тождество. Противоречие находится в зародыше, оно незаметно. Различие, хотя и существует на этом уровне, не играет главной роли, оно лишь обуславливает господство тождества. На втором этапе противоположности меняются местами, господствующее положение занимает различие. Третий этап – практическое разрешение противоречия и переход явления в противоположность.¹⁵⁰

Тем самым, согласно позиции А.М. Минасяна недостаточно сказать, что данный предмет изменяется (с этим связано отстаивание противоречия в одном и в разных отношениях), и что данный предмет изменяется (отстаивается противоречие в одном отношении и формально-логически непротиворечивое отражение его в мышлении). Изменяется самое изменение данного предмета, так что различие начинает преобладать над тождеством и постепенно приводит к гибели предмета и превращению его в свою противоположность. Изменение предмета означает, что о нем, как таковом, как о данном предмете невозможно вести речь. Он постоянно другой, и чтобы выразить его сущность, надо проследить ступени его существования. Данный предмет изменяется. То есть факт данности предмета не просто состоит в изменении его, а в том, что сама данность предмета есть как бы неданность его. Поэтому и отражаться противоречие должно не так, как этого требует формальная логика. В таком подходе важна чрезвычайно плодотворная мысль рассматривать движение противоречия как усложняющуюся смену его форм, причем форм противоположных, как спиралевидное восхождение от абстрактного к конкретному.

¹⁴⁹Минасян А.М. Диалектический материализм. С.194.

¹⁵⁰См.:там же, С. 213.

Однако все более последовательное выявление противоречивого механизма развития отчетливее обнаружило и трудности интерпретации противоречия с позицией полного тождества диалектики, логики и теории познания и несовместимости диалектической логики и формальной. Все актуальнее становится проблема разрешения противоречия и перехода от одного противоречивого явления к другому. Вот как толковал А.М. Минасян положение об абсолютности борьбы противоположностей: «Во-первых, новое явление возникает как результат «борьбы» противоречий и иначе возникать не может; во-вторых, «борьба» между противоположностями выступает как внешний источник развития явления, которое немислимо без нее; в-третьих, «борьба» противоположностей рано или поздно постепенно в определенных условиях ломает, преодолевает их единство – их взаимоисключение берет верх над взаимопроникновением, – что ведет к коренному качественному изменению данного явления и возникновению нового; в-четвертых, разрешение противоречия означает, что обе противоположности одновременно погибают, изменяются коренным образом, поскольку процесс его разрешения и есть скачок, переход в новое; и наконец, в-пятых, противоположности взаимопревращаются, причем их взаимопревращение следует рассматривать в двух аспектах: внутри данного единства и во время скачка, при переходе к новому единству»¹⁵¹.

Мы уже отмечали выше, что если исходить из конкретного тождества, то невозможно объяснить переход от одного конкретного тождества к другому. Тождество как различие одной основы не может уменьшаться и вести к увеличению различия и разрешению противоречия. Тождество и различие в аспекте конкретности суть одна неразрывная связь двух противоположностей. Следовательно, если А.М. Минасян утверждает о том, что борьба берет верх над единством, то понимание конкретного тождества не совсем конкретно, т.е. не свободно от понимания единства как простого сходства и одинаковости. Последнее обстоятельство действительно проявляется в концепции А.М. Минасяна, когда он объясняет суть противоречия в одном отношении и преобладание в нем одной из противоположностей. Цитируя слова раннего Маркса о том, что свойство быть крайностью лежит в сущности одной из противоположностей и истолковывая их, А.М. Минасян пишет: «Одна из них (противоположностей – С.Р.) господствует над другой. Господствующая и подчиненная противоположности совпадают в том, что подчиненная должна быть подчиненной, чтобы могла господствовать господствующая, чтобы могла быть подчиненной подчиненная. Таким образом, господство есть в одном и том же отношении подчинение, а последнее – господство. Следовательно,

¹⁵¹Минасян А.М. Диалектический материализм. С. 216-217.

сущность одна, едина, есть одно и то же отношение, имеющее две стороны с противоположными тенденциями, в котором сторона снимает себя в господствующей является ее моментом, формой ее движения, способом ее господства»¹⁵². В такой трактовке обращает на себя внимание факт неравноправности отношения самих противоположностей (одна из них преобладает) и отношения господства и подчинения, отражаемых соответствующими категориями, и образующих неразрывную связь (так что одно не может существовать без другого и преобладать над другим). Одна противоположность преобладает над другой, но отношение господства не может преобладать над отношением подчинения – они две стороны одного отношения. Автор приводит пример диалектики потребительной стоимости и стоимости. Оба полюса неразрывно связаны, но определяющей противоположностью является стоимость. В данном случае опять-таки присутствует аспект непосредственной связи предметов (один товар как потребительная стоимость, а другой как стоимость) и аспект связи потребительной стоимости и стоимости как категорий, отражающих определенный стороны обмена, а именно стороны общественного единства всех товаров и данности этого единства в различных непосредственных оболочках.

В концепции А.М. Минасяна оба аспекта существуют слитно. Поэтому он одновременно утверждает и о преобладании одной из противоположностей, и о том, что при разрешении противоречия погибают обе противоположности.

Такое понимание противоречия как конкретного тождества не свободно от момента абстрактности потому, что оно само фактически основывается на понимании противоречия как расхождения сторон. Но в отличие от исследований противоречия преимущественно как борьбы основное внимание обращается не на сам факт расхождения, а на взаимозависимость и взаимопроникновение их. При этом реальные противоположности представляются расходящимися, но само их соотношение как связь преобладания и различия, отражаемая в категориях, является столь же расхождением, сколь и сосуществованием. Процессуальная сторона развития настолько подчеркивается, что само расхождение (реальных противоположностей) грозит стать бесконечным. Но тем легче на уровне категорий отрицать саму отрицательность противоположностей.

В связи с этим интересен вывод, к которому пришел в начале 70-х гг. Э.В. Ильенков. Он сформулировал важное для его концепции положение о том, что язык не является единственной формой обнаружения мышления:

¹⁵²Минасян А.М. Диалектический материализм. С.197.

«Между тем язык (речь) не единственная эмпирически наблюдаемая форма, в которой проявляет себя человеческое мышление. Разве в поступках человека, в ходе реального формирования окружающего мира, в делании вещей человек не обнаруживает себя как мыслящее существо?»¹⁵³. Отсюда напрашивался вывод о том, что формальная логика имеет дело не только с языковой формой мышления (как писал Э.В. Ильенков в 1957 г.), а с предметной формой мышления вообще. В данном пункте исследований противоречий направление «гегельянцев» достигает вершины, приходя к совершенно противоположным выводам в сравнении с 30-50 годами. Авторы, отстаивавшие подход к противоречию как к борьбе противоположностей, развивали понимание, согласно которому диалектически противоречивая действительность отражается формально-логически непротиворечивым мышлением. Э.В. Ильенков же фактически подошел к выводу, что предметность сама по себе как раз формально-логична в противоположность диалектической сознательной деятельности субъекта, в основе которой лежит закон противоречия. Очевидно, что отрицание специфики мышления (и критика подходы И.С. Нарского) само несет в себе момент гиперболизации такой специфики. Диалектичность мышления противопоставляется ограниченности предметной формы. Правда, из того факта, что целенаправленная деятельность субъекта не затухает и ограниченность предметной формы постоянно снимаются, Э.В. Ильенков делал вывод о неразрывности самого процесса мышления и его предметной формы, и само противоречие в одном отношении представляется поэтому как постоянный процесс преодоления и движения к новым противоречиям. Но ведь ясно и то, что мышление есть отражение бытия, и, следовательно, из ограниченности предметной формы мышления может вытекать лишь ограниченность самого мышления. Из этого же следует необходимость различать (разграничивать) анализ самих реальных противоположностей и анализ логического строя мышления, отражающего реальные противоречия.

Тождество бытия и сознания как методологическая основа концепции противоречия в одном отношении ведет к абсолютизации антиномичности. Антиномичность сознания рассматривается не как его свойство огрубления действительности в процессе отражения, а напротив, как образ объективной противоречивости. То, что лишь намечалось в концепции И.С. Нарского и разворачивалось в концепции З.М. Оруджева, получает завершенное развитие у сторонников концепции противоречия в одном отношении.

Из положения о тождестве бытия и сознания прямо вытекает утверждение антиномичности мышления. Ведь если бытие противоречиво и при этом тождественно сознанию, то последнее также является

¹⁵³Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. М., 1974. С.127.

противоречивым по своей сути. Противоречие, следовательно, является всеобщим законом действительности. Антиномичность в бытии и мышлении постоянно преодолевается, но лишь затем, чтобы возникнуть заново.

Противоположности суть одно, они образуют единое антиномичное явление. Но при этом противоположности непримиримы и противоречие, в конечном счете, разрешается. Поэтому антиномична сама антиномичность явления: противоречие как объективная антиномия существует (противоположности образуют одно отношение), и в то же время оно должно перестать существовать, когда различие сторон возьмет верх над их тождеством. Антиномия, таким образом, и есть и не есть.

Если в позиции И.С. Нарского антиномичность признается в одном отношении (в познающем мышлении), а отрицается в другом (в объективной действительности, где противоположности существуют в разных отношениях), то в рассматриваемой позиции антиномичность возводится в квадрат: она в одном отношении и признается и отрицается. Вследствие этого обостряется проблема разрешения противоречия. Ведь если различие противоположностей есть само их тождество, то, как возможно преобладание различия над тождеством?

В той степени, в какой антиномичность «не есть» (этот момент связан с разрешением противоречия), в данную позицию также привносится негативное отношение к противоречию. Положение не спасает указание на то, что в результате разрешения противоречия возникает новое противоречие. Такое указание абстрактно и поверхностно. Поверхностно и утверждение о неизменности отношения тождества и различия. Диалектика тождества и различия оказывается одинаковой (абстрактно тождественной) для различных фрагментов материальной действительности.

Глубинным основанием концепции противоречия в одном отношении является специфическое понимание тождества бытия и сознания. Тождество бытия и сознания в рамках предлагаемой трактовки философии как науки о мышлении претендует на то, чтобы быть единством противоположностей. На самом же деле действительного единства не оказывается, т.к. бытие взято не непосредственно, как конкретно-историческая действительность, а лишь как абстракция бытия, как момент его иносуществования в стихии мыслительных категорий. Мышление в результате замыкается на себя и стремится выработать единый, универсальный принцип единства противоположностей.

В применении к социальной практике такая методология ведет к абсолютизации антиномичности современного состояния. Всячески подчеркивается процесс совершенствования, диалектической пульсации

социалистического общества. Так, А.М. Минасян писал, что если в антагонистическом обществе соответствие противоположностей сменяется несоответствием, то в социалистическом обществе соответствие непрерывно совершенствуется. Так как средства производства принадлежат всем членам общества, и они заинтересованы в их развитии, то «их производственные отношения должны соответствовать производительным силам непрерывно»¹⁵⁴. Но постоянное соответствие, писал философ, не означает, что при капитализме абсолютна борьба, а при социализме – единство противоположностей. И при социализме противоречия проходят этапы тождества, различия и разрешения. Но при социализме неантагонистические противоречия не принимают форму грубых резких столкновений классов, они своевременно разрешаются без доведения до конфликта. Что касается стирания различий между такими противоположностями, как город и деревня, умственный и физический труд, то эти противоположности достались социализму от предшествующей истории и находятся на третьем этапе развития противоречия, когда оно разрешается.

В исследованиях противоречия как единства противоположностей содержится глубокая мысль об антагонизме как неразвитом тождестве противоположностей (Б.М. Кедров, В.А. Босенко, Г.С. Батищев). В свою очередь А.М. Минасян подчеркивает усложняющийся характер тождества противоположностей при социализме. В неантагонистическом противоречии соответствие непрерывно совершенствуется. Другими словами, неантагонистическое противоречие – такое отношение противоположностей, в котором отчетливо проступает неразрывное единство тождества и различия противоположностей, и как таковое, оно безгранично в своем развитии. Социализм предстает поэтому процессом развития и совершенствования¹⁵⁵.

Высказываемые нами мысли о конкретном тождестве нуждаются в доказательстве посредством системного, целостного раскрытия диалектики социалистических отношений, что в настоящее время невозможно в силу открытого отката общества на досоциалистические позиции. Без конкретного рассмотрения диалектики социалистических материальных отношений положение об изменении диалектики противоположностей носит лишь гипотетический характер, но оно ориентирует не на простое наложение метода «Науки логики» или метода «Капитала» на современную действительность, а на то, что неантагонистической действительности присущ иной «логический» механизм материальных отношений, иная

¹⁵⁴Минасян А.М. Диалектический материализм. С.223.

¹⁵⁵Близкую к минасяновской позицию развивал И.А. Мороз, чья монография «Диалектика развития социализма. Проблема диалектических противоположностей. (Киев, 1978)» свидетельствовала о зрелом уровне данного направления, перешедшего к вопросам социальной диалектики.

«логика» материальной связи людей. Подход же к диалектическому противоречию с позиций универсального взаимодействия тождества и различия и анализ социальной действительности как постоянно совершенствующейся через достижение новых уровней соответствия, связан с опасностью интерпретации социализма как бесконечно совершенствующегося и развивающегося процесса, который непонятно как должен перейти в новое состояние. Само совершенствование грозит оказаться «задушенным» в объятиях двух неразрывных логических героев – «тождества» и «различия».

Таким образом, трактовка противоречия в одном отношении и рассмотрение преимущественно процессуальной стороны развития, является другой стороной понимания противоречия как внешнего расхождения противоположностей. В той степени, в какой механизм связи сторон рассматривается как отношение категорий тождества и различия, противоположности предстают взаимопроникающими, неразрывными. Но как только на первый план выходит реальность противоположностей, они опять-таки оказываются расходящимися, так что развитие противоречия связано с переходом определяющей роли от тождества к различию. Но так как второй аспект целиком подчинен первому в данном подходе, то для исследователей, развивающих его, трудна проблема разрешения противоречия.

Как в свое время деборинская школа была возвращена социальной почвой НЭПа, так и ильенковская школа предвосхитила перестройку, принесшую с собой диалектический плюрализм в экономике и политике. Совсем неслучайно А.М. Минасян свою последнюю книгу «До каких пор? (Логика «Капитала» К. Маркса и современное обществознание)» посвятил XIX партконференции КПСС.

Вступление советского общества в эволюционную фазу развития, когда определенные основы системы уже заложены, требовало отрицания одномерной логики «или-или», разделивший общество на «своих» и «врагов». Жизнь показала, что строительство социализма – процесс намного более сложный, что он далеко не завершен с устранением врагов, действительных и мнимых. Переход к рыночной экономике требует соединения на практике противоположностей: общественного и частного, планового и товарного и т.д. Здесь-то государственное мышление и выходит на уровень тождества противоположностей, о чем философы (да, кстати, и политэкономы-товарники) писали еще лет тридцать назад. При этом отступления назад в ходе перестройки, возвращение к старому на новом уровне объективно обуславливают новую методологическую пружину – отрицание отрицания. Но так же, как философы-диалектики, отрица

плоскую логику «или-или», увлекались (и неслучайно) другой крайностью – процессом развития, оставляя в тени его результат, так и политики перестройки, направляя антиномичность нынешнего общества, делают акцент именно на сам процесс движения так, что конечные цели становятся аморфными. Объективно требуемое жизнью сочетание противоположностей своим рецидивом имеет их примирение. На этой почве начинают с необходимостью паразитировать (и в экономике, и в политике, и в духовной жизни) откровенно несоциалистические явления. В философии это ведет в итоге к разложению диалектической школы и появлению «вульгарной» диалектики, в том числе и такой, для которой не существует самой проблемы качественного своеобразия марксистской диалектики. На практике же к власти приходят силы, ориентированные не на социализм, а в лучшем случае на некое идеальное гражданское общество. Как «гегельянская» школа закономерно пришла к своему разложению, как наполеоновский бонапартизм привел общество закономерно к Реставрации, так и период советского «гегельянства» и советского бонапартизма времен горбачевской перестройки сменился с августом 1991 г. открытой реставрацией дооктябрьских порядков. То, что Реставрации нежизнеспособны, что такое «реформирование» не может осуществляться, не нарядившись ныне в одежды социальной справедливости, – все это предмет другого рассмотрения.

§3.4 Разложение «гегельянской» школы. «Старо-» и «младогегельянцы» советской философии.

Многотрудная и плодотворная эволюция ильенковского направления в конце 70-х гг. отчетливо обнажила ключевую трудность концепции: противоположности суть одно тождество, которое, тем не менее, должно разрешиться разрывом. Как возможно такое? За этим вопросом стоял более глубокий – о соотношении диалектической логики и формальной. Одним из положительных результатов дискуссии 1979 г. было как раз то, что она отчетливо обнаружила необходимость углубить вопрос о соотношении конкретного тождества и разрешения противоречия, диалектической логики и формальной. Участвовавшие в дискуссии В.А. Лекторский и В.И. Метлов прямо говорили о разрешении противоречия как наиболее актуальной задаче в теории противоречия.¹⁵⁶

В ходе дискуссии Э.В. Ильенков пришел к выводу, который стал последним рубежом советских «гегельянцев». Он писал: «Гегель этим (утверждением, что отсутствие противоречия есть критерий заблуждения – С.Р.) вовсе не зачеркивает старую формальную логику с ее требованиями. Он

¹⁵⁶Диалектическое противоречие. С.127.

«снимает» ее в составе более глубокого и серьезного понимания. В частности, он видит «рациональное зерно» так называемого запрета противоречия в том, что противоречие как таковым дело не кончается, ибо «противоречие» следует понимать вместе с его разрешением». Как видим, на долю формальной логики отводится ни много ни мало разрешение противоречия. Правда, философ далее толкует разрешение противоречия как взаимопревращение противоположностей друг в друга, и формальная логика оказывается лишь тенью диалектической. Э.В. Ильенков сравнивал диалектическую и формальную логику, как розу и фикус. Однако как бы там ни было «слово сказано». Обнаружилось, что позиция полного сведения логики только к диалектической логике зависит от своего иного – от логики формальной. Стоит убрать эту подпорку своего иного и разрушится все неприступное и гордое здание диалектической логики.

Здесь-то и пролегла граница, за которой начинался обратный процесс отхода от методологии полного тождества диалектики, логики и теории познания – процесс в некотором смысле аналогичный разложению гегелевской школы в Германии в 30-40-е гг. XIX века. В рассматриваемом направлении выявились свои правые и левые «гегельянцы». Одни (С.И. Мареев, Е.Н. Режабек, А.А. Хамидов и др.) попытались под видом устранения противоречия по сути законсервировать его, сделав формальную логику вечно своим иным диалектической логики, от которого она, постоянно удаляясь, никогда не может, тем не менее, уйти. Другие (В.Н. Порус, А.И. Шептулин, З.В. Бородкин, а еще раньше А.А. Зиновьев) пошли по пути превращения формальной логики из своего иного диалектической логики просто в иную логику, соседствующую с диалектической. Это сочетание стало приобретать какофонические тона, так что не всегда ясно было, где заканчивается область формальной логики, и где начинается область диалектической.

Рассмотрим сначала идеи тех последователей Э.В. Ильенкова, которые старались примирить появившиеся в его системе противоречия. С.Н. Мареев попытался формально-логическую подпорку диалектической логики как ее иное превратить в такое основание, которое существует лишь для того, чтобы перестать нести само здание логики.

С.Н. Мареев в отличие от Э.В. Ильенкова не считает факт «снятия» формальной логики логикой диалектической в достаточной степени объясненным современной наукой. Он пишет: «Каким образом мышление в процессе своего исторического развития связывает себя «формальной дисциплиной» – этот вопрос остается до сих пор совершенно нерешенным. С уверенностью можно сказать только то, что это образование более позднее,

чем само мышление в какой бы то ни было форме»¹⁵⁷. Пытаясь найти решение проблемы, С.Н. Мареев по-своему толкует тождество бытия и мышления. Всякое тождество имеет нечто «третье» как эталон равенства членов, образующих отношение. Причем это «третье» должно отличаться от самих сторон существенного отношения. «Применительно к тождеству бытия и мышления это означает то, что «третье» должно отличаться от бытия и от мышления. Но оно вместе с тем должно быть на стороне мышления, поскольку акт «сравнения» формы мысли с формой бытия осуществляет субъект мышления. Стало быть, бытие должно заключать в себе нечто такое – причем не по содержанию, а по форме, что мышлением, формой мышления не является. Это и есть «парадокс», который не хочет заметить «прежняя метафизика»¹⁵⁸.

«Третьим» в отношении бытия и мышления являются формальные (формально-логические) условия познания. Тождество бытия и мышления при этом предстает процессом развития мысли от абстрактного к конкретному и проникновения в сущность предмета. Мышление не возникает, если нет тождества мышления и бытия, пишет философ, но оно не возникает также, если таковое имеется. Такое тождество представляется автору процессом, в котором мышление «перерабатывает» представление в понятие. С.Н. Мареев пишет: «Мышление постоянно «трансцендирует», выходит за рамки обычного представления, внедряется в процесс и «высвечивает» его изнутри наружу. Именно такая логика и явилась прообразом диалектической логики. Поэтому последняя находится не где-то рядом с прежней «общей» логикой, а она есть переход от формальных определений к определениям содержательным, от представления к понятию. Диалектика поэтому сохраняет в себе формальные рассудочные категории как свое собственное условие (подчеркнуто мной – С.Р.)»¹⁵⁹. Критикуя И.С. Нарского, автор сам признает специфику теории познания в отличие от теории бытия, но считает, что подлинная диалектика есть именно логика противоречия. Суть в том, что хотя формальные определения мышления и имеют основу в бытии (предмет как таковой подчиняется формуле $A=A$), в процессе движения познающей мысли они преодолеваются, и мышление постигает диалектическое содержание. В самом же бытии формальные определения (под которыми автор, на наш взгляд, имеет в виду единичные формы в противоположность содержанию процесса в целом) являются отчужденным существованием содержания. С.Н. Мареев пишет: «Все дело,

¹⁵⁷Мареев С.Н. Диалектика формального и содержательного в познании // Проблемы материалистической диалектики как теории познания. Очерки теории и истории. М., 1973. С.148.

¹⁵⁸Там же. С.174.

¹⁵⁹Проблемы материалистической диалектики... С.176-177.

оказывается, заключается в том, что в мышлении формальные определения являются условием постижения содержания, тогда как в бытии, «на самом деле», они суть формы проявления содержания, отчужденные условия его существования»¹⁶⁰.

Тот или иной единичный предмет в своей непосредственности способен породить иллюзию неизменности, самотождественности. Но более глубокая логика заключается в постоянном прохождении существующих конечных форм. В результате автор утверждает о формально-логическом законе $A=A$ как о своем ином диалектического закона противоречия ($A=\text{не-}A$): «Но диалектика также не может стать диалектической логикой, если она не распространит принцип совпадения противоположностей формального и содержательного, формами выражения которых являются соответственно $A=A$ и $A=\text{не-}A$, если она не поймет формальное, формализм как свое собственное «иное», как свою собственную противоположность. Вместе с теоретической непоследовательностью, которую она обнаружила бы при этом, утверждая, с одной стороны, всеобщность и необходимость закона единства и «борьбы» противоположностей, а с другой – не распространяя этот закон на противоположности формального и содержательного, она упускала бы из виду весь многозначительный и существенный фрагмент истории мысли»¹⁶¹.

Таким образом, в отличие от Э.В. Ильенкова, считавшего, что диалектическая логика «сняла» своим содержанием формальную логику, С.Н. Мареев фактически утверждает принципиальную невозможность завершения такого снятия. Формальная логика неизбежно остается своим иным логики диалектической. Но в то же время в отличие от Г.С. Батищева, С.Н. Мареев рассматривает отношение диалектической и формальной логики как процесс, в котором развитие диалектической логики ведет ко все большему «снятию» ею логики формальной, имеющей дело с формальными определениями не только языка, но и самой действительности. Как всякое противоречие есть процесс изменения соотношения тождества и различия противоположностей, так и диалектическая логика выступает процессом борения со своим иным. Но с другой стороны, это борение никогда не достигнет последнего рубежа, где бы это формальное свое иное перестало существовать. Так как противоречие универсально, то и диалектическая логика не может не иметь своей противоположности. Полное «снятие» диалектикой формальной логики выступает своего рода приближающимся, но недостижимым пределом. Соответственно этому противоречие в одном отношении есть бесконечное движение единства противоположностей,

¹⁶⁰Там же. С.173.

¹⁶¹Там же. С.183.

которое содержит в себе свое иное: прерыв одного единства (одного конечного) и переход к другому. Следовательно, если этот процесс взаимоотрицания противоположностей бесконечен, то бесконечна и его прерывность. Если Э.В. Ильенков лишь намечал соединение рационального содержания формальной логики с моментом разрешения противоречия, акцентируя главное внимание на взаимопорождении противоположностями друг друга, то С.Н. Мареев, по сути, разграничивает взаимопроникновение противоположностей и разрешимость противоречия. Диалектическая логика поэтому рассматривается в единстве со своим иным – формальной логикой.

Но тем самым в самой стихии «гегельянского» направления обнажается «червоточина»: если выдающийся советский диалектик Э.В. Ильенков подчеркивал необходимость объяснять разрешение противоречия из самого тождества противоположностей, хотя и не мог решить всех возникающих здесь трудностей, то С.Н. Мареев, поверхностно устраняя трудность Ильенкова, допускает отход от диалектических достижений последнего. Разрешение противоречия, когда доминирует различие, оказывается все тем же пресловутым отдалением противоположностей друг от друга, против которого воевали ильенковцы. Тем самым, тождество противоположностей теперь содержит в себе момент различия, который и обусловлен самим тождеством (что всегда подчеркивал Э.В. Ильенков), и не обусловлен им. В результате – псевдорешение проблемы: вместо объяснения разрешения противоречия как развития неразрывного тождества противоположностей дается по сути вариант, в котором соединяется то и другое (тождество и разрыв единства противоположностей) как хотя и неразрывные, но различные аспекты противоречия. Противоречие предстает вечной положительной антиномией, единственной отрицательной песчинкой в которой является его оединичность и потому вынужденность перехода к другой оединичности. Хотя в такой трактовке вроде делается шаг вперед в сравнении с Ильенковым в вопросе о разрешении противоречия, на самом деле происходит гипертрофирование процессуальной стороны противоречия, для которой результат не является реальным стимулом. А значит, и сама процессуальность берется поверхностно, если она лишь рядоположена со своим разрешением. В основе такого подхода лежит увлечение в наследии Э.В. Ильенкова не его методом, требующим понять все как развивающуюся целостность, а системой, в которой тождество бытия и мышления в итоге замыкается все-таки на мышление и потому абсолютизируется сама идея противоречивости, но не реальная изменяющаяся противоречивость.

Применительно к социальной диалектике такой подход формулирует понимание антагонизма как неразвитой связи. А неантагонистического противоречия социализма как такого отношения, в развитии которого

заинтересованы все субъекты. Так, А.А. Хамидов писал, что антагонизм является внешним противоречием, ибо ему не свойственно взаимопроникновение противоположностей. Подлинно диалектическое противоречие есть отношение не между предметами, а отношение предмета к самому себе. В антагонистическом обществе таким внутренним противоречием является не отношение между классами, а отношение между производительными силами и производственными отношениями. В буржуазном обществе класс капиталистов выступает вторичной фигурой процесса, не являясь самостоятельным полюсом отношения. «Активность капиталиста, – писал А.А. Хамидов, – задана отчуждающимся трудом рабочего, вырастает из него, и потому можно сказать, что капиталист сам по себе не производит и не воспроизводит по существу. Иное дело – первичная фигура: рабочий сам постоянно производит капитал, т.е. чуждую ему и господствующую над ним силу, а стало быть, производит и воспроизводит функции, выполняемые капиталистом как персонификацией капитала. Он производит тем самым капиталиста»¹⁶².

А.А. Хамидов поддерживает идею ленинградских философов о необходимости разграничения движущих сил и источников развития, но относит такое разграничение ко всей человеческой истории. Классовая борьба, хотя и является движущей силой развития, но не является источником развития. Таковым источником выступает противоречие производительных сил и производственных отношений. Источник развития действует через движущую силу. Революционный класс стремится разрешить противоречие между производительными силами и производственными отношениями, а консервативный, наоборот, парализовать, отодвинуть его.

Таким образом, хотя противоположности (пролетариат и буржуазия) существуют лишь во взаимосвязи, активность присуща лишь пролетариату, который создает себя и свою противоположность. При этом разрешение противоречия (в частности, противоречия пролетариата и буржуазии) означает гибель обеих противоположностей в синтезе. Такой подход исходит из единства, взаимопроникновения противоположностей. И, тем не менее, именно единство антагонистических сторон в данном случае недооценивается. Определение буржуазного класса как вторичной и полностью негативной фигуры отношения недооценивает позитивную роль буржуазии в развитии капиталистического производства, преувеличивая роль пролетариата и в целом упрощая диалектику классового буржуазного антагонизма.

¹⁶²Хамидов А.А. Категория диалектического противоречия и понятие антагонизма //Принцип противоречия в социальном познании, 1982. С.81-82.

Как следствие, А.А. Хамидов переоценивает социальные отношения в социалистическом обществе. По его мнению, «рабочий класс и крестьянство социалистического общества, собственно говоря, не подпадают под тот аспект определения классов, данного классиками марксизма, где говорится об эксплуатации»¹⁶³. Деления на первичные и вторичные фигуры в социальных отношениях социалистического общества нет. На одном полюсе социалистического общества – народ (рабочие, крестьяне и интеллигенция). На другом – система наделенных самостоятельностью социальных институтов (государство, право, и т.д.). «Но в отличие от классово-антагонистического общества, где эти институты регулируют общественные отношения с позиций господствующего класса, социальные институты социалистического общества регулируют социалистические общественные отношения с позиций всеобщего интереса, т.е. с позиций тенденций и перспектив коммунистического преобразования действительности»¹⁶⁴. Автор преувеличивает здесь социальную однородность социалистического общества. Такая позиция в своем логическом развитии, на наш взгляд, ведет к преувеличению процессуальной стороны совершенствования социалистических общественных отношений. Сам же результат диалектического изменения общества отодвигается на второй план, ибо уже в настоящем господствует всеобщий интерес. Связывая антагонистическое противоречие только с первичной фигурой и исходя из универсальной структуры противоречия, А.А. Хамидов оставляет без раскрытия вопрос о том, как изменится сама диалектика взаимопорождения противоположностями друг друга в неантагонистическом обществе. Механизм неантагонистического противоречия фактически тот же, что и в антагонизме, только теперь нет деления на первичные и вторичные фигуры в отношении.

Данная методологическая позиция в условиях перестройки имеет своим практическим эквивалентом позицию перехода к такому рынку, где бы исключалась частная собственность, наемный труд и эксплуатация, но где бы, тем не менее, широко развитый рынок, опирающийся, в том числе и на акционирование общественной собственности, был бы тем внутренним механизмом, который всех субъектов сделал бы одинаково первичными. Представляется, что подобную позицию занимает Р.И. Косолапов, известный и своей симпатией к философии Э.В. Ильенкова, и своей позицией отрицания антагонизмов в известной дискуссии начала 80-х гг.¹⁶⁵, и нынешней политической деятельностью одного из организаторов движения Коммунистической инициативы.

¹⁶³Принцип противоречия в социальном познании. С.132.

¹⁶⁴Там же.

¹⁶⁵См.: Косолапов Р.И. Социализм и противоречия // Правда, 1984, 20 июля.

Такая крайняя позиция товарников, которые хотели бы одновременно и товар отстаивать, и социалистическую непорочность соблюсти, теоретически иллюзорна, потому что любое расширение товарного производства, даже и в коллективных формах, должно давать частнособственнические рецидивы. Так, работающий на заводе владелец акций своего предприятия не совсем неантагонистически противостоит другому такому же рабочему. На практике такая иллюзия питается заинтересованностью в консервации существующих отношений субъектов особых государственных сфер влияния (например, оборонная промышленность). Преувеличение неантагонистичности противоречий в советском обществе исходит из благих намерений. На самом же деле оно фактически приукрашает действительность. Равно как выход из тупика проблемы противоречивости тождества, предлагаемый С.Н. Мареевым, по сути, создает видимость решения.

Другим направлением существенных трансформаций ильенковской школы стало критическое отношение к стихии абстрактного логического анализа. Происходила реабилитация формальной логики, акценты переносились с вневременного соотношения тождества и различия на реальные противоположности. Это было неудивительно. Ключевая проблема, вставшая все больше с развитием исследований противоречия с позиций тождества диалектики, логики и теории познания – проблема согласования тождества противоположностей с их конечной несовместимостью, – требовала усиления внимания к динамике реальных противоположностей. Метод требовал выхода за рамки абсолютной логики-системы.

Уже с середины 50-х гг. стали появляться работы, являвшиеся фактически самокритикой «гегелевского» направления в советской философии. Их авторами были такие философы как А.А. Зиновьев, А.А. Шептулин и др. Еще в 1954 г. в своей кандидатской диссертации А.А. Зиновьев писал: «В этом отношении (имеется в виду реальное диалектическое отношение предметов – С.Р.) диалектик должен выявить взаимоисключающие и взаимопредполагающие стороны каждого из предметов, – различные стороны, а не мистическое «и да и нет»¹⁶⁶. Для Зиновьева стоимость и потребительная стоимость есть не два полюса понятия стоимости, а реальные противоположности реального товара, так что нельзя рассматривать стоимость и потребительную стоимость как общее и особенное. О сторонниках чрезмерного сближения гегелевского и марксистского метода, философ писал: «Являясь противниками «схематизации», диалектики, эти «диалектики» фактически подсовывают

¹⁶⁶Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» К.Маркса): Дис...кан.филос.н. М., 1954.С.178.

старую гегелевскую схему, только в неверном виде: диалектика предметов сводится к диалектике процессов мышления»¹⁶⁷.

Однако стремление А.А. Зиновьева к конкретному анализу непоследовательно, он оставался в рамках абстрактного анализа, рассматривая противоречие стоимости и потребительной стоимости не как конкретно-исторический тип противоречивости, а как универсальную антиномию, родственную антиномиям типа «свет – волна и корпускула», «суждение отражает и не отражает» и т.д. В итоге философ делал существенную уступку той точке зрения, которую сам критиковал: для него в стоимостном отношении оба товара оказываются и стоимостью, и потребительной стоимостью, а значит, каждая особенная потребительная стоимость есть воплощение общественно сущности – стоимости. Тем самым, позиция автора двойственна: с одной стороны, стоимость и потребительная стоимость не образуют единства общего и особенного, так что товар может оказаться и не признанным рынком, с другой – в стоимостном отношении оба товара являются и стоимостью, и потребительной стоимостью. Отсюда стоимостное отношение предстает уже не гегелевской субстанцией, недоступной в своей всеобщности, а скорее младогегельянской антиномией реальных единичностей. Антиномия стоимостного отношения становится парадоксом, соединением несоединимого: товары и должны признать друг в друге свою общественную душу, и в то же время этого почему-то может и не произойти. А.А. Зиновьев писал: «Как полезности товары различны. Их характер как стоимостей говорит о безразличии к этим различиям... Их взаимоисключающий, как и взаимопредполагающий, характер обнаруживается в реальном отношении. На каждом полюсе сохраняет значение единства сторон, но на каждом в противоположном друг относительно друга виде»¹⁶⁸.

Стоимостное отношение, по Зиновьеву, предстает насколько целостностью одного отношения, настолько же оно вдруг оборачивается силой, совпадающей с исключительными потребительными стоимостями и не возвышающейся над реальным товарным миром. Если у Э.В. Ильенкова первый аспект доминировал, поглощая второй как подчиненный, то у А.А. Зиновьева они равноположены. Общее и единичное равноможны, равнопорядковы. Диалектика стоимостного отношения есть поэтому одновременно и противоречие в одном отношении, с точки зрения диалектической логики, и просто разные отношения, с точки зрения формальной логики, которая позволяет умозрительно фиксировать противоположные свойства предмета. То, что формальная логика

¹⁶⁷Там же.С.189.

¹⁶⁸Зиновьев А.А. Восхождение от абстрактного ... С.184.

абстрагирует как разные стороны предмета, есть в реальности одно диалектическое отношение, которое не под силу формальной логике, и которым занимается диалектическая логика. В результате тождество соотносящихся товаров оказывается то тождеством различного, то просто различием. Формальная логика мерещится в диалектической логике и наоборот. Абсолютизируя логические особенности процесса обмена в целом, А.А. Зиновьев пытается как бы «спустить субстанцию стоимости на землю»... ее в реальных качественных различиях потребительных стоимостей. Однако товар стал еще более загадочным. Он и тождественен другим товарам, и абсолютно противоположен им. Он ведет себя непредсказуемо, по логике «героев» и «толпы». Так в свое время младогегельянцы попытались преодолеть непоследовательность Гегеля, у которого Идея творит как бы за спиной. Однако идея, торжественно спущенная с философского Олимпа и непосредственно совмещенная с критическими личностями, породила чудовищно эклектическую какофонию диалектики и субъективизма. Делая шаг вперед, философия одновременно допустила и большее отступление назад. То же произошло и с критикой «гегелевской» школы в советской философии.¹⁶⁹

В конце 70-80-е гг. такая критика стала возрастать. Соответственно нарастала волна эклектического толкования диалектики тождества противоположностей. Особенно характерной в этом отношении стали работы В.В. Бородкина. В основе всех его построений – призыв отказаться от схоластической логики, учитывать качественно-количественные параметры реальных развивающихся систем. Однако оперирование лишь категориями «качество» и «количество», а не с действительной реальностью (борьба с «гегельянцами» «по-гегельянски»!) привела автора к немалой путанице. С одной стороны, он интерпретирует противоречие как органическую взаимосвязь противоположностей, так что одной нет без другой – понимание противоречия в духе ильенковской концепции как единства противоположностей. С другой стороны, В.В. Бородкин понимает тождество и различие упрощенно, как совпадение и несовпадение. Отсюда, стороны, действующие в различных направлениях, объявляются противоположностями, а стороны, действующие в одном направлении непротивоположностями. Отношение тождества и различия, считает В.В. Бородкин, не является «клеточкой» диалектического противоречия. Гораздо важнее учет качественно-количественного параметра. Различные характеристики противоположностей делают невозможным полное взаимоотрицание. Причем в противоречии одни противоположности (а в системе, утверждает автор, может быть не две, а много противоположностей)

¹⁶⁹В зарубежной марксистской литературе таким критиком выступил Л.Альтюсер.

выполняют функцию связи, другие – функцию противодействия элементов. Первые противоположности – это единство, вторые – это борьба. «Таковыми противоположностями являются гравитационные силы и силы отталкивания в космических системах, ядерные силы и силы кулоновского отталкивания в атомном ядре, классовая борьба буржуазии, направленная на сохранение и упрочение капитализма, и классовая борьба пролетариата и его союзников, направленная на свержение капитализма»¹⁷⁰.

В.В. Бородкин справедливо указывает на неравноценность противоположностей в противоречии. Но при этом он делает большой шаг назад, не понимая перехода противоположностей друг в друга, созидания их друг другом. Само противоречие предлагается понимать на основе более широкого принципа системного взаимодействия, из которого выводится положение о том, что не все противоречия оказывают положительное воздействие. Есть негативные «диспротиворечия». Таковым является, например, несоответствие производственных отношений производительным силам.

Системный подход к противоречию, считает В.В. Бородкин, позволяет по-новому взглянуть на развитие и разрешение противоречий. Традиционное понимание разделяет их, разрешение противоречия наступает в конце развития противоречия. Но отдельное противоречие действует только в направлении своего разрешения, но не развития. Противоречие же развивается на уровне системы в целом. В.В. Бородкин пишет: «Относительно детерминируемого процесса каждое отдельное противоречие закономерно и необходимо действует и изменяется в направлении своего разрешения. Разрешенное же противоречие не может быть источником изменения. Поэтому причиной развития отдельного противоречия, возрастания его количественных характеристик может быть только действие другой противоположной системы вещь-среда. Например, возникновение такого противоречия, как несоответствие популяции среде, детерминирует «включение» механизма движущей формы естественного отбора (подчеркнуто мной – С.Р.). Направленность действия последнего всегда однозначно ведет к уменьшению количественных характеристик несоответствия, к равновесию со средой, хотя из-за постоянного, скажем, изменения характеристик среды это равновесие и не будет достигнуто»¹⁷¹.

Если у Ильенкова общее (стоимость) проявляется в эмпирическом отношении товаров (единичное), то у Бородкина система (противоречивость в целом, общее) существует как бы наряду с единичными своими

¹⁷⁰Бородкин В.В. проблема противоречия в материалистической диалектике. М., 1982. С.74.

¹⁷¹Там же. С. 175.

проявлениями. «Несоответствие популяции среде» существует рядом с «движущей формой естественного отбора». Принцип количественного различия противоположностей в данном случае означает, что отдельное противоречие перестает существовать, противоречивость же системы остается. Причем отдельное противоречие, переставая существовать, не переходит в другое, более глубокое, оно просто перестает существовать. По мере того, как разрешается отдельное противоречие, система стремится к равновесию. Действует так называемый универсальный закон динамического уравнивания. Но тенденция к равновесию – лишь одна сторона развития системы, по Бородкину: «Его антиподом является закон воспроизводства, развития противоречий, обусловленный особенностями становления, функционирования и развития качественно и количественно определенных систем. Например, доминирование производства относительно потребления является законом развития производительных сил. Развитие последних в свою очередь порождает противоречие между уровнями развития производительных сил и производственных отношений»¹⁷².

Обособление общего (стоимость) и эмпирической формы его обнаружения в концепции Э.В. Ильенкова трансформируется в разрыв отдельного противоречия и противоречивости системы в целом у В.В. Бородкина. Такой разрыв приводит к совмещению несовместимого: гармония оказывается оборотной стороной дисгармонии, движение есть топтание на месте, марксистский закон единства и борьбы противоположностей дополняется универсальным законом уравнивания, диалектика непостижимо соседствует с формальной логикой.

Такой подход составляет в определенном смысле вершину «гегельянского» направления. Рассмотрение противоречия в одном отношении характеризуется, как мы видели, стремлением подходить к формальной логике как к своему иному диалектической логике, к отдельной противоположности как к ограниченному проявлению всего противоречия в целом, к конкретному единству противоположностей лишь как к моменту всеобщей противоречивости явлений, который сменяется другим единством противоположностей. В.В. Бородкин же делает крайние выводы из концепции противоречия как единства противоположностей. Формальная логика признается как актуальной (а не «снятый») момент логики. Противоречие в целом противопоставляется его отдельным элементам, которые, в конечном счете, самотождественны или движутся к такой самотождественности. Гармония самотождественных (ограниченных) единичностей соседствует с дисгармонией целого. И то и другое соединяется

¹⁷²Бородкин В.В. Проблема противоречия... С.147.

и возникает дисгармония гармонии и гармония дисгармонии. Логика оказывается логикой нелогичного.

Стремление конкретизировать понимание противоположностей, не анализируя целостность человеческого знания, а выхватывая его фрагменты, порождает иллюзию конкретности, о которой одновременно веет и эмпиризмом и схоластикой. Неслучайно поэтому позиция В.В. Бородкина вызвала хотя и несколько одностороннюю, но справедливую в своей резкости оценку С.П. Дуделя.¹⁷³

Так же, как в свое время младогегельянцы, по словам Энгельса, обратились к методу французского материализма, оставаясь на почве спекулятивной философии, так и здесь родилась концепция-сфинкс, соединявшая несоединимое: неразрывность противоположностей и воспроизводство диалектического дуализма системы, что было свойственно советским «гегельянцам», уживалось с пониманием противоречия как расхождения противоположностей, тождество которых обратно их различию, как полагала метафизика борьбы противоположностей в 30-50 гг.

Своего полного и отчетливого завершения эта позиция нашла на следующем витке логического развития, который можно было бы условно назвать «фейербахинским» и который связан с идеями А.П. Шептулина (а также С.Г. Борцова, В.И. Суханова, В.М. Кошева и др.) А.П. Шептулин с конца 50-х гг. стал критиковать абстрактный логицизм в изучении противоречия.¹⁷⁴ К середине 60-х гг. его интерпретация диалектического противоречия приобретает зрелую форму. Подчеркивая необходимость анализа диалектики самой реальности и критикуя А.М. Минасяна, он писал: «Содержание противоречия составляет не отношение между тождеством и различием, а противоречие между самими противоположностями, которое включает в себя их «борьбу» и единство, выражающееся в их взаимополагании и известном совпадении (тождестве). Тождество, совпадение противоположностей, таким образом, является необходимым моментом диалектики противоречия не как момент (или сторона) противоречивого отношения с различием, а как особая форма выражения единства противоположностей»¹⁷⁵. Однако подчеркивая необходимость анализа противоречий самих реальных предметов, но не рассматривая диалектику вполне определенной развивающейся системы, А.П. Шептулин получил двойственный результат. С одной стороны, он исследовал противоречие также в аспекте всеобщих логических категорий. Подчеркивая

¹⁷³Дудель С.П. Развитие ли это марксистско-ленинского учения о противоречии? // Коммунист. 1983. №7. С.111-115.

¹⁷⁴См.: Шептулин А.П. Диалектический материализм. М., 1959. С.120.

¹⁷⁵Шептулин А.П. Основные законы диалектики. М., 1966. С. 70.

неразрывную связь единства и борьбы, тождества и различия, он отмечал: «Тенденцию сохранения сложившихся связей выражает не только единство, но и «борьба»¹⁷⁶. По его мнению, единство и противостоит борьбе и имеет с нею общий путь развития.

В то же время автор трактовал единство, тождество в смысле одинаковости, простого сходства сторон. А.П. Шептулин критиковал точку зрения, что тождество несет в себе различие. Он писал: «Абстрактное тождество считается такое, которое исключает различия в сравниваемых явлениях или сторонах, присущих одному и тому же явлению, здесь же отрицается различие не в сравниваемых явлениях или сторонах, а в самом тождестве, т.е. сходстве. Что же касается сравниваемых материальных образований или сторон, то они будучи тождественными в одном, неизбежно отличаются в другом, т.е. их тождество органически связано ... с различием»¹⁷⁷.

Тем самым, А.П. Шептулин, применяя принцип единства противоположностей, как он разрабатывался с позиций тождества диалектики, логики и теории познания, непосредственно к реальным противоположностям, одновременно обнаружил и недостатки таких исследований единства противоположностей и сделал шаг назад от тех результатов, которые были получены в рамках данного направления. Исходя из факта реальности противоположных сторон, А.П. Шептулин обратил внимание, что, несмотря на тождество, противоположные стороны расходятся. Но подчеркнув реальный характер противоположностей и факт их расхождения, философ чрезмерно упростил толкование противоречия в одном отношении и конкретности тождества. Понимание Шептулиным тождества как сходства ведет к утверждению, что развитие противоречия связано с уменьшением сходства и увеличением различия.

Однако в отличие от исследований 30-50-х гг., когда противоречие сводилось к борьбе и расхождению сторон, в концепции Шептулина присутствует все-таки и сторона, совпадающая с анализом не самих реальных противоположностей, а категорий, отражающих их отношение. То есть подход А.П. Шептулина также относится к «гегельянскому» направлению исследований противоречия как единства противоположностей, хотя и намечает выход из него. Поэтому-то философ утверждал, наряду с тем, что тождество есть сходство, положение о неразрывности единства и «борьбы».

¹⁷⁶Шептулин А.П. Основные законы диалектики. С. 107.

¹⁷⁷Там же. С.89.

В 70-80-е гг. позиция А.П. Шептулина приобрела еще более выраженные формы. Он пришел к выводу, что формальная логика составляет особый отдел диалектической логики. Она отражает относительную устойчивость, тождественность вещи самой по себе, и потому диалектическая логика сохраняет в себе рациональное содержание формальной логики. Философ писал: «Принципы движения мысли в сущности должны охватить объект в целом, во всей его противоречивости и сложности. Они должны отражать как его изменение и развитие, так и относительную неизменность, тождественность самому себе; как взаимоисключаемость, несовместимость противоположностей, так и их единство; тождество; как обособленность, относительную самостоятельность, так и его связь с другими объектами и т.д.»¹⁷⁸. Признание самостоятельного значения формальной логики наряду с диалектической логикой, пишет философ, ведет к оправданию метафизического метода, вредной ориентации на ненужные исследования, дублирование в изучении форм мышления.

В позиции А.П. Шептулина нет той рядоположенности формальной логики и диалектической, как у В.В. Бородкина. Но с другой стороны, он возвышает формальную логику до отдела диалектической логики, связывая ее с моментом тождества в развивающихся явлениях. Подчеркивание факта реальности противоположностей А.П. Шептулиным вело к усилению внимания на разрешении противоречия, на расхождении противоположностей. Но философ ограничивается абстрактным уровнем принципа реальности, не рассматривая исторически определенную диалектику противоположностей. Реальная противоположность, взятая вообще, оказывается поэтому самотождественной, изменение же связывается с системой, в которой она находится. При этом на долю формальной логики как отдела диалектической приходится ни много ни мало аспект тождества противоположностей.

В послегегелевской философии столь же абстрактно принцип реализма проводил Фейербах. Его апелляция к реальности осталась в рамках старой философии. Он полагал, что отдельный человек является по природе своей непосредственным воплощением рода человеческого. Общее (сущность) перестает антагонистически противостоять единичному (существованию), как было у Гегеля, да и у младогегельянцев. Но упрощенное сведение его (общего) к эмпирии приводят к тому, что единичности при всей их связанности друг с другом фактически сосуществуют обособленно. Так что тождество их находится вне различия.

¹⁷⁸Шептулин А.П. О соотношении диалектической логики и формальной // Философские науки. 1975. №2. С.17.

Фейербах писал: «Непосредственное единство противоположных определений возможно только в абстракции и имеет значение только для нее. В действительности противоположности всегда связаны между собой посредством среднего термина. Этим средним термином является предмет, субъект противоположностей»¹⁷⁹. Изолированные единичности, которые вместе с тем суть воплощение единой сущности – такая позиция закономерно привела Фейербаха к идее гармонии, лишенной противоречий.

По-своему закономерно и А.П. Шептулин пришел к идее гармонии как формы связи, существующей наряду с противоречием. В зависимости от соотношения тождества и взаимоисключения («борьбы») противоположностей единство противоположностей будет либо противоречием, либо гармонией. «Гармонию составляет отношение между теми сторонами, которые, различаясь, имеют общую основу и, чтобы существовать, нуждаются друг в друге»¹⁸⁰. Гармоническим противоположностям, по Шептулину, также присущи различия, несоответствия. Но для их устранения каждая противоположность нуждается во взаимодействии с другой противоположностью. Поэтому если в противоречии нарастают отношения различия, то в гармонии отношения тождества. А.П. Шептулин подчеркивал актуальность анализа гармонии в условиях коммунистического строительства. Отрицая антагонистические противоречия при социализме, он писал, что в условиях социалистического общества «установление гармонических отношений во всех сферах общественной жизни и гармоническое развитие личности становится непосредственной практической задачей»¹⁸¹.

Тем самым, А.П. Шептулин как бы «возвращается» к более ранним утверждениям некоторых философов о том, что при социализме на передний план выдвигается единство, а не борьба противоположностей. Так, отрицая различие в самом тождестве, А.П. Шептулин пришел к выводу, что при социализме ослабляются противоречивые связи и нарастает гармония. Более того, он, по сути, усилил тезис о непротиворечивости социалистического общества, ибо гармония понимается им как самостоятельная форма связи наряду с диалектическим противоречием, тогда как Ц.А. Степанян, В.П. Рожин и др. говорили, что хотя единство и начинает играть принципиально новую роль в социалистическом обществе, оно остается по-прежнему стороной закона противоречия.

¹⁷⁹Фейербах Л. основы философии будущего. М., 1937. С.68.

¹⁸⁰Шептулин А.П. Противоречие. Закон единства и борьбы противоположностей //Материалистическая диалектика как научная система. М., 1983. С.84.

¹⁸¹Там же. С. 55.

Но с другой стороны, так как противоречия рассматриваются наряду с гармонией (а не в ней), они воспринимаются с преувеличенной негативностью, субъективно. Такова позиция А.Н. Бутенко, высказанная им в дискуссии по антагонистическим и неантагонистическим противоречиям, а также впоследствии по проблемам перестройки. Он исходит из того, что самой природе социализма не присущи антагонистические противоречия. Но реальная практика доказывает возможность деформаций природы социализма, так что неантагонистические противоречия могут превратиться в антагонистические.¹⁸² Для позиции А.Н. Бутенко характерно преувеличение гармонической природы неантагонистического противоречия социализма, все то же внесение «родимых пятен» за рамки социализма и, тем самым понимание социализма как некой абстрактной модели, а не живого процесса выхождения нового общества из недр старого, что оборачивается при обращении к действительности преувеличенным фиксированием антагонистических явлений. При этом, чем последовательнее проводилась точка зрения на антагонистические противоречия при социализме как его деформацию, тем болезненнее воспринимались такие явления и тем «революционнее» представлялись сторонники этой позиции.

Абстрактный подход к принципу материализма, апелляция к универсальному антропологизму, эклектика в толковании тождества и различия обусловили переход многих сторонников данных взглядов в процессе перестройки на позиции внеисторического гуманизма и демократии, поддержки по сути Реставрации дооктябрьских порядков. Когда же капитализация страны обнажила свои язвы советские марксисты – «младогегельянцы» и «фейербахианцы» (те же А.А. Зиновьев, А.Н. Бутенко в философии, А.В. Рудкой в политике и др.) определенно встали в оппозицию развалу государства.

Итак, эволюция исследований противоречия как тождества противоположностей подвела к противоположному результату: отрицание формальной логики обернулось тем, что «снятое» формально-логическое содержание выросло в самостоятельный отдел диалектической логики, что стало своего рода «раковой опухолью» нигилистического отношения к формальной логике со стороны исследователей противоречия как тождества противоположностей.

Важнейшим результатом «младогегельянской» самокритики ильенковской школы стала наметившаяся перспектива выхода советской диалектики на принципиально новый уровень, на котором синтезировались

¹⁸²См.: Бутенко А.Н. Противоречия развития социализма как общественного строя //Вопр. философии. 1982. №10. С. 16-29.

бы достижения не только блестящих диалектиков 60-80-х гг., но и не менее вдохновенных материалистов 30-50-х гг. Предстояло сделать еще более решительный шаг к овладению единством материализма и диалектики, характерным для марксистской философии.

ГЛАВА 4. В ПОЛШАГЕ ОТ МАРКСА...

§4.1 Логика должна быть открытой.

Первым, кто начал эту благодатную работу по соединению материалистических и диалектических идей советской философии был В.С. Библер. Его работа по диалектической логике в конце 50-х гг. была заметным шагом вперед по пути к Марксу. Продолжая линию Э.В. Ильенкова, он, однако, сделал заметный акцент в сторону большего материалистического истолкования диалектической логики.

В.С. Библер подчеркивал различие в тождестве диалектики, логики и теории познания. Полное их отождествление, по мнению философа, ведет к закрытому характеру логики: «Не только формальная логика, требующая полной формальной определенности, замкнутости данного понятия, но и логика, опирающаяся на тождество бытия и мышления, требующая полного совпадения конкретного понятия и отражаемого этим понятием предмета (гегелевская логика) не дает «выхода» в другое понятие, в другое качество»¹⁸³. Тем самым, автор приходил к плодотворной мысли о логике открытой, развивающейся.

Но В.С. Библер в отличие от А.П. Шептулина подчеркивал различие диалектики, логики и теории познания лишь по форме. Так единство диалектики и теории познания означает, что по содержанию теория познания воспроизводит объективные диалектические законы развития. Принципы изложения, методы познания едины с «принципами», законами самой реальности. Но по форме теория познания не совпадает с объективной диалектикой, т.к. изучает диалектику взаимоотношения субъекта и объекта познания. Точно так же диалектическая логика по содержанию воспроизводит основные этапы и закономерности познания, но по форме изучает не отношение субъекта и объекта, а формы отражения объективного мира в мышлении. Аналогично законы логики совпадают по содержанию с законами объективной действительности, но по форме являются субъективным «переводом» объективного. Специфика формы познания в отношении к реальности обусловлена моментом абстрактности и

¹⁸³Библер В.С. О системе категорий диалектической логики. Сталина-бад, 1958. С.24.

субъективности конкретного логического понятия. Процесс познания углубляется и ведет к развитию теории и понятия. Познание по асимптоте приближается к действительности. Основа данного процесса – практическая деятельность субъекта, который изменяя предмет, познает его. Логика как система категорий должна быть обобщением практической деятельности субъекта и выражать единство всеобщего (мира, бытия) и отдельных предметов, конкретных систем.

Методологическая программа В.С. Библера, примененная им в 60-90-е гг. к исследованию диалектического противоречия, привела к иным, нежели у Э.В. Ильенкова и А.П. Шептулина, результатам. В.С. Библер акцентировал внимание на том, что, так как противоречие присуще реальному явлению, связанному с определенным историческим типом практической деятельности, то невозможно диалектику определенной материальной системы выдавать за диалектику вообще. Логика изменчива. Но это не значит, что реальность не логична. Это значит лишь, что логика развивается, так как развивается сама реальность. Подчеркивая конкретно-предметный характер противоречий, В.С. Библер справедливо писал: «Всеобщее внешнее противоречие предмета – это и есть наиболее существенное проявление основного внутреннего противоречия (сущности) процесса»¹⁸⁴.

В то же время в отличие от А.П. Шептулина философ писал, что логика и объективная диалектика по содержанию тождественны, писал о «логичности» самого перехода к другой логике, вытекающей из предшествующей. Теоретическая позиция В.С. Библера положила начало новому направлению исследований, представленному также работами А.С. Арсеньева, Н.А. Лежебокова, Е.Ф. Солопова и других.

Они подчеркивали более тесную связь материализма и диалектики, выступали против преувеличения и недооценки гегелевской философии. Важна была следующая мысль Е.Ф. Солопова: «...Нам необходимо «учиться» не только у современных частных наук, не только у истории философии вообще, но вместе с тем и прежде всего у истории собственного мировоззрения (подчеркнуто мной – С.Р.) и его философской основы, в частности»¹⁸⁵. Единство диалектики, логики и теории познания Е.Ф. Солопов не сводит к полному совпадению мышления и бытия. Философия рассматривает мир как целое. «Следует при этом иметь в виду, – писал он, – что познание самой материи в ее отношении к человеческому обществу и всего человеческого общества в его отношении к материи является фактически задачей, конечной целью философии. Непосредственным же е

¹⁸⁴Библер В.С. О системе категорий диалектической логики. С.26

¹⁸⁵Солопов Е.Ф. Вопросы методологии материалистической диалектики. М., 1971. С. 53.

предметом является практика общества и сумма знаний о природе, обществе и мышлении, мировоззрение общества на данном этапе его развития»¹⁸⁶.

Если исследования противоречия в 30-40-е гг. имели своей основой понимание философии как науки о наиболее общих законах природы, общества и мышления и отстаивали противоречивый характер объективной действительности и непротиворечивость мышления, а исследования ильенковской школы сводили философию к изучению мышления и опосредованно бытия, настаивая на противоречивом характере и мышления и бытия, то данное направление считало собственно философской проблему соотношения материального и идеального, проявляющегося в целостной практике общества и индивида. В.С. Библер в одной из последних своих работ подчеркивает: «...Внеположность бытия мышлению должна войти в определение самого мышления (понятия), то есть что материализм должен быть понят и развит как логика!»¹⁸⁷.

Синтезируя идеи предшествующих школ советской диалектики, названные авторы подчеркивали одновременно и неразрывность противоположностей и преобладание ведущей противоположности при разрешении противоречия. Так, например, П.А. Лежебоков, анализируя политику НЭПа, отстаивает и противоречие в одном отношении и то, что оно разрешается победой главной противоположности. Подчеркивая неразрывность сторон, он пишет: «Если бы НЭП не был диалектически противоречивым явлением и содействовал социализму в одном отношении, а капитализму – совсем в другом отношении, то не было бы необходимости в его последующей отмене, не говорили бы об опасности, которую несли нэпманы»¹⁸⁸. С другой стороны, он утверждает: «В нужный момент, когда хозяйство окрепло, было осуществлено «усвоение» положительной стороны (одного отношения) НЭПа и отрицание «отрицательной» стороны (другого отношения) ведущей к возрождению коммунизма. Но это как раз и означало ликвидацию НЭПа как такового»¹⁸⁹.

В данной трактовке проявляется особенность исследований противоречия, присущая рассматриваемому направлению. Авторы обосновывают и неразрывность сторон и преобладание одной из них при разрешении противоречия. Так возникает антиномия: если стороны суть два

¹⁸⁶Солопов Е.Ф. Вопросы методологии материалистической диалектики. М., 1971. С.58.

¹⁸⁷Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век. М., 1991. С. 43.

¹⁸⁸Лежебоков П.А. В.И. Ленин о единстве и борьбе противоположностей как законе диалектического мышления //Активная творческая функция сознания. Уч. зап. Ивановского пед.ин-та.Т.81.1970. С.124.

¹⁸⁹Там же.

полюса одной сущности. То как возможна «победа» одной из них? Само преобладание ведущей противоположности в некоторой степени рядоположено взаимопроникновению, а не вытекает из него. Тем не менее, сама задача обоснования и взаимопроникновения, тождества противоположностей и их неравноправности чрезвычайно плодотворна.

Наибольший вклад в исследования данного направления внесли А.С. Арсеньев и В.С. Библер. Подчеркнув «закрытый» характер гегелевской системы логических категорий. А.С. Арсеньев писал, что прочесть Гегеля материалистически значит не построить систему категорий диалектики, а «представить его способ мышления в его исторической необходимости и обусловленности»¹⁹⁰. Это возможно сделать, лишь представив свое собственное мышление как исторически преходящее. «Но такая логика не может быть завершена, ибо не завершена сама человеческая история. Она остается открытой системой, потенциально абсолютно всеобщей (бесконечной, логической) и актуально особенной (конечной, исторической), связанной с единичностью, чувственностью в ее неповторимости. Ее открытость выражается в ее противоречивости. Будучи логикой, она остается феноменологией, будучи всеобщей, остается особенной. Историческое и логическое – две ее грани, неотделимые друг от друга»¹⁹¹, – писал А.С. Арсеньев. В.С. Библер так характеризует «закрытый» характер логики Гегеля: «Абсолютное начало логики тождественно у Гегеля абсолютному «концу», ничего радикально нового (логически нового, не заложенного имплицитно в данной логике) появиться в мышлении не может»¹⁹².

В.С. Библер и А.С. Арсеньев анализировали диалектическое противоречие на материале развития научного понятия, которое вбирает в себя богатство научной теории и в то же время является лишь моментом ее. При этом понятие соответствует исторически определенному типу предметной деятельности, обуславливающему тип мысленного эксперимента как конкретной ступени познания.

По Библеру, контрадикторное противоречие тождественно контрарному в выражении объективного противоречия, что означает позитивное выражение антитезиса. Причем диалектическое противоречие выступает как взаимопревращение противоположных определений: «Каждое из двух определений предмета в своем полном развитии превращается в противоположное определение. Соответственно тождество противоположностей в сущности предмета – это тождество

¹⁹⁰Арсеньев А.С. Диалектическая логика как открытая система // Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968. С.133.

¹⁹¹Там же.

¹⁹²Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. С.31.

противоположных потенциалей»¹⁹³. Так, действительность электрона – это возможность волны и корпускулы.

В.С. Библер выделял несколько условий функционирования диалектического противоречия в понятии. Прежде всего, тождество противоположных определений имеет смысл по отношению к сущности предмета. Далее, противоречие существует не между понятиями, но в самом понятии, «взятом» в отношении» к самому себе»¹⁹⁴. Кроме того, противоположные определения должны воспроизводить один и тот же предмет познания. Последний теоретико-познавательный постулат, писал философ, нельзя подменять формально-логическим запретом, определять один и тот же субъект под двумя противоположными предикатами. Именно такая подмена ведет к путанице вокруг проблемы противоречия, соотношения диалектической логики и формальной.

Исходя из открытого характера логики, соответствия ее исторически определенному мысленному эксперименту, всей предметной деятельности в целом, В.С. Библер предлагает интересное решение апорий Зенона. Он писал, что антиномии нельзя понимать как чисто философские, логические трудности: «Анализировать логику движения, перескочив через пространство и время, оставив их в стороне, перескочив через количественную проекцию движения, через механику, позитивную науку, гордо отбросив все эти «тьмы низших истин», означает вообще подменить истину ложью, истину как процесс – «возвышающим обманом» философских общих мест»¹⁹⁵. Апории, согласно Библиеру, выступают моментом развития всеобщего диалектического противоречия. Они соответствуют античному способу деятельности и мышления. стремление греков понять движение как покой принципиально не вело к выводу о невозможности понять движение. В основе предметной деятельности античного общества лежит принцип рычага. Рычаг понимался как нарушение и восстановление равновесия, механика была статикой. Поэтому античные мыслители сводили текущие явления к неизменной идеальной форме.

Античная механика и развивающая ее начала классическая механика исходили из двух идеализаций. Во-первых, из представления о том, что движется тело не целиком, а по частям. От крайней точки возбуждение передается к следующим точкам. Поэтому учение отвлекались от того, что движется, сводя предмет к точке. Предметом изучения становится не движущийся предмет, но само движение. Вторая идеализация –

¹⁹³Арсеньев А.С., Библер В.С., Кедров Б.М. Анализ развивающегося понятия. М., 1967. С.91.

¹⁹⁴Там же. С. 94.

¹⁹⁵Там же. С.121.

геометризация времени. На самом же деле «мы не имеем права диалектизировать положение летящей стрелы («здесь» и не «здесь»), пока мы не диалектизировали время («теперь» и «не теперь»).

В Новое время механика впервые научно выявила раздвоение противоположностей движения (сохранение места, покой и движение как изменение места, перемещение). В основе такого понимания лежала идея взаимосвязи, сводящая движение к перемещению, и покой рассматривался как частный вариант идеи взаимосвязи. С XX века начинает формироваться другое определение движения, в основе которого лежит идея становления (механика становится квантовой). Библер писал: «Это уже новый тип потенциалов, имманентных самому процессу движения. А не состоянию покоя. Можно предположить, что поскольку теория типа «взаимосвязь – потенция движения» уже издавна развивается и достигла высокой степени совершенства, постольку теория типа «становление – потенция движения» не разовьется в самостоятельную, отдельную теорию, не слившись с уже существующим типом теории даст синтетическую теорию движения»¹⁹⁶.

Следует приветствовать подход В.С. Библера к А.С. Арсеньеву к диалектическому противоречию, основывающийся на анализе особенностей предметной деятельности и всей культуры общества. Они открывают перспективу конкретно-исторического рассмотрения логики. Однако философы, на наш взгляд, не до конца по следовательны в проведении такого единства, расширительно понимая предметную деятельность. Так, В.С. Библер рассматривает историю познания в некотором отрыве от формационного развития истории. Кроме того, он включает в предметную деятельность и «мысленное действие с предметом»¹⁹⁷. В итоге В.С. Библер и А.С. Арсеньев приходят опять-таки к универсальному и в этой степени закрытому принципу мышления, в основе которого теперь – идеи взаимосвязи и становления¹⁹⁸

Поэтому соотношение формальной логики и диалектической в их трактовке упрощается и недооценивается и та и другая (правда, одновременно и признаются!). Так, А.С. Арсеньев, рассматривая смену старой теории новой, выделял «спокойный» формально-логически непротиворечивый этап развития теории, затем диалектически противоречивый этап, наступающий в результате становления теории с новой предметной деятельностью, разрушающей формально-логическую непротиворечивость. Новая непротиворечивая теория включает в себя

¹⁹⁶Арсеньев А.С. Анализ развивающегося понятия. С. 170.

¹⁹⁷Там же. С.219.

¹⁹⁸Справедливости ради отметим, что философы не раз подчеркивают незаконченность своих выводов и необходимость новых исследований.

старую как свой предельный случай. Затем наступает следующее отрицание. Новое становится старым и также отрицается. Третья теория синтезирует обе: «...Третья ступень воспроизвела в себе первую и вторую ступени в их возможном развитии. Поэтому отрицание третьей ступени есть одновременно и первых двух, т.е. отрицание всего трехступенчатого хода развития как завершено, как целого в себе»¹⁹⁹. Отмеченный выше момент абстрактности принципа движения «взаимодействие – становление» приводит здесь к некоторой непоследовательности в понимании противоречия. Если рассматривать сменяющие друг друга теории как противоположности, то противоречие двух теорий, с одной стороны, разрешается не «победой» одной из них, а неким третьим, синтезом. Но с другой стороны, первая теория – предельный случай второй, отрицается ею, хотя это более глубокая сущность второй противоположности почему-то не проявляется в синтезе.

В исследованиях А.С. Арсеньева и В.С. Библера проявляется важная черта рассматриваемого направления: стремление взять в единстве процессуальную и результативную стороны развития. Философы выявили не механизм развития данной противоречивой системы как проявление универсальной диалектики тождества и различия, но то, как этот механизм обуславливает переход данной системы в другую. Авторы интересовались не длительность как таковая (и не логика вообще), а длительность реального предмета, переходящего в другой предмет. Исследования данного направления делали очевидной необходимость взять в единстве аспект противоречия как расхождение, которое в результате завершается «победой» одной из противоположностей, и аспект единства, взаимопроникновения сторон в процессе противоречивого сосуществования. Тем самым, был намечен новый уровень осмысления диалектики К. Маркса. Выявление антиномии расхождения реальных противоположностей и их неразрывности (нерасхождения) ставило новые проблемы, открывая широкую перспективу исследований. В целом авторы, отставив и формальную логику и диалектическую, доказывали их несовместимость, как и несовместимость расхождения и взаимопроникновения. Тогда как задача состоит, на наш взгляд, в том, чтобы обосновать формальную логику, действующую одновременно и постоянно с противоположной ей диалектической логикой.

Идеи, родственные библеровским, применительно к логике «Капитала» отчетливее высвечивали специфику рассматриваемого направления исследований противоречия. Так, В.И. Ермаков выделяет три уровня в развитии противоречия между потребительной и меновой стоимостью. На первом уровне, когда деньги «существуют лишь как момент в самом простом

¹⁹⁹Арсеньев А.С. и др. Анализ развивающегося понятия. С.273.

обмене как идеальный масштаб», связь между противоположностями осуществляется не в виде отношения между ними, а представляет собой одну из противоположностей. После того, как деньги становятся самостоятельной, отделившейся по отношению к товарам меновой стоимостью связь потребительной стоимости и меновой стоимости осуществляется опосредованно через деньги. Противоречие меновой и потребительной стоимости выступает как отношение их друг к другу в рамках одного единства. Но это единство внешнее, ибо если цена товаров выражается через деньги, то цена денег не выражается в товарах. На этом втором плане опосредствования выясняется, что ведущую роль в отношении играет меновая стоимость. Экономическое содержание связано с ней, а не с потребительной стоимостью. Последняя не самостоятельна. Но «и категория меновой стоимости на данном уровне опосредствования не может выступать в качестве истинной противоположности потребительной стоимости, поскольку последняя перестала для нее существовать как противоположность»²⁰⁰. Кроме того, сама самостоятельность меновой стоимости здесь «основана на противоположности как отношении денег и товаров, а не как системы, в которой деньги и товар суть лишь моменты (подчеркнуто мной – С.Р.)»²⁰¹. Меновая стоимость в данном случае есть форма без содержания. И потому антиномия потребительной стоимости и меновой стоимости сохраняется. Чтобы окончательно разрешить ее, необходимо обращение к фактам. При переходе к капиталу «на третьем уровне опосредствования меновая стоимость не только идеально является в любой момент каждым из обоих моментов, заключающихся в простом обращении, но в каждом из этих определений является вместе с тем отношением к противоположному определению, т.е. идеально содержит его в себе. Таким образом, на этом уровне опосредствования идеальное выступает как качество бесконечного процесса обмена товаров друг на друга, что отражает процесс становления капитала. Именно идеальность обоих определений – меновой стоимости и денег – такова суть третьего этапа опосредствования противоречий меновой стоимости и стоимости»²⁰².

Разрешение антиномии связано с переходом от простого обращения к капиталистическому производству: «Приобретение экономического содержания потребительной стоимостью возможно лишь благодаря тому, что она теряет самостоятельность и в каждом моменте своего содержания определяется меновой стоимостью. Но чтобы выполнить эту роль, меновая стоимость должна быть развитой, т.е. капиталом. Единственной же

²⁰⁰Ермаков В.И. О способе разрешения антиномии меновой и потребительной стоимости // Категории диалектики. Вып.4. Свердловск.1975. С.114-115.

²⁰¹Там же. С.114.

²⁰²Там же. С.116.

потребительной стоимостью, могущей по содержанию образовать противоположность капитала, является производительный труд, создающий стоимости. Субъектом этого труда является товар особого типа – рабочий с его способностью к труду»²⁰³.

Таким образом, противоречие потребительной и меновой стоимости развивается в направлении усиления одной противоположности – меновой стоимости. Разрешение этого противоречия есть свидетельство ее окончательного преобладания. Но в то же время капитал есть то же противоречие потребительной и меновой стоимости, ибо особая потребительная стоимость – рабочая сила – создает прибавочную стоимость... С одной стороны, противоречие есть неразрывное единство противоположных определений, а с другой – оно ведет к «победе», преобладанию главной противоположности.

Выше мы отмечали, что для научной интерпретации метода К.Маркса необходимо раскрыть скачок в логике от единичного, абстрактно-тождественного товара (и просто товарного обращения) к капиталистическому производству, к капиталу. Если стоять на точке зрения отдельного товара и пытаться распространить диалектику товара и денег на отношение собственно капитала, то последний не будет понят последовательно диалектически. Неслучайно поэтому Э.В. Ильенков увидел неразвитость отношения реальных товара и денег как взаимопроникновение противоположностей. Но из этого факта, что товар и деньги не могут быть одновременно и в относительной и в эквивалентной формах стоимости (следовательно, образовывать противоречие в одном отношении) не следует вывод, сделанный Ильенковым о том, что диалектична товарная форма как таковая. Дело не в товарной форме, отражаемой понятием стоимости. Диалектично реальное отношение – самовозрастающая стоимость. Капитал как процесс в целом, подчиняющий себе свои единичные проявления, образует противоречие в одном отношении. Но в то же время в той степени, в какой возрастает именно стоимость, и производство носит капиталистически-товарный, частнособственнический характер, в той степени, в какой целостный процесс замедляется, прерывается противоречивостью в одном отношении, необходимо дополняется противоречивостью в разных отношениях. Скачок в логике «Капитала» при переходе от товара и денег к капиталу связан с переходом от преимущественно внешнего противоречия в разных отношениях (на уровне отношения товара и денег) к преимущественно противоречию в одном отношении (на уровне не единичного товара или денег как воплощенной единичности товара, а на уровне целостного общественного процесса самовозрастания стоимости).

²⁰³Там же. С. 117.

В позиции В.И. Ермакова намечается переход именно к общественному целому, но в то же время автор уступает точке зрения отдельного товара. В этой степени, в какой он говорит об идеальной меновой стоимости, о преходящем характере ее форм, стоимость предстает самодвижущейся, целостной субстанцией. Антиномия потребительной стоимости и меновой разрешается как бы «победой» меновой стоимости. Философ нащупывает противоречивость в одном отношении, совпадающую с различенностью реального отношения стоимости внутри самого себя. Но одновременно В.И. Ермаков трактует идеальность меновой стоимости так, будто всякий товар может быть стоимостью в буржуазном обществе. Стоимость сводится к совокупности абстрактно – тождественных товаров. Если в концепции Э.В. Ильенкова товарная форма как таковая предстает антиномией нахождения и ненахождения обоих товаров одновременно в эквивалентной и относительной формах стоимости, то В.И. Ермаков, применяя принцип тождества противоположностей непосредственно к реальным противоположностям, а не к товарной форме как таковой, утверждает фактически о нахождении товаров одновременно в эквивалентной и относительной формах стоимости. И тот и другой полюс – лишь мимолетные формы меновой стоимости, капитала. В такой позиции по сути дела отрицается момент внешности противоположностей друг другу. Но так как на самом деле этот момент внешности присущ не только товарно-денежному отношению, но и самому капиталу, и так как Ермаков не различает внутреннего и внешнего в капитале, то он фактически утверждает такое понимание противоречия, которое базируется именно на внешнем, абстрактном представлении о тождестве противоположностей. Прямо пропорционально этому в самой стоимости (а она уже интерпретируется как самоизменяющаяся субстанция) находится место потребительной стоимости. В результате капиталистическое отношение предстает внешним компонентом меновой стоимости, капитала и потребительной стоимости рабочей силы. Момент внешности состоит здесь в том, что капиталистическое отношение упрощенно сводится только к одному своему полюсу – к классу буржуазии.

Исследования противоречия с позиций философии как науки о противоречивом отношении бытия и мышления подводят в настоящее время к чрезвычайно актуальной задаче выявить момент абстрактного тождества наряду с конкретным тождеством в диалектическом отношении, обосновать расхождение противоположностей из их взаимопроникновения, показать противоположность диалектической и формальной логики и на этой основе обосновать постоянное действие той и другой.

Если материалисты 30-50-х гг. воспроизводили метафизические слабости материализма XVIII в., а ильенковцы преувеличивали роль идеалистической диалектики, то В.С. Библер и другие философы, примыкающие к данному направлению, сделав следующий шаг на пути к Марксу, заступили уже в культурное поле самого Маркса, точнее, его раннего периода, когда происходило становление материалистической диалектики в процессе перехода К. Маркса от революционного демократизма к коммунизму.

В работах 1842-45-х гг. К. Маркс, анализируя проблему труда и капитала, стоит на такой же двойственной позиции: противоположности и неразрывны, образуя тесную взаимосвязь, и внешне друг другу в их взаимоисключаемости. В «Экономическо-философских рукописях 1844 г.» Маркс характеризует капитал как целостное общественное отношение частной собственности и наемного труда, в котором частная собственность невозможна без своей противоположности. Он подчеркивает, что «нищета вытекает из сущности самого наемного труда»²⁰⁴, что командная власть капитала разворачивается и по отношению к самому капиталисту. Однако, делая вывод, что «даже согласно основным положениям политической экономии, труд не есть товар»²⁰⁵, Маркс упрощал связь труда и капитала, сводя ее к командной власти капитала над трудом, к отчуждению труда и его продуктов от самого трудящегося.

Уже в 1843 г., критикуя спекулятивность идеалистического примирения противоположностей в противоречии, Маркс справедливо писал: «Сколь бы обе крайности ни выступали в своем существовании как действительные и как крайности, – свойство быть крайностью кроется все же в существовании одной из них, в другой же крайность не имеет значения истинной действительности. Одна из крайностей берет верх над другой. Положение обеих неодинаково»²⁰⁶. Но марсово понимание определяющей роли одной из противоположностей не было еще подлинным диалектико-материалистическим пониманием. Отношение противоположностей рассматривалось им как внешнее взаимодействие сущностей, а не как внутреннее противоречие одной сущности.²⁰⁷ С этих позиций Маркс в ранних работах делал существенные уступки пролетарской школе экономистов (Т. Годский и др.), которые капитал толковали просто как грабеж рабочих.

Итак, материализм вводится в саму логику. Противоречие теперь не есть противоречие понятия самому себе внутри себя. Противоречат друг другу

²⁰⁴Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-3-е изд. Т.42. С.53.

²⁰⁵Там же. С. 57.

²⁰⁶Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-2-е изд. Т.1. С.322.

²⁰⁷См. там же. С.321.

реальные противоположности, идет реальная борьба. Однако введение материализма в логику лишь началось у раннего Маркса, и оно непоследовательно. В результате метод допускает отходы и от последовательного материализма, каким был материализм XVIII в., и от глубин гегелевской диалектики. К. Маркс не видит еще противоречивости в одном отношении буржуазной системы. С другой стороны, делая существенную уступку Фейербаху, пишет, что «последовательно проведенный натурализм отличается как от идеализма, так и от материализма, являясь вместе с тем объединяющей их истиной. Мы видим в то же время, что только натурализм способен понять акт всемирной истории»²⁰⁸. Попытка непосредственного соединения материализма и диалектики без существенного углубления того и другого намечала лишь последующие пути такого углубления. Отсюда вытекало требование открытости диалектической логики, поиска логики другой действительности.

Похожим образом и В.С. Библер пытается снять замкнутость в себе метода Э.В. Ильенкова, вводя в логику само бытие. Пока речь идет об отдельной теории, по словам Библиера, гегелевский метод срабатывает. Так, применительно к «Капиталу» «Э.В. Ильенков в значительной мере осуществил такой анализ и дал четкую и убедительную картину диалектики как логики развития (и строения) одной научной теории»²⁰⁹. Но как только встает вопрос о невечности теории, точнее ее возникновения и превращения в другую, «тогда гегелевский подход разрушается»²¹⁰. Как и Маркс в рукописях 1844 г., В.С. Библер справедливо подчеркивает, что введение материализма в логику не должно означать отказа от диалектики: «Если Гегель капитулировал в пользу мышления, Фейербах капитулировал в пользу (внелогического) бытия»²¹¹. Однако, как и у раннего Маркса, перспектива материалистической диалектики, качественно более глубокой по сравнению с Гегелем, пока лишь вызревает, так и у Библиера концепция диалогичности предполагает выход в другие логики, но актуально этот выход еще не раскрыт. Есть лишь нереализованная методологическая потенция. В результате допускаются уступки и гегельянству и фейербахизму (соответственно: и ильенковской школе, и идеям Шептулина). Так, неправомерно утверждался тезис о достаточности ильенковской интерпретации применительно к «Капиталу». А с другой стороны, – чрезмерная антропологизация философии («от науки логики – к логике культуры»). В.С. Библер прямо присоединяется к ранней позиции Маркса, говоря о том, что самодетерминирующим «основанием» культуры является

²⁰⁸ Там же. Т.42. С.162.

²⁰⁹ Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры. С.28.

²¹⁰ Там же. С.28.

²¹¹ Там же. С.53.

самоустраненность человека: «Идея самоустраненности человеческой деятельности сформирована К. Марксом в «Экономическо-философских рукописях» (в последующих работах, посвященных экономическим отношениям Нового времени, Маркс оставил эту мысль в стороне)». И далее «...Культура – это все целостное бытие человека, понятое (поскольку реально возникающее...) как феномен самоустраненности, то есть в своем духовном острие»²¹².

Библеровские идеи не получили пока развернутого применения к проблемам социальной диалектики. Общество лишь подступает к поискам новой логики. В реальности это соответствует намечающимся попыткам преодоления буржуазной Реставрации в стране, обновления коммунистического мировоззрения, зрелого овладения марксизмом и потому его дальнейшего развития. В конечном счете, это соответствует наметившемуся переходу от раннего формального социализма к обществу реального обобществления производства. Непоследовательность попыток соединения материализма и диалектики в философии заставляют думать о непоследовательности и политических форм возрождения и обновления советского общества. К собственно социалистическому видению проблем кризиса общества чрезмерно примешиваются антропологическо-патриотические, внутренняя диалектика общества не разводится до конца от внешних противодействий иностранного капитала. Библеровская школа (на наш взгляд, так говорить вполне возможно, учитывая заслуги философа, начиная с 50-х гг.) – это то ответвление в разложении в советской «гегельянской» школе, которое, думается, в ближайшие несколько лет будет доминировать в обществе и через которое философия и общество в целом придут к зрелому Марксу.

§4.2 Позитивизм или марксизм. Марксистское будущее советской философии.

Разложение ильенковской школы выявило две основные линии этого процесса. С одной стороны, элементы эклектики, содержащиеся в субъективизации метода, развивавшегося Э.В. Ильенковым, создавали благоприятную питательную почву для произрастания фактически антиномии немарксистских толкований диалектики. С другой стороны, попытки дальнейшего материалистического «погружения» в диалектический метод (В.С. Библер и др.) обозначили новые пути движения к Марксу.

²¹²Там же. С.306-307.

В современных условиях буржуазной Реставрации эта двойственность приобрела зрелый вид. Отчетливо обозначились два противоположных подхода к наследию К. Маркса, к методу материалистической диалектики.

Один состоит, по сути, в том, чтобы отказаться от диалектики. Эклектика получает завершенную форму, когда делается попытка позитивистски встать над материализмом и идеализмом, диалектикой и метафизикой. В 20-е гг. общество имело уже примеры позитивистского мировоззрения. Достаточно вспомнить «Тектологию» А.А. Богданова, совсем неслучайно переизданную в 1989 г. Сегодня позитивизм вновь пытается предложить решение самых кардинальных проблем философии. Так, идеальное трактуется Д.И. Дубровским с позиций информации, затушевывающих противоположность первичного и вторичного, диалектика объективного мира как «универсальный эволюционизм» (Н.Н. Моисеев), плюрализм философских учений с позиций объективизма (А.Ф. Зотов), экономические проблемы бизнеса в духе буржуазного либерализма (А.Н. Ракитов) и т.д. и т.п. Проиллюстрируем позитивистский вариант в толковании диалектического противоречия на примере концепции А.Н. Аверьянова.

Он исходит из критического отношения к положениям В.И. Ленина о тождестве противоположностей как ядре диалектики и об относительности единства и абсолютности борьбы противоположностей. По мнению А.В. Аверьянова, «абсолютизация борьбы в философии приводит к однобокому, одностороннему развитию диалектики. В ней начинает преобладать отрицательный аспект. Все процессы, все отношения сводятся в основном к борьбе, к противоречию. Единство упоминается вскользь, как нечто временное, относительное и потому не заслуживающее внимания»²¹³. На самом же деле, утверждает автор, противоречие является одной из форм взаимодействия и может не только стимулировать развитие, но и тормозить его. Другой фундаментальной формой взаимодействия наряду с борьбой, противоречием выдвигается содействие: «Содействия есть такой тип взаимодействия, в процессе которого две и более взаимодействующие системы способствуют обоюдному сохранению»²¹⁴. Автор ссылается на утверждение П. Кропоткина о том, что «взаимная помощь – настолько же закон природы, как и взаимная борьба»²¹⁵ и, по сути, подчеркивает его: «Борьба и содействие – два балансира в гомеостазе природы,

²¹³Аверьянов А.Н. Содействие: понятие, структура, динамика // Диалектика и научное мышление. М., 1988. С.82.

²¹⁴Там же. С.83.

²¹⁵Там же. С.85.

способствующие ее динамическому равновесию и развитию»²¹⁶. А.Н. Аверьянов утверждает, что устойчивость системы есть результат преобладания содействия над всеми другими взаимодействиями. Как же в таком случае идет развитие? Автор прибегает к внешним противоречиям: «Рост содействия внутри метасистемы (системы) усиливает рост борьбы вне метасистемы (системы) по тем же параметрам, факторам, по каким укрепляется внутреннее единство»²¹⁷. В конце концов, внешнее воздействие нарушает внутреннее содействие в системе.

А.Н. Аверьянов рассуждает в духе раннего позитивизма, пытавшегося построить своеобразную диалектику динамики и статики.²¹⁸ Но если классики субъективного идеализма, И. Кант, Д. Юм, точно выразили диалектический антиномизм как ее внутреннюю душу, то здесь вместо проникновения во взаимоотношение противоположностей делается попытка просто-напросто встать над ними, искусственно примилив их, стусевав антиномичность. Философ отдает дань абстрактному внеисторическому анализу форм взаимодействия, осуществленному А.А. Богдановым в «Тектологии». Абсолютизируя внешние противоречия, А.Н. Аверьянов совершенно упускает то обстоятельство, что сама внутренняя диалектика развивающейся системы, имея своей необходимой предпосылкой внешние воздействия, тем не менее, подчиняет их себе и трансформирует своим внутренним объективным порядком.

При всей внешней учтивости отношения автора к К. Марксу /учтем, что до открытой Реставрации оставалось еще три года/ он, по сути, отходит от материалистической диалектики в сторону позитивистского объективизма, на поверку оказывающегося субъективистским отображением процессов взаимодействия. Позитивизм является адекватной философской базой мировоззрения нарождающейся буржуазии, а также существенным элементом мелкобуржуазного сознания подкупленного рабочего, крестьянина, интеллигента.

Ревизия марксистского диалектического метода стала носить открытый характер. Большую известность приобрел на этом поприще Ципко А.С., еще вчера доказывавший преимущества социалистического образа жизни, а сегодня с жаром убеждающий читателя о том, что «призрак заблудился»²¹⁹. Однако писание «теоретика» зиждется на довольно банальном тезисе, уже

²¹⁶Там же. С.89.

²¹⁷См.: Милль Дж. С. Система логики. М., 1914. С.335-342; Конт О. Дух позитивной философии. Спб., 1910. С. 44.

²¹⁸Такова же позиция Н.Н. Мокеева, См. его Универсальный эволюционизм //Вопр.философии. 1991.№3. С.3-26.

²¹⁹См.: Ципко А.С. Насилие лжи, или как заблудился призрак. М.,1990.

пройденном историей. Его упреки Маркса в гегельянстве является перепевами из Дюринга и Бернштейна, которому храбрый ниспровергатель авторитетов открыто симпатизирует. Именно Бернштейну принадлежит среди социал-демократов приоритет в отождествлении революционной марксистской диалектики с «гегельянщиной». Отсюда он выводил «волюнтаризм» Маркса и Энгельса.²²⁰ Однако развитие капитализма уже в начале XX века продемонстрировало не гармонизацию общества, а новое обострение противоречий, завершившиеся мировой войной и новыми революциями. Ревизионизм, выражающий мысли и чувства рабочей аристократии, и у нас рождается потому, что незначительная часть трудящихся оказалась в большом выигрыше при переходе к рынку. Однако чем более нарастает капитализация общества, тем отчетливее вырисовывается перспектива обострения социальных противоречий. И слова Ленина о том, что вскоре на практике классовая борьба пролетариат вынужден будет пережить пока еще теоретические разногласия с ревизионизмом, вполне применимы к сегодняшнему дню, особенно после Первояма 1996 г. Иллюзии встать над материализмом и идеализмом, уйти от противоречий очень скоро развеются суровой прозой жизни.

В этих условиях неизбежно вновь вспыхнет интерес к Марксу и будет расти. У обществоведения впереди новые существенные открытия. Лучшим доказательством тому служат уже полученные научные результаты, выводящие философию на принципиально новый уровень интерпретации марксизма. Мы имеем в виду концепцию Б.А. Вазюлина, открывавшую собственно марксистское (зрелое марксистское) прочтение К. Маркса. Если на протяжении семидесяти с лишним лет советская философская мысль грешила то метафизичностью, свойственной старому материализму, то «кантианством» или «гегельянством» и т.д., то вазюлинские исследования выводят ее на собственно марксистский уровень. Как следствие, пропадает догматическая апология Маркса и Ленина, и защита их метода становится сознательной и последовательной.

Монография, в которой В.А. Вазюлин предложил новую трактовку логики «Капитала», вышла давно, еще в 1968 г. Тем не менее, она намного определила время и пока еще идеи, высказанные в ней не нашли широкого признания. В данном случае философия, опережая бытие, предвосхищает его последующие этапы.

В.А. Вазюлин сделал существенно важный шаг в толковании единства материализма и диалектики как сути марксизма. Он впервые в нашей

²²⁰См. подробнее: Марксистская философия в международном рабочем движении в конце XIX- начала XX века. М., 1984. С.132-145.

литературе дал целостную интерпретацию «Капитала» в сравнении с логикой Гегеля. Его исследование показало, что исторический подход к реальному предмету (капиталистическому обществу) обусловил более последовательный диалектический метод К. Маркса, нежели он был у Гегеля. Считая предметом диалектической логики мышление, В.А. Вазюлин подчеркивает, что таковым является мышление об исторически определенном предмете.²²¹

Учет данного обстоятельства привел ученого к принципиально иному пониманию восхождения от абстрактного к конкретному. Познание движется от поверхности (начало науки) к сущности, затем к явлению (существенной непосредственности) и к действительности (единству сущности и существенной непосредственности). В.А. Вазюлин выяснил, что первый отдел «Капитала» имеет важнейшее самостоятельное значение в логике произведения, чего нельзя было видеть, если сводить структуру «Капитала» к триаде трех томов и считать, что отношение потребительной стоимости и стоимости с самого начала является противоречием в одном отношении в логике «Капитала». Выявленная схема восхождения была не просто интерпретацией главного труда Маркса, но научным историко-философским открытием и развитием марксистской диалектики.

Иной подход к логике позволил философу иначе раскрыть и сущность диалектического противоречия. Действие закона единства и борьбы противоположностей, по Вазюлину, проявляется, прежде всего, на уровне сущности предмета. Развитие противоречия связано с преобладающей ролью различия противоположностей. Противоречие проходит в своем развитии следующие этапы: существенное тождество с моментом различия, разность (безразличное соотношение противоположностей друг с другом), противоположность (когда стороны взаимопорождают друг друга)и, наконец, противоречие (как разрешение противоречия и переход к новому предмету).Подчеркивая что логика Маркса является логикой определенного развивающегося предмета, В.А. Вазюлин приходит к чрезвычайно плодотворному выводу о том, что противоречивость в одном отношении появляется в логике «Капитала» лишь во второй главе – «Процесс обмена». Целостно взятый процесс обмена, считает философ, противоречив: обмену товаров как потребительных стоимостей должен предшествовать их обмен как стоимостей и наоборот. До процесса обмена товар представляет собой лишь возможность стоимости, обмен делает его действительным товаром, стоимостью. Поэтому процесс обмена выступает как стадия действительности, и противоречие в одном отношении в логике «Капитала» появляется именно на уровне бытия. В.А. Вазюлин отмечает при этом:

²²¹См.:Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. С.15, 41,51.

«Процесс обмена противоречив. Противоречащие стороны предполагают и исключают друг друга в одно и то же время в одном и том же отношении. Однако нельзя сказать еще, что здесь противоречащие стороны порождают и уничтожают друг друга в одно и то же время, в одном и том же отношении, ибо потребительная стоимость и стоимость товара в обмене не создаются, а только реализуются. В нашей литературе не отмечаются эти два уровня отображения противоречия. Между тем различать их существенно важно»²²². Идея о том, что противоречие в одном отношении появляются в логике «Капитала» лишь на определенном этапе чрезвычайно важно тем, что интерпретированная онтологически, она, видимо, означает, что лишь на определенной стадии реальный предмет выступает противоречием в одном отношении. Данная идея созвучна решению апорий Зенона В.С. Библером. С развитием предмета развивается и объективная диалектика – в этом положении суть различий марксистской и гегелевской диалектики.

Целостное прослеживание логики «Капитала» позволило В.А. Вазюлину совершенно по-новому интерпретировать и антиномию возникновения капитала. Он пишет: «Очевидно, что К. Маркс, говоря о невозможности создания прибавочной стоимости вне обращения, не предполагает капиталистическое производство. Но при этом не берет и простое товарное производство само по себе»²²³(ибо Маркс уже ввел всеобщую формулу капитала, объясняет автор). «В логическом аспекте в этом случае мы имеем дело с любопытной картиной. Сущность не может возникнуть в сфере непосредственного и вне сферы непосредственного. Она должна возникнуть в сфере непосредственного и вне этой сферы»²²⁴. Другими словами, капитал и в прошлой истории, и в настоящей (и соответственно в логике) зарождается в поверхностной сфере товарно-денежного обращения (не путать с обращением капитала), сфере купли-продажи отдельного товара отдельным товаровладельцем. Здесь капитал только зарождается, он есть и его еще нет. Поэтому второй отдел «Превращение денег в капитал», подчеркивает В.А. Вазюлин, с одной стороны относится к бытию капитала, а с другой стороны – к сущности. В нем разбирается становление сущности предмета (капитала). К. Маркс поэтому выделяет становление сущности в особый отдел, а не включает его в первый отдел или в последующие отделы.

Тем самым, В.А. Вазюлин, как никто до него выявил качественный скачок в логике К. Маркса при переходе от товара и денег к капиталу. В товаре стоимость дана через свою внешнюю противоположность, через

²²²Вазюлин В.А. Противоречие и его отображение в «Капитале» К. Маркса // Философские проблемы «Капитала» К. Маркса. М., 1968. С.53.

²²³Вазюлин В.А. Логика «Капитала» К. Маркса. С.200.

²²⁴Там же. С. 201.

потребительную стоимость. Если диалектику буржуазных отношений сводить к этой внешней антиномии стоимости и потребительной стоимости, то противоречия труда и капитала будут либо исчезать (такова точка зрения буржуазной политекономии), либо характеризоваться упрощенно, что было свойственно фактически для всей истории советского обществоведения. В капитале же стоимость внутри себя различена как постоянный и переменный капитал. Стоимость, отталкивая саму себя от самой себя, самовозрастает. Противоречие из внешнего превращается во внутреннее. Метод становится сознательно диалектическим.

На наш взгляд, противоречия в одном отношении появляется в логике «Капитала» именно при переходе товара к капиталу. Представляется, что В.А. Вазюлин, – Учитель, к которому автор этих строк питает чувство глубокого почитания и благодарности, – несколько упрощал этот вопрос, когда говорил, что противоречие в одном отношении появляется уже на уровне процесса обмена. Философ сам при этом оговаривал, что противоположности здесь еще не порождают и уничтожают одновременно друг друга, ибо пока нет самовозрастания стоимости. Однако такая позиция несла в себе определенную двойственность, которая выпукло проявилась при трактовке В.А. Вазюлиным сущности капитала. Появляется уступка абстрактному сведению логики «Капитала» к неизменному соотношению потребительной стоимости и стоимости, когда философ интерпретирует сущность (капитал) как единство производства потребительной стоимости и производство возрастающей стоимости. Представляется, однако, что двойственность потребительной стоимости и стоимости на уровне товара как абстрактного тождества капитала при переходе к собственно капиталу сменяется двойственностью процесса производства товара(двойственность стоимости и потребительной стоимости «снимается» как клеточка, предпосылка капитала) и процесса самовозрастания капитала. Двойственность на уровне сущности есть действительность стоимости (товары с подчиненным моментом потребительной стоимости) и самовозрастающей стоимости.

Некоторые преувеличения момента потребительной стоимости в сущности у В.А. Вазюлина имели своими следствиями пропорциональное сближение логики Маркса и Гегеля, а кроме того, заметную абсолютизацию теперь уже на триадической и четырехзвенной схемы восхождения от абстрактного к конкретному (бытие – сущность – явление – действительность). Тем самым, идея открытой логики, с одной стороны, была реализована с необыкновенной силой, когда ученый раскрыл логику «Капитала» как логику конкретного предмета, а с другой – утверждение об

этой логики как универсальной схемы развития противоречило положению о развивающемся характере логики.

Двойственность В.А. Вазюлина сродни двойственности К. Маркса и Ф. Энгельса периода первых зрелых произведений марксизма. Так, в «Немецкой идеологии» классики сформулировали положение о материальных общественных отношениях, существующих вне и независимо от сознания и играющих определенную роль в обществе. Но ими не была еще открыта идея о продаже рабочим особого товара «рабочая сила». Соответственно и производственные отношения обозначались термином «форма общения», и в объяснении классового антагонизма присутствовал момент конкуренции. Так неравенство отчасти объясняется как простое обкрадывание рабочего капиталистом. Самовозрастание стоимости в этой степени толковалось не из ее внутренней логики, а из внешней потребительной стоимости, воплощенной в образе капиталиста как реального природного субъекта. Поскольку Марксом и Энгельсом была выявлена материальность производственных отношений, стоимость уже схвачена как самовозрастание в процессе функционирования стоимостных элементов производства. Поскольку же идеи товара «рабочая сила» нет, самовозрастание в определенной степени еще носит налет загадочности. Оно предстает чисто количественным образом. Неслучайно поэтому в работах 1846-48 гг. Маркс и Энгельс еще оставались на позиции количественной рикардовской теории.

Сведение сущности капитала и двойственности процесса производства потребительной стоимости и производства стоимости, как у В.А. Вазюлина, так же свидетельствует о том, что внутреннее качественное различие самой стоимости (не отличие ее от потребительной стоимости, а самораздвоение на постоянную и переменную части капитала), не выражено пока в логическом анализе. Количественно стоимость самораздвоена и осмыслена логически, качественно нет. Сущность выражена и в то же время пока лишь количественно, внешне. Концепция В.А. Вазюлина выявила грандиозную перспективу дальнейшего развития советского марксизма. Э.В. Ильенков в своей интерпретации логики «Капитала» сводил стоимость к товарной форме вообще, так что ее полюсами были потребительная стоимость и стоимость единичного товара. Стоимость была определена через внешнее, инобытийное качество потребительной стоимости, а потому и идея конкретного тождества проводилась непоследовательно, «по-гегельянски». Когда же исследовательская мысль раскрыла качественную трансформацию логики при переходе от обособленного товара к целостности капитала, и стоимость предстала внутренним процессом самоталкивания, диалектика впервые по-

настоящему ощутила себя в материалистическом облики, ибо она предстала, изменяющейся диалектикой изменяющегося мира.

Советская философия вступила наконец-то в осмыслении единства материализма и диалектики, впервые осуществленного марксизмом, в свою зрелую, сознательную стадию. Применение В.А. Вазюлиным своей концепции развития к материалу социальной философии привело к целостному историко-материалистическому толкованию логики и истории общества.²²⁵ Советской социальной философии еще предстоит осмыслить результаты, полученные ученым.

Сегодня, когда в целом советский марксизм переживает кризис, можно говорить о возникновении в советской философии новой школы, школы профессора Вазюлина, ученики которого в честь 60-летия Ученого провели в сентябре 1992 г. международную научно-практическую конференцию и издали сборник ее материалов.²²⁶

Философский процесс, развертывающийся ныне в стране, напоминает период 30-40-х гг. XIX века. Классика болезненно переходит в неклассическую стадию. Основной ветвью буржуазной философии после середины XIX века стал позитивизм как продолжение рационалистической буржуазной классики. Закономерная эволюция советского марксизма позволяет говорить, что нас ожидает медленное, но неизбежное «вхождение» в зрелый марксизм. Очевидно, это будет связано со вступлением социализма в фазу развития на его собственной основе. Формальное обобществление должно также смениться реальным обобществлением производства в целом общественной жизни, как и свое время, формальное подчинение труда капиталу сменилось в середине XIX века реальным.

Итак, домарксистское в значительной степени прочтение Маркса советскими философами на протяжении 75 лет изжило себя, закономерно породив настоящий кризис. Но эволюция советской диалектики подготовила исследователей, которые уже начали творческий процесс развития марксизма. Как ни мрачен сегодняшний период Реставрации, впереди видится просветление, связанное с сознательной социализацией общества и с сознательным диалектико-материалистическим мировоззрением.

²²⁵См. его: Логика истории. Вопросы теории и методологии. М., 1988.

²²⁶Логика истории и перспективы развития науки. Труды международной логико-исторической школы. Вып.1. М., 1998.

Вместо заключения

Буржуазная Реставрация породила не только отказ от диалектического материализма и переход к позитивизму. Пышным цветом расцвел иррационализм и религиозная философия. Что касается иррационализма, отсылаем читателя к своей статье «Об идеологии современного госкапитализма в России (на примере концепции О. Матвейчева)²²⁷. Матвейчев пишет, что главным является не наука, а воля. Говоря о Ницше, он подчеркивает: «Это не научное мышление, но оно ИСТИННЕЕ (выделено им – С.Р.,) чем вся наука»²²⁸. В том же духе рассуждает доктор философских наук В.В.Варава, утверждающий в интервью «Аргументам недели», что в русской философии главное не познание, а переживание бытия²²⁹. Ясно, что ожидать развития материалистической диалектики на путях иррационализма и русской идеалистической философии не приходится.

Зато Китай, демонстрирующий удивительные успехи на фоне остального мира, сознательно ориентируется на марксизм. Академик китайской Академии общественных наук Чен Эньфу в книге, изданной в России в 2021 г., пишет: «однако только марксизм, касающийся убеждений и основных ценностей в жизни, является научным и передовым и должен и обязан в конечном итоге быть популяризирован и реализован во всем мире»²³⁰.

Итак, если мы хотим двигаться по пути прогресса, наша задача – развивать и углублять диалектический материализм.

²²⁷Актуальные проблемы современного марксизма. Вып. 14.- Воронеж, 2022.

²²⁸Там же, С. 55.

²²⁹Аргументы недели №27 (822) 13-19 мая 2022.

²³⁰Чен Эньфу Китайский новаторский марксизм – М., «Родина», 2021 С. 89.